

ПОВОЛЖСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ НАУЧНОГО СОВЕТА РАН
ПО ИСТОРИИ СОЦИАЛЬНЫХ РЕФОРМ, ДВИЖЕНИЙ И РЕВОЛЮЦИЙ
САМАРСКАЯ ОБЛАСТНАЯ УНИВЕРСАЛЬНАЯ НАУЧНАЯ БИБЛИОТЕКА

XX ВЕК И РОССИЯ: общество, реформы, революции

ВЫПУСК 4

САМАРА

2016

УДК 94(47)083.5

ББК 63.3(2)5+
63.3(2)6

XX век и Россия: общество, реформы, революции [Электронный ресурс]: электрон. сб. Вып. 4. – Электрон. дан. – Самара, 2016. – Режим доступа: <http://sbornik.libsmr.ru/>

Редакторы-составители:

к. и. н. А.В. Калягин, к. и. н. В.И. Гольцов, к. и. н. Н.М. Малкова,
к. и. н. В.Ю. Морозов

Четвертый выпуск сборника содержит статьи и материалы, отражающие развитие российского общества в XX столетии.

Сборник предназначен для исследователей, преподавателей, студентов и всех, кто интересуется историей России.

знак информационной
продукции

12+

ISBN 978-5-4259-0301-3

© Авторы публикаций, 2016

© Самарская областная универсальная научная библиотека, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
Статьи	
Калягин А.В. (Самара) – Почему я стал белым... (По материалам белогвардейских дневников и мемуаров) <i>Выясняются и анализируются причины и мотивы участия людей в белом движении.</i>	5
Дубровская Е.Ю. (Петрозаводск) – Повседневность в чрезвычайных обстоятельствах: гражданская война в Карелии – время экстремальных ситуаций (1918–1920) <i>Исследуются действия, поведение, образ жизни населения Олонецкой губернии и Кемского уезда Архангельской губернии в чрезвычайных обстоятельствах гражданской войны и иностранной военной интервенции на Севере России.</i>	31
Сообщения и заметки	
Ченская Т.В. (Орел) – Крестьянские настроения в период перевыборов в Советы 1926, 1929 гг. (на примере Орловской губернии/области) <i>На материалах перевыборных кампаний в Советы в 1926 и 1929 гг. показана динамика настроений орловского крестьянства в сторону нарастающего недовольства политикой советской власти.</i>	44
Кусков С.А. (Челябинск) – Забытые госпитали. Организация военного здравоохранения на Урале в период Советско-финской войны <i>Освещается создание системы эвакуационных госпиталей на Урале в годы Советско-финской войны.</i>	56
Личность в истории	
Зеленская Т.В. (Таганрог) – Василий Митрофанович Базилевич: судьба «маленького человека» на фоне исторической драмы большой страны <i>Рассказывается о судьбе историка и краеведа В.М. Базилевича, погибшего в период немецкой оккупации г. Таганрога в годы Великой Отечественной войны.</i>	66
Мерзляков М.П. (станция Раздорская) – «Красный казак» Петр Алексеевич Чернов: страницы биографии <i>Освещается жизненный путь «красного казака» П.А. Чернова, отразивший особенности советизации донского казачества.</i>	75

Дискуссионная трибуна

- Хакимов Р.Ш.** (Челябинск) – СССР: страна отложенного спроса 84
В качестве характерной черты советской цивилизации, ставшей в итоге одной из причин ее краха, выделяется культивируемый властью в среде населения СССР феномен ожидания светлого будущего.

Свидетельства и документы

- Самара в 1914–1915 гг. (Воспоминания А.Г. Елшина) 90
Подготовка публикации – **Фролова К.В.** (Самара), **Черкасова М.В.** (Самара)
- Коммунисты против террора. (Анонимное письмо в Курганскую ЧК, июль 1920 г.) 104
Подготовка публикации – **Кусков С.А.** (Челябинск)

Редкое издание

- Н.Е. Добронравов. Кровавые жертвы. Десятидневный бой под Мукденом 109
Подготовка публикации – **Александров А.В.** (Самара), **Морозов В.Ю.** (Самара)

Преподавателю на заметку

- Тютюкин С.В.** (Москва) – Проблемы модернизации России в XIX – начале XX столетия. (Материалы к курсу) 121
Публикация материалов по проблемам модернизации России в XIX – начале XX столетия, в основу которых положены лекции, прочитанные автором на историческом факультете Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при МГУ им. М.В. Ломоносова в 1990-е годы.

Книжная полка

- Из поступлений в Самарскую областную универсальную научную библиотеку 190

Калягин Андрей Владимирович

*кандидат исторических наук
Самарский национальный исследовательский университет
имени академика С.П. Королева*

ПОЧЕМУ Я СТАЛ БЕЛЫМ...

(По материалам белогвардейских дневников и мемуаров)

При всем многообразии литературы, посвященной белому движению, тему не приходится считать исчерпанной. Существует целый ряд моментов, все еще не нашедших должного отражения. К таковым, в частности, относится вопрос о причинах и мотивах участия людей в Гражданской войне в рядах белого воинства.

Советской исторической науке проблематика белого движения была просто чужда¹. В белоэмигрантских трудах, напротив, подчеркивались (особенно после Второй мировой войны) патриотизм и бескорыстие белых в борьбе «за высокие идеалы»: за Родину, веру и интересы народа. Вот что писал, например, в журнале Калифорнийского общества участников 1-го Кубанского генерала Корнилова похода «Вестнике первоходника» В. Феодорович: «...Он не увидел, он не понял, этот народ, что в отличие от большевиков, не боящихся лжи, у добровольцев, бывших в набат, зовущий в 1-й Кубанский поход, были только воины, не помышляющие ни о корысти, ни о гражданской или воинской славе и чести для себя, но только о спасении поруганной Родины, о вере христианской, о народе и счастье народном»². Данный подход укоренился и в современной российской литературе, прежде всего в ее политико-публицистическом ответвлении. Процесс десоветизации и декоммунизации породил явную идеализацию противников большевистского режима. Как следствие, участники белого движения оказались одетыми в тоги святых, исключительной целью которых было защитить и освободить Родину от ее разрушителей.

Подобный образ «святого воина» заслоняет от внимания исследователей то

¹ В многотомной «Советской исторической энциклопедии», например, не были даже упомянуты понятия «белое движение», «белые», «белогвардеец». (См.: Т. 2. М., 1962).

² Феодорович В. Послесловие // Вестник первоходника. 1963. № 17. С. 38.

многообразии причин и мотивов, в силу которых люди оказывались в белых рядах. Дело чаще всего ограничивается «замечаниями по ходу». Внимание при этом концентрируется в основном на деятельности большевиков. Одни указывают на их деструктивную политику в отношении интеллигенции и офицерства³. Другие пишут о ненависти к большевикам по идейным соображениям, хотя соображения нередко кардинально противоположного характера. «...В Белую армию стекались люди очень разных взглядов. Все они ненавидели большевиков, но ненавидели по разным причинам. Одни – за то, что красные "погубили старую Россию", другие – за то, что они "предали революцию" и демократические идеалы»⁴. Серьезный анализ, однако, отсутствует. Даже в фундаментальном труде С.В. Волкова, рассмотревшего положение офицерства и происходившие в его недрах после революции процессы, вопрос не получил должного отражения⁵.

Положительным исключением является небольшая статья А.А. Шувалова, посвященная выбору представителями российского офицерства той или иной стороны противостояния в условиях разгоравшейся гражданской войны⁶. Автор приходит при этом к выводу, что убежденными противниками советской власти являлось порядка 2–3 % офицеров, участвовавших в антибольшевистской борьбе, а 90 % сражались «для самообороны, ради "куска хлеба", из-за жалования»⁷. Однако убедительных обоснований этому выводу А.А. Шувалов не представил.

Складывается впечатление, что исследователи сторонятся проблемы, тогда как ее изучение позволило бы более точно осмыслить и оценить многие страницы истории белой борьбы, внутренние коллизии белого движения, причины его провала. Дало бы возможность понять и объяснить действия, которые формировали реальности практической политики белых на местах, реальности, которые зачастую далеко расходились с официальными установками белого руководства. Цель настоящей статьи – заполнить существующую лакуну, выявить и проанализировать, используя дневниковые записи и воспоминания непосредственных участников и очевидцев белого движения, тот комплекс мотивов и причин, что заставляли людей воевать в белых рядах в годы Гражданской войны.

³ См., напр.: *Войнов В.М.* Офицерский корпус белых армий на востоке страны (1918–1920 гг.) // Отечественная история. 1994. № 6. С. 53; *Свитова К.* «Эта каста должна быть разрушена!»: отношение большевиков к интеллигенции // Гражданская война как феномен мировой истории. (Материалы научной конференции 26 апреля 2008 г.). Екатеринбург, 2008. С. 113.

⁴ *Щербаков А.* Гражданская война. Генеральная репетиция демократии. М., 2011. С. 153.

⁵ *Волков С.В.* Трагедия русского офицерства. М., 2001.

⁶ *Шувалов А.А.* Причины выбора представителями русского офицерского корпуса противоборствующей стороны в конце 1917 – начале 1918 г. // Вестник Брянского государственного университета. История. Литературоведение. Право. Языковедение. 2012. № 2 (2).

⁷ Там же. С. 104.

Дневники и мемуары традиционно относят в силу присущей им высокой субъективности к категории ненадежных источников. Но именно это делает их незаменимыми в нашем конкретном случае. Где еще, как не в воспоминаниях и дневниках, можно обнаружить то многообразие чувств, переживаний, эмоций и настроений, позволяющих понять истинные основания участия людей в белом движении? Прежде всего здесь стоит отметить отношение к революционным событиям 1917 года.

Разочарование революцией

На вопрос о причинах вступления в Добровольческую армию один из офицеров ответил: «Надоели семечки!»⁸ Подсолнечная шелуха, как известно, буквально устилала тогда мостовые, став «символом революции»...

Часть общества изначально отрицательно восприняла начавшиеся в стране революционные события. По признанию участника белого движения Н.В. Краинского, «с первых дней февральской катастрофы гибель России была для меня совершенно ясна. Ко всем событиям революции я чувствовал одно лишь омерзение»⁹. Однако значительной частью гражданского общества, его буржуазно-интеллигентскими слоями события конца февраля – начала марта были восприняты вполне позитивно.

Отношение офицерства сложнее. Революционный переворот больно затронул его кадровую часть. П.Р. Бермондт-Авалов вспоминал: «С того момента, когда состоялось отречение от престола государя императора, мы, кадровые офицеры, остались без всякой точки опоры, которая могла бы нас поддержать и дать возможность начать снова работать, мы фактически висели в воздухе, завися исключительно от случайности. Все, что делалось вокруг, что мы слышали и видели, казалось далеким от необходимого и создавало убеждение о близкой катастрофе всей этой бутафории. Неопределенность и туманность нового положения еще более способствовали угнетенному состоянию духа»¹⁰. Но основная масса офицерства отнеслась к происшедшим событиям если и не с восторгом, то достаточно спокойно и не без доли симпатии¹¹. Негативная реакция, рождавшая стремление к сопротивлению, явилась следствием последующего развития процессов¹². События

⁸ Р. Прапорщик Быховец // Первопоходник. 1976. № 33. С. 44.

⁹ Краинский Н. Психofilm русской революции. М., 2016. С. 121.

¹⁰ Авалов П. В борьбе с большевизмом. Глюкштадт; Гамбург, 1925. С. 18.

¹¹ См.: Головин Н.Н. Российская контрреволюция в 1917–1918 гг. Б.м., 1937. Ч. I. С. 86; Лукомский А.С. Из воспоминаний // Архив русской революции. Берлин, 1921. Т. II. С. 30–31; Оберучев К.М. Офицеры в русской революции. Нью-Йорк, 1918. С. 7–10.

¹² В белоэмигрантских кругах начало белого движения относили к апрелю–маю 1917 г., связывая с образованием Союза офицеров армии и флота. (См.: Сергиевский Б.Н. Зарождение белого движения.

же октября обострили ситуацию до крайности. «Становилось противно оставаться», – вспоминал генерал-лейтенант М.А. Свечин. И добившись от корпусного комитета отпускного билета, подтверждавшего, что он «уволен на два месяца в отпуск во все места республики», генерал отправился на Дон, «...где, по доходившим до нас сведениям, организовывалась Добровольческая армия»¹³. Генерал Свечин не был исключением...

Однако констатация ситуации «разочарования революцией» помогает понять выбор людей, но еще не отвечает на центральный вопрос: что конкретно рождало это самое «стремление на Дон»? За «надоевшими семечками» могли скрываться самые разнообразные мотивы, заставлявшие делать этот выбор. Первое, что обнаружим в этом отношении в белых мемуарах, – восприятие происходившего как угрозы престижу и самому существованию России.

Против «интернационала»

«К вакханалии, созданной революцией и приведшей к полному разложению армии и к смуте в стране, прибавился новый ужас – захват центральной государственной власти шайкой интернациональных негодяев. Нависла угроза над самим бытием России как великой и национальной Державы», – писал генерал А.С. Лукомский¹⁴. Более лаконичен генерал К.В. Сахаров: «Национальная Русь восстала против интернационала»¹⁵.

«Интернационал» подразумевал широкий спектр, начиная от латышей и китайцев... Но центральное место отводили «угрозе германской» и «угрозе еврейской». Член Особого совещания при Деникине профессор К.Н. Соколов признавался, что «революция часто исчерпывалась для нас понятием "бунта", а большевики были не более, как "германские агенты"»¹⁶. Называл немцев «антрепренерами большевиков» и другой политический деятель, участник Ледяного похода добровольцев Л.В. Половцов. Целью генерала Алексеева при создании Добровольческой армии было, по его словам, именно продолжение борьбы с германской угрозой. Правда, он не мог не признать при этом, что «боевое свое крещение армия получила в борьбе с защитниками немцев, *русскими крестьянами* (курсив мой. – А.К.), а с самими немцами никогда не встречалась на поле битвы». И все же, боролись именно с немцами, хотя и «посредственно, через головы

(Доклад на собрании «Первопоходников» в 1958 г.) // Вестник первопоходника. 1967. № 73–74. С. 4; Колчинский. «Дело» генерала Корнилова. (Возражения А.Ф. Керенскому) // Там же. 1964. № 28. С. 13).

¹³ Свечин М. Записки старого генерала о былом. Ницца, 1964. С. 139.

¹⁴ Лукомский А. Борьба за возрождение России // В память I-го Кубанского похода. Белград, 1926. С. 45.

¹⁵ Сахаров К. Белая Сибирь // Восточный фронт адмирала Колчака. М., 2004. С. 61.

¹⁶ Соколов К.Н. Правление генерала Деникина (из воспоминаний). София, 1921. С. 197.

большевиков»¹⁷. Логика оригинальная, но отражает действительно распространенные тогда настроения. Поручик Мария Бочкарева, инициатор создания женских батальонов, указывала: «В это время я была приверженкой Корнилова и была убеждена, что Советская власть идет рука об руку с немцами, с тем, чтобы посадить на русский престол Вильгельма, об этом говорило все офицерство и та среда, в которой я вращалась»¹⁸. Или запись в дневнике куда более образованного генерала А.П. фон Будберга: «Что такое верхи большевизма, говорит ясно их наемное немецкое происхождение...» Генерал даже называл большевиков «немцевиками»¹⁹.

Немцев считали непосредственными организаторами Красной армии, при этом распространялись самые фантастические слухи. К примеру, известного советского военачальника В.К. Блюхера считали «офицером австрийского или германского Генерального штаба – потомком знаменитого прусского фельдмаршала Блюхера»²⁰. Лишь в эмиграции, да и то немало лет спустя, стали признавать, что Красная армия была сформирована не немцами, но усилиями русских офицеров, выпускников Академии Генерального штаба, воевавших на стороне большевиков²¹.

Широко была распространена и юдофобия. «Оскорбленное национальное чувство», указывал прошедший с Добровольческой армией Ледяной поход Н.Н. Львов, находило отражение в ненависти к евреям²². Рассмотревший данный вопрос С.П. Мельгунов также отмечал, что в рядовой психологии происходило отождествление большевизма с еврейством²³. Похоже, что не только в «рядовой психологии». Генерал К.В. Сахаров, например, даже не пытался скрывать своей ненависти к «игу интернационала», где «девять десятых были иудеи, прикрывавшие свои специфические фамилии "блюмов" и "штейнов" псевдонимами»²⁴.

Отрицая, однако, «интернационал» и «еврейскую революцию», сами белые не менее впадали в «грех интернационализма». Откроем воспоминания атамана

¹⁷ Рыцари Тернового Венца. Воспоминания члена Государственной думы Л.В. Половцова о 1-м Кубанском (Ледяном) походе ген. М.В. Алексеева, Л.Г. Корнилова и А.И. Деникина. Прага, Б.г. С. 212. (Далее – Рыцари Тернового Венца. Восп. Л.В. Половцова).

¹⁸ «Мой батальон не остримит России...» Окончательный протокол допроса Марии Бочкаревой // Родина. 1993. № 8–9. С. 79.

¹⁹ Будберг А. Дневник // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. XII. С. 236, 238.

²⁰ Акулинин И.Г. Оренбургское казачье войско в борьбе с большевиками. 1917–1920 // Донские казаки в борьбе с большевиками: сайт. URL: <http://elan-kazak.ru/sites/default/files/IMAGES/ARHIV/Memuar/akulinin/akulinin2.pdf> (дата обращения: 12.12.2015)

²¹ См.: Байов А. Генеральный штаб во время гражданской войны // Часовой. 1932. № 84. С. 4.

²² Белое движение. Доклад Н.Н. Львова. Белград, 1924. С. 14.

²³ Мельгунов С. Антисемитизм и погромы // Голос минувшего на чужой стороне. 1927. № 5. С. 239.

²⁴ Сахаров К. Указ. соч. С. 118.

Г.М. Семенова и убедимся, что в составе его сил были монголы, китайцы, корейцы. Найдем у него и бельгийцев, батальон японских добровольцев, отряд сербов и военно-полицейскую команду из военнопленных германцев и турок²⁵. Впрочем, в случае с Семеновым можно сослаться на региональную специфику. Да и личность атамана имела одиозный оттенок.

Но вот Добровольческая армия... Р.Б. Гуль упоминает в ее составе китайский отряд сотника Хоперского²⁶. Встречаются в мемуарах и персы, совершавшие в рядах добровольцев Ледяной поход²⁷. Немалое внимание уделялось привлечению военнопленных из армий австро-германского блока. Добровольческое командование изначально добивалось переброски на Дон чехословацких частей²⁸. И хотя чешское руководство категорически этому воспротивилось, в составе армии был сформирован чехословацкий инженерный полк²⁹. А командир Партизанского полка Б.И. Казанович вспомнил, как в ходе первого штурма Екатеринодара ему удалось прорваться в город, где в казарме обнаружили военнопленных австрийцев. За то, что он не вывел их из города, Казанович получил нагоняй от генерала Корнилова, так как среди них могли оказаться «пригодные для пополнения Добровольческой армии»³⁰. В дальнейшем даже «цветные» полки не брезговали восполнять свои ряды «красными интернационалистами» из бывших военнопленных, что подтверждают записи подобно следующей: «...Мы (марковцы. – А.К.), в составе 600 человек, разгромили три интернациональных полка немцев и мадьяр. Получили 8 пленных на пополнение роты»³¹.

²⁵ Семенов Г.М. О себе: Воспоминания, мысли и выводы. М., 2002. С. 111, 129, 132–133, 148, 149, 166, 167, 176, 184–185.

²⁶ Гуль Р.Б. Ледяной поход // Белое дело. Ледяной поход. М., 1993. С. 246–247.

²⁷ Басов Н. Ново-Дмитриевская // Вестник первоходника. 1962. № 8. С. 13; Рыцари Тернового Венца. Восп. Л.В. Половцова. С. 142.

²⁸ См.: Жанен М. Отрывки из моего сибирского дневника // Колчаковщина. Из белых мемуаров. Л., 1930. С. 104; Лисовой Я.М. Заседание Политического Совещания Добровольческой армии 15 января 1918 г. // Белый архив. Париж, 1926. Т. 1. С. 96–97; Падалкин А. Деятельность генерала П.Х. Попова с начала революции до Степного похода // Донская армия в борьбе с большевиками. М., 2004. С. 126; Трушнович А.Р. Воспоминания корниловца (1914–1934) // Добровольческий корпус: сайт. URL: http://www.dk1868.ru/history/zap_korn2.htm (дата обращения: 12.12.2015).

²⁹ См.: Булюбаш Е. Мои воспоминания о Первом кубанском походе // Вестник первоходника. 1963. № 17. С. 21; Ваврик В.Р. Чехословацкий инженерный полк и Галицко-русский взвод в Корниловском походе // В память I-го Кубанского похода. С. 107–112; Доклад члена Русского Народного Совета Прикарпатской Руси Г.С. Малец, 30 мая 1919 г. // Белый архив. Т. 1. С. 163–174.

³⁰ Казанович Б. Атака Екатеринодара и смерть Корнилова. (Из воспоминаний участника 1-го Кубанского похода) // В память I-го Кубанского похода. С. 55.

³¹ Марковцы в Русской Армии // Русская Армия генерала Врангеля. Бои на Кубани и в Северной Таврии. М., 2003. С. 192.

У Колчака, помимо чехов, имелись части из поляков, сербов, румын, латышей³².

Немало среди белых было и евреев, которые регулярно упоминаются в белогвардейских мемуарах. Упоминаются именно как героические участники белой борьбы³³. Вот, хотя бы, 1-й батальон Корниловского полка. Читаем: «Весь состав его состоял из офицеров-добровольцев, пробравшихся на Дон через красные рогатки чудом, был он чисто офицерским и имел в своих рядах евреев-прапорщиков производства Керенского. Все они держали себя отлично и все пали смертью храбрых в первом же походе»³⁴.

Дело, вероятно, не в национальном происхождении. Но настроения имелись. И белая пропаганда всячески подчеркивала борьбу против «иностранных ставленников»³⁵, привлекая тем самым определенный контингент в свои ряды.

«Мы бились за русский народ»

Достаточно популярной в мемуарах участников белого движения является также тема «народа». Вот что писал командир Дроздовской стрелковой дивизии А.В. Туркул: «Мы бились за русский народ, за его свободу и душу, чтобы он, обманутый, не стал советским рабом»³⁶.

Имеются, однако, и иные свидетельства, которые заставляют несколько иначе взглянуть на ситуацию, признать, что «счастье и свобода народа» вовсе не выступали ведущим мотивом для белого воинства. В.В. Шульгин язвил: «Белые не презирают русский народ... Ведь если его не любить, за что же умирать и так горько страдать?»³⁷ В справедливом сарказме Василию Витальевичу не откажешь. При всех заявлениях о борьбе за «русский народ» крестьяне и рабочие с их нуждами теплых чувств у подавляющей массы белых не вызывали. Характерный разговор на одном из привалов во время Ледяного похода припомнил Н.Н. Львов. На вопрос – «стоит ли собой жертвовать за русский народ?» – капитан Рахманов не замедлил ответить: «Да я за русский народ воевать и не намерен, а я воюю потому, что если бы не

³² Петров П. От Волги до Тихого океана в рядах белых // Восточный фронт адмирала Колчака. С. 11; Филатьев Д. Катастрофа Белого движения в Сибири // Гражданская война в России: Катастрофа Белого движения в Сибири. М.; СПб., 2005. С. 67; Гонпер К. Начало и конец Колчака // Там же. С. 156.

³³ Черепов А.Н. Зарождение добровольческой борьбы на Юге России // Вестник первоходника. 1967. № 75. С. 19; Пронин Д. Записки дроздовца-артиллериста // Пронин Д., Александровский Г., Ребиков Н. Седьмая гаубичная. 1918–1921. Нью-Йорк, 1960. С. 17–18; Туркул А.В. Дроздовцы в огне. Белград, 1937. С. 123–124; Филимонов Б. Поход степных полков летом 1918 года // 1918 год на Востоке России. М., 2003. С. 315.

³⁴ Корниловский Ударный полк. 1917–1974. Материалы для истории Корниловского Ударного полка. Париж, 1969. С. 122–123.

³⁵ См.: Головань Г. Прошлое обязывает // Вестник первоходника. 1964. № 34. С. 23.

³⁶ Туркул А.В. Указ. соч. С. 5.

³⁷ Шульгин В.В. Дни. 1920: Записки. М., 1989. С. 290.

воевал, то считал бы себя подлецом»³⁸. А один из первых добровольцев В.А. Ларионов прямо признавался, что шли бороться с «взбесившимся народом»³⁹.

Закономерно, что и сам народ не видел в белых выразителей его интересов. Генерал П.И. Залесский вынужден был констатировать, что своими для народных масс были большевики: «Наши идут!» Тогда как приход белых оценивался: «Господа (паны) пришли!»⁴⁰ Здесь можно вспомнить эпизод из мемуаров полковника И.М. Калинина. Арестованная в Крыму за помощь красноармейцам молодая крестьянка на вопрос, почему ей так нравятся красные, ответила: «Потому что это наши... Нету страха к ним... Разве не видели снимков, ведь у нас отобрали кучу фотографий... Все ихние начальники запанибрата с нами снимались... А вас мы боимся... Чужие вы, вот что»⁴¹.

По совести и за идею

Бесспорно, что целый ряд участников белого движения вступили в борьбу по идейным соображениям, хотя политические симпатии рядовых белогвардейцев были зачастую кардинально противоположными. Кто-то тосковал по самодержавной монархии, как, например, Н.В. Краинский, считавший Добровольческую армию «борющейся за спасение единственной России, которую знала история, – России исторической, Царской»⁴². Кто-то же записывал: «Послужить я за Россию согласен, но только не за старо-реакционную; если увижу, что дело будет клониться к тому, то до свидания»⁴³.

И все же прослеживается некоторая объединяющая черта, отмеченная одним из создателей Союза возрождения России В.А. Мякотиним: были «идеалисты, горевшие лишь одним желанием – освободить родину от гнета невыносимого насилия»⁴⁴. Из подобных побуждений отправился на Юг капитан П. Месняев. К осени 1918 г. он добрался в Новочеркасск, где отказался ждать офицерского назначения в

³⁸ Львов Н.Н.: 1) Свет во тьме. Очерки ледяного похода. Сидней, 1972. С. 69; 2) 31 марта 1918 года // Вестник Главного правления Общества галлиполийцев. Трехлетие Общества галлиполийцев (1921–1924). Белград, 1924. С. 43.

³⁹ Ларионов В.А. Первый бой // 50 лет верности России. 1917–1967. Париж, 1967. С. 24.

⁴⁰ Залесский П.И. Главные причины неудач белого движения на Юге России // Белый архив. Париж, 1928. Т. II–III. С. 157.

⁴¹ Калинин И.М. Под знаменем Врангеля: Заметки бывшего военного прокурора. Ростов н/Д., 1991. С. 130.

⁴² Краинский Н. Указ. соч. С. 121.

⁴³ А.В. Дневник обывателя (26 июля 1918 г. – 4 апреля 1919 г.) // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. IV. С. 260.

⁴⁴ Мякотин В. Из недалекого прошлого. (Отрывки воспоминаний) // На чужой стороне. 1925. № 9. С. 289.

одну из формирующихся частей, а вступил в Марковский полк рядовым⁴⁵. К этой группе можно отнести и Д.И. Мейснера⁴⁶. Таков профессор В.Х. Даватц, отвергший тыловое благополучие, по собственному его признанию, из чувства стыда и разочарования «общественной деятельностью»: «Писались резолюции, спорили, постепенно впадали в панику и запасались деньгами и заграничными паспортами. И в один прекрасный день из политического деятеля и профессора я стал солдатом бронепоезда "На Москву"»⁴⁷. Учитывая, что в армию Даватц вступил на ее трагическом изломе, незадолго до Новороссийской катастрофы, усомниться в искренности его чувств не приходится.

Впрочем, переоценивать идейно-патриотические мотивы участия в белом движении опять же не стоит. Отправившийся на восток для борьбы с большевиками генерал А.П. фон Будберг описывает встреченную им картину: «За идею стоят, гибнут и готовы гибнуть только кучки старых офицеров и их детей – кадет, гимназистов, юнкеров, – представителей старых идей долга и служения государству за совесть; но их очень немного»⁴⁸. Искренний идейный контингент возможно и превалировал в момент непосредственного зарождения белой борьбы на Юге России, но по мере развития ситуации картина и здесь все более менялась, на что указал в своем письме А.И. Деникину в марте 1920 г. генерал Лукомский: «Из числа идейных офицеров, начавших дело в 1917 году и присоединившихся к Добровольческой армии в 1918 году, осталось немного. Большинство ныне состоящих в нашей армии офицеров – заурядные, развращенные за период революции и далеко не "идейные"»⁴⁹.

«Считаю своим долгом...»

Часть из тех, кто сделал белый выбор, не вдаваясь глубоко в вопросы идеологии, руководствовались чувством служебного долга, как, например, доброволец С.М. Пауль. В декабре 1917 г. он приехал в Новочеркасск, приехал вовсе не с заранее поставленной целью вступить в борьбу с большевиками. Просто в Новочеркасске жила его семья. «Недели две гуляю, завожу знакомства, серьезно не задумываюсь», – признается он. И лишь отдохнув... «Наступает время исполнить свой долг офицера. 23 декабря записываюсь в Добровольческую армию. Попал в первую роту 1-го сводно-офицерского батальона»⁵⁰. Никакой патетики, никакой

⁴⁵ Месняев П. Мой выбор // Часовой. 1955. № 359. С. 9.

⁴⁶ Мейснер Д.И. Миражи и действительность. Записки эмигранта. М., 1966. С. 88–89.

⁴⁷ Даватц В. На Москву. Paris, 1921. С. 10.

⁴⁸ Будберг А. Указ. соч. С. 279.

⁴⁹ Россия антибольшевистская: Из белогвардейских и эмигрантских архивов. М., 1995. С. 282.

⁵⁰ Пауль С.М. С Корниловым // Белое дело. Ледяной поход. С. 182, 183.

наигранной героизации, ни слова о ненависти к большевикам. Человек вернулся с фронта, отдохнул. А далее... «наступает время исполнить свой долг офицера». Так он его понимал. При этом даже не попытался скрыть глубокого отвращения к войне, где «свой убивает своего», возникавшего желания «бросить все»⁵¹. Но чувство долга заставляло участвовать в братоубийственной войне...

Факты, когда в воспоминаниях не просто красивые слова о долге, а именно реальности его исполнения в соответствии с существующим у человека пониманием, отражают подчас ситуации, которые даже трудно представить. Так капитан А.А. Оленин вспомнил старшего фейерверкера своей батареи Сафонова: «Прекрасный солдат, способный и толковый артиллерист, прямой и честный, с необыкновенно развитым чувством долга – он еще в Армавире (здесь в 1919 г. располагалась учебно-подготовительная артиллерийская школа. – А.К.) открыто заявил, что по своим политическим убеждениям он – коммунист, но что как старый солдат считает своим долгом служить нам верой и правдой. И, действительно, таким верным служакой он и остался до конца»⁵².

Верность традициям

Рядом с чувством долга стояла верность традициям, или что генерал Б.А. Штейфон определил как «офицерская психология», отметив ситуацию, когда офицеры «воздерживались от немедленного вступления в Добровольческую армию» не из стремления уклониться от борьбы, а ожидая возрождения частей, где им ранее приходилось служить⁵³. Сам Штейфон упомянул в этой связи воссоздание Белозерского полка. Полковник Н.А. Протопопов вспомнил группу офицеров Перновского полка, направлявшихся в Пермь: «Перновцы несли с собой старое боевое знамя 3-го гренадерского Перновского полка и их мечтой было как можно скорее перейти к чехам и у них начать формирование славного Перновского полка...»⁵⁴ А штабс-капитан К. Попов писал о своем сослуживце Толе Побоевском. Еще в начале революционных событий тот уехал во Францию, но узнав о формировании Сводно-Гренадерского батальона, поспешил обратно в Россию и приехал в Екатеринодар специально, чтобы вступить в его ряды. «Решено было, что 2-го января (1919 г. – А.К.) мы вместе выедем в наш Сводно-Гренадерский батальон,

⁵¹ Пауль С.М. С Корниловым. С. 188.

⁵² Оленин А.А. 1-я школьная батарея. Записки капитана Добровольческой армии (1920–1921 гг.) // Звезда. 2002. № 4. С. 208.

⁵³ Штейфон Б.А. Кризис добровольчества // Белое дело. Добровольцы и партизаны. М., 1996. С. 291.

⁵⁴ Белые подпольщики и партизаны Прикамья в 1918 г. (Книга полковника Н.А. Протопопова «По Закамским лесам»). Ижевск, 2014. С. 9.

так как Толя ехал сюда именно с этой целью. Он не заехал даже домой повидать своих родных, которых не видел столько лет»⁵⁵.

Подобные чувства были присущи не только русским офицерам и солдатам. А. Думбадзе вспомнил некоего Али из крымских татар, который «...потерял руку еще на большой войне, но и с одной рукой, услышав о формировании родного полка, он сразу же явился и встал в строй»⁵⁶. Али называл себя «татарский русский солдат, совершенно Крымского государыни Александры Федоровны полка». Причем подчеркивал, что является всадником шестого эскадрона, хотя в Добровольческой армии шести эскадронов в полку не имелось. «Он был своего шестого эскадрона – никакого другого»⁵⁷.

«Офицерская психология» вполне, таким образом, может быть названа в ряду причин участия в белом движении.

Разрушение устоев

Не пренебречь и тем фактом, что в революционных катаклизмах рушился привычный образ жизни, порождая у части общества стремление защитить привычные устои и традиционные нормы бытия.

Как могло накапливаться подобное стремление, мы видим в воспоминаниях 16-летнего гимназиста Павла Жадана, жившего в Ставропольском крае. Все началось с посещения их хозяйства комиссаром в сопровождении группы парней из соседнего села, потребовавших передать их селу часть земли и инвентарь. Правда, удовлетворились в итоге взяткой, но... пообещали вернуться. После этого отец поспешил отправить Павла подальше в степь... Сам же был вскоре арестован, хотя затем и отпущен. Пережив все эти мытарства, семья перебралась в Ставрополь, который в 1918 г. был занят белыми. При этом приоритетом для Павла все еще оставалась переэкзаменовка по немецкому языку. Решение о вступлении в ряды белых пришло спонтанно, когда он стал очевидцем развернувшегося за город боя. «С нашей Мавринской улицы бой между белой армией, защищавшей город, и красной армией, наступавшей на Ставрополь, был хорошо виден. Я несколько раз прерывал свои занятия и наблюдал за боем. Я думал о скитаниях по степи, об аресте отца с угрозой расстрела, обо всех трудностях, пережитых нашей семьей, родственниками и друзьями. Могу ли я спокойно заниматься, когда в этом бою гибнут люди, защищая мою жизнь и жизни мирных жителей города? Я сложил книги, оделся и сказал Марии Павловне, что ухажу записываться добровольцем в белую

⁵⁵ Попов К. Воспоминания кавказского гренадера. 1914–1920. Белград, 1925. С. 219.

⁵⁶ Думбадзе А. Куйдеши // Часовой. 1982. № 637. С. 29.

⁵⁷ Там же. С. 30.

армию. Комиссия Третьего ставропольского офицерского полка помещалась в Ольгинской гимназии за квартал от нашей Мавринской улицы»⁵⁸.

Стремление сохранить и защитить привычные устои было присуще более всего этнически, конфессионально, социально обособленным группам населения. Генерал-майор И.Г. Акулинин вспоминал настроения Оренбургского казачества: «Подавляющее большинство населения станиц и поселков к пропаганде большевизма относилось отрицательно, хотя бы в силу своего природного консерватизма. Но ясного, отчетливого представления о большевизме и его разрушительных началах – у казаков не было»⁵⁹. Проще говоря, в большевиках видели зло не в силу их идей («отчетливого представления» по этому вопросу нет). Они – зло, поскольку несут разрушение традиционного уклада жизни. А потому с ними необходимо бороться. Белые не нарушают этот уклад, следовательно, бороться необходимо на стороне белых.

Подобная логика являлась особенно характерной для пожилого поколения, что отмечает командующий Уральской отдельной армией В.С. Толстов, как бы дополняющий и развивающий замечание Акулинина: «Каждый, особенно из нас, испытавший в полном объеме гражданскую неурядицу, знает, что главными двигателями в борьбе против чего-то нового являлись главным образом старики. Если хорошо разобраться, двигателем у стариков была только привычка к старому, укоренившемуся»⁶⁰.

Ситуация максимально обострялась, когда помимо традиций и обычаев затрагивались еще и сплетавшиеся с ними экономические интересы. Характерным примером могут служить проживавшие на Юге России немцы-колонисты, которые составляли в своей этнической обособленности наиболее развитый и зажиточный элемент населения.

Угроза их национально-особенному благополучию наметилась еще в годы Первой мировой войны. Теперь она выросла многократно. По свидетельству представителя данной части белого движения Ф. Штеймана, немецкому колонисту была присуща «крупная доля консерватизма, а за землю свою он готов отдать жизнь», тогда как окрестное крестьянство проявляло склонность к большевизму в надежде забрать себе «немецкие земли»⁶¹. Не случайно немцы-колонисты активно пополняли белые ряды, составляя, по воспоминаниям очевидцев, один из самых

⁵⁸ Жадан П.В. Русская судьба: Записки члена НТС о Гражданской и Второй мировой войне. М., 1991. С. 42–43.

⁵⁹ Акулинин И.Г. Указ. соч. URL: <http://elan-kazak.ru/sites/default/files/IMAGES/ARHIV/Memuar/akulinin/akulinin2.pdf> (дата обращения: 12.12.2015)

⁶⁰ Толстов В.С. От красных лап в неизвестную даль (поход уральцев). Константинополь, 1921. С. 44.

⁶¹ Штейман Ф. Отступление от Одессы. (Январь 1920 г.) // Архив русской революции. Т. II. С. 87–88.

надежных и... беспощадных в расправах контингентов войск Деникина⁶².

Из религиозных побуждений

Некоторая часть пришла в ряды белых, движимая религиозными побуждениями. Отвечая на вопрос, по каким причинам он вступает в Добровольческую армию, некий прапорщик Быховец указал: «Защищать веру христову»⁶³. И в современной историографии встречается оценка белого движения как движения религиозного, важнейшим мотивом участия в котором было религиозное чувство. К примеру, исследователь В.В. Кулаков, отмечая ведущую роль религиозного чувства, пишет, что «...многими активными борцами с большевизмом белое движение ассоциировалось со священным "Крестовым походом", с борьбой с Сатаной, захватившим родную землю и помутившим рассудок соотечественников»⁶⁴.

Бесспорно, вопрос религии активно обыгрывался белой пропагандой, а большевистские деятели изображались на плакатах в «образе Сатаны», но делать на этом основании выводы, что религиозные мотивы являлись ключевым фактором участия в белой борьбе, было бы преждевременным. Предпринимавшиеся попытки поставить дело именно на религиозную основу терпели крах. Работавший в системе колчаковской пропаганды В.Н. Иванов вспоминал провал инициативы пермского профессора Б.Д. Болдырева по созданию «дружин Св. Креста»: «В большом соборе в чудесный осенний день выступал с проповедью сам профессор Болдырев... Он говорил о том, что большевизм есть "сила дьявола" и одолеть ее можно только крестом. На оратора, стоявшего на амвоне, глядели многочисленные смущенные, недоумевающие или иронически настроенные слушатели...» Даже служители церкви не поддержали инициативу, недвусмысленно выразив сомнение в успехе дела: «Вы-то убежите, – сказал преосвященный (если не изменяет память, – Борис), – а нам-то с большевиками жить придется!»⁶⁵

Религиозный антибольшевизм скорее был присущ низовой массе, крестьянству, которое вряд ли может быть отнесено в основной своей части к сторонникам белых⁶⁶. Куда более значимую роль в деле выбора играло, пожалуй, не божье имя, а имя вождя.

⁶² Из воспоминаний капитана А.А. Оленина: «Прекрасные солдаты, надежные и верные – они (немцы-колонисты. – А.К.) были жестоки. Пленных они не брали, а если брали, то до штаба отряда не доводили никогда». (Оленин А.А. Указ. соч. С. 197).

⁶³ Р. Прапорщик Быховец. С. 45.

⁶⁴ Кулаков В.В. Белое движение Юга России // Вестник Адыгейского государственного университета. 2005. № 3. С. 57.

⁶⁵ Иванов В.Н. Исход. Повествование о времени и о себе // Дальний Восток. 1994. № 12. С. 19.

⁶⁶ Автор настоящей статьи придерживается точки зрения, что антибольшевизм – это более широкое явление, нежели белое движение, которое являлось лишь его определенной обособленной частью.

Имя вождя

Полковник Ф.И. Елисеев отмечал действовавший в Гражданской войне «гипноз имени»⁶⁷. Ему вторит генерал Д.В. Филатьев: «Между тем каждому понятно, какое значение имеет имя вождя в гражданской войне»⁶⁸.

Взять генерала Л.Г. Корнилова. «Имя его заставляло людей стекаться к нему со всех концов России и идти за ним беспрекословно», – заметил в одном из юбилейных докладов, посвященных Добровольческой армии, генерал М.М. Зинкевич⁶⁹. «В Корнилове было "героическое". Это чувствовали все и потому шли за ним слепо, с восторгом, в огонь и в воду», – подтверждает Роман Гуль⁷⁰.

Для многих Корнилов сам по себе являлся «идеей» и «знаменем» борьбы. Доброволец из бывших солдат рассказывал: «До великой войны я был рабочим-наборщиком. По своему происхождению, по своей работе, казалось, я должен был бы остаться у большевиков, а вот увидел Корнилова и пошел за ним в Добровольческую армию»⁷¹.

Уважением, хотя может и меньшей популярностью, пользовался основоположник Добровольческой армии генерал М.В. Алексеев. Были вожди и помельче. По признанию поручика В.Д. Матасова, «такие люди, как генералы Корнилов, Марков, Дроздовский, Врангель, Казанович, Эрдели, Бабиев, Мамонтов; полковники Неженцев, Кутепов, Жебрак, Румель, Манштейн, Туркул; есаул Чернецов, капитан Покровский, были светочами для добровольцев»⁷². Их имена являлись той силой притяжения, что заставляла многих, очень многих делать именно белый выбор.

«Литературный романтизм»

Известно стремление в белое движение молодежи. При этом о глубоких (точнее осмысленных) идейных основах подобного стремления вряд ли стоит вести речь. Н.В. Волков-Муромцев признавал, что «для большинства политика совершенно не играла роли»⁷³. Ему вторит С.И. Мамонтов: «Но не нужно забывать, что мы были

Хотя в ряде случаев и происходило на практике тесное сближение и объединение (но не смешение) белых с другими противобольшевистскими силами, как, например, в случае с казачеством.

⁶⁷ Елисеев Ф.И. Партизан Шкуро и его отряд // Первопоходник. 1975. № 27–28. С. 56.

⁶⁸ Филатьев Д. Указ. соч. С. 14.

⁶⁹ Основание и путь Добровольческой армии (1917–1930). Доклад ген.-майора Зинкевича по случаю годовщины основания Добровольческой армии и 10-й годовщины Галлиполи. София, 1930. С. 10.

⁷⁰ Гуль Р.Б. Указ. соч. С. 237.

⁷¹ Корниловский Ударный полк. Париж, 1936. С. 14.

⁷² Матасов В.Д. На Украине в 1919 году // Добровольческий корпус: сайт. URL: <http://www.dk1868.ru/history/MATASOV.htm> (дата обращения: 25.12.2015).

⁷³ Волков-Муромцев Н.В. Юность. От Вязьмы до Феодосии (1902–1920). М., 1997. С. 173.

молоды, немного глупы и вовсе не интересовались политикой... Меня больше интересовало, как портной скроит мне синие штаны...»⁷⁴ Не стоит, однако, забывать, что такие «белые мальчики» были зачастую выходцами из потомственных военных семейств. Сама социальная среда, семейная и образовательная обстановка формировали стереотипы их поведения. По признанию бывшего юнкера Я.А. Тельнова, «тогда было такое поветрие, что юнкера обязательно должны были участвовать в восстаниях против большевиков»⁷⁵.

Увлекал пример товарищей. Кадет Донского императора Александра III кадетского корпуса И. Сагацкий вспоминал, что как только «зазвучали первые выстрелы восставших большевиков», то «из старших классов сразу исчезла небольшая группа кадет». Впоследствии они вернулись, рассказывая о своем участии в боях. Как следствие: «Старшие классы теперь только и говорили о предстоящих новых боях и сговаривались, как и куда уходить вместе, когда наступит час. Родители, корпус – ничто больше не интересовало их»⁷⁶. Тем более что к этому могла примешиваться изрядная доля литературного романтизма, классический пример которого привел артиллерист-дроздовец Д.Ф. Пронин: «Володя попал в батарею недавно... Рассказы из эпохи Отечественной войны и обороны Севастополя увлекали его»⁷⁷. А в Курске А.П. Кутепову принесли книгу вступившего в Корниловский полк гимназиста, который просил передать ее генералу в случае своей гибели. То были рассказы о походах Суворова⁷⁸.

Не выбросить и желание предстать в глазах общества (особенно перед знакомыми барышнями) в «лавровом венке» и «тоге спасителя Отечества», в чем признавался кадет Александр Еленевский, начавший свой белый путь еще в Народной армии Комуча: «Идея попасть в Симбирск всем очень понравилась, а мне особенно. У меня там было множество знакомых барышень, и появиться перед ними в ореоле славы была всегда моя заветная мечта»⁷⁹.

Объявили мобилизацию...

А.И. Деникин отмечал, что «многие шли по убеждению, но еще больше по принуждению»⁸⁰. Совершенно не помышлял о белом движении, например, Константин Баев. «Воспитанник последнего курса Кубанского среднетехнического

⁷⁴ Мамонтов С. Со 2-й конной батареей в Русской Армии // Русская Армия генерала Врангеля. С. 638.

⁷⁵ Тельнов Я. Апрельское восстание на Хопре 1918 года // Донская армия в борьбе с большевиками. С. 242.

⁷⁶ Сагацкий И. XXX выпуск // Военная быль. 1959. № 39. С. 10.

⁷⁷ Пронин Д. Указ. соч. С. 34.

⁷⁸ Реснянский С. Молодежь в белых армиях // Часовой. 1955. № 360. С. 9.

⁷⁹ Еленевский А. Лето на Волге (1918 год) // 1918 год на Востоке России. С. 141.

⁸⁰ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Берлин, 1925. Т. 4. С. 90.

училища в гор. Майкопе я, как и большинство моих сверстников *в то время ни о чем другом не думали, как об учении* (курсив мой. – А.К.). Но тут снова разразилась гроза. В 1919-м году на фронте белой армии, подходившей уже к Москве, создалось более чем серьезное положение, следствием которого была объявлена мобилизация также и ученической молодежи моего 18-ти летнего возраста. После двух- или трехнедельного пребывания в особой ученической роте в городе Ставрополе нас всех, имеющих достаточный ценз образования, отправили в военное училище (Ставропольские ускоренные курсы по подготовке пехотных офицеров)», – вспоминал он⁸¹.

Подобные мобилизации были, пожалуй, одной из самых торных дорог в белые ряды. Вот картина после взятия Перми колчаковцами: «Затем на стенах домов, на заборах появились объявления новой власти, требующие от всех офицеров немедленно явиться на регистрацию. Естественно, пришлось идти. Во время этой процедуры я назвал себя "бывшим офицером", на что получил от регистратора, такового благополучного капитана, замечание, что-де офицер не может быть "бывшим", для этого есть слово "ренегат"... Из нашего брата (а нас набиралось до 360 человек) был немедленно сформирован офицерский полк»⁸². Описание подойдет для любого занятого белыми населенного пункта. И ключевая здесь фраза: «Естественно, пришлось идти». В ней скрыта (точнее раскрыта) ахиллесова пята белого движения.

Много написано о мужестве, героизме, самопожертвовании русского офицера. Но это часть правды. Штабс-капитан К. Попов вспоминал начальные дни Первой мировой войны: «...Наши батальонные командиры, за исключением одного, были совсем небоеспособны и после первого же боя испарились из полка на все время войны не будучи ранеными»⁸³. Сколько таких «героев» попало затем по мобилизации в белые?

Обобщать может и не стоит, но не избежать факта, отмеченного штабс-капитаном Д. Свидерским, что русский офицер «...по мобилизации в большом количестве "рассыпался" по Деникинским тылам, где так привольно, сытно и весело жилось!»⁸⁴ Стремление мобилизуемых в «теплый тыл» зафиксировал и марковец И.Э. Лисенко, которому поручили распределять по артиллерийским частям и бронепоездам мобилизованных офицеров и чиновников, «по возможности считаясь с их желаниями». «Это оказалось трудно, так как большинство просилось, под

⁸¹ Баев К.: 1) Восстания на Северном Кавказе в конце 1920-го года. Париж, 1979. С. 6; 2) На Черноморском побережье // Военная быль. 1972. № 115. С. 8.

⁸² Иванов В.Н. Указ. соч. С. 5-6.

⁸³ Попов К. Указ. соч. С. 9.

⁸⁴ Свидерский Д. Об «отрицательных мифах» и о голой и горькой правде // Вестник первоходника. 1967. № 65–66. С. 24.

разными предложениями, в тыл», – признавался он⁸⁵. Даже среди флотских офицеров наблюдалось, по свидетельству очевидца, стремление «...уклониться от службы на импровизированных военных судах, разных "болиндерах", буксирах и "каках", как в шутку называли канонерские лодки, обозначенные литерой "К"»⁸⁶.

Аналогично и на Востоке, и на Севере⁸⁷. Подальше от фронта создавались какие-то штабы, выдвигались проекты мифических организаций, формировались непонятные части. «Нам на фронте нужны бойцы, – вспоминал Ф.Ф. Мейбом, – а в это время в тылу появились какие-то гвардейские формирования – в их штабах сидят сотни офицеров-шкурников, не желающих подвергаться опасности. Конечно, ни одной части не было сформировано, да они и не собирались этого делать»⁸⁸. Ему вторит полковник В.О. Вырыпаев: «Для многих эти дутые формирования были своего рода защитой от посылки на фронт». В качестве примера он привел созданную в Омске отдельную бригаду егерей численностью до 5 тыс. человек. На фронт она не спешила, добившись статуса «московского гарнизона». Ожидала в тылу, когда, наконец, состоится прибытие в Москву, чтобы приступить к гарнизонной службе⁸⁹.

«Силою событий принуждены были взяться за оружие»

В определении принадлежности людей к тому или иному лагерю Гражданской войны заметно действие складывавшихся конкретных обстоятельств. Даже известные вожди белого движения оказались на своем месте в определенной степени по этой причине. Скажем, «быховские узники». После прихода к власти большевиков генералы Корнилов, Марков, Деникин, Лукомский и иные вряд ли могли беззаботно ожидать «решения своей судьбы». Иного выбора, как вступить в борьбу, у них просто не оставалось. Генерал Лукомский вспоминал: «25 октября (7 ноября) большевики свергли Временное правительство и захватили власть... Положение наше стало опасным. В бытность у власти Керенского мы могли, если бы захотели, бежать из Быхова совершенно свободно. Но мы этого делать не хотели, мы

⁸⁵ Лисенко И.Э. «Организация не терпит импровизации» // 50 лет верности России. С. 193.

⁸⁶ Варнек П.А. Действия флота в северо-западном районе Черного моря в 1920 году // Военная быль. 1971. № 108. С. 16.

⁸⁷ Согласно данным генерал-лейтенанта Д.В. Филатьева, в Сибирской армии Колчака к лету 1919 г. значилось порядка 800 тыс. человек, но в строю находилось не более 70 тыс. «Все остальное расплодилось по штабам, обозам и тылам». (Филатьев Д. Указ. соч. С. 58). А член правительства Северной области Б.Ф. Соколов вспоминал: «Ко времени моего приезда в Северную область (июль 1919 г. – А.К.) численность армии была около пятидесяти тысяч. Но число штыков вряд ли доходило до трети этого количества. Тыл и штабы, – все это было перегружено нестроевым элементом». (Соколов Б. Падение Северной области // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. IX. С. 22).

⁸⁸ Мейбом Ф. Тернистый путь // Первопоходник. 1975. № 27–28. С. 8.

⁸⁹ Вырыпаев В. Каппелевцы // Восточный фронт адмирала Колчака. С. 356.

хотели суда. С появлением же у власти большевиков – оставаться в Быхове становилось просто глупо»⁹⁰.

Впрочем, пример с «быховскими узниками» может показаться не совсем удачным, поскольку генерал Корнилов и его сторонники уже зарекомендовали себя конкретными действиями против «завоеваний революции». Но можно вспомнить адмирала Колчака. Каковы бы ни были его настроения, в прямых антиреволюционных выступлениях он замешан не был. А в момент захвата власти большевиками вообще находился за пределами страны и не предполагал возвращаться в Россию, да еще в качестве ключевой фигуры белого движения. Его судьбу определила воля английского правительства⁹¹. Да и генерал Е.К. Миллер признавался, что поехал из Парижа в Архангельск по требованиям французского и итальянского послов⁹².

Среди обстоятельств генерал Залесский особо выделил «политику насилий большевиков»: «Белогвардейцы, белоармейцы, или просто "белые" это – гонимые большевиками люди: офицеры, землевладельцы, купцы, промышленники, чиновники, зажиточные крестьяне, вообще – люди, которых грабили, убивали и истязали... Спасшиеся от убийств и насилия русские люди скопились на разных окраинах России, и там, силою событий, принуждены были взяться за оружие; так образовались "белые" фронты»⁹³.

Подтверждением может послужить история семьи Нефедовых, сохраненная в воспоминаниях Б. Турчанинова. В начале ноября 1917 г. «пришел Леся» – офицер Черноморского флота, заночевавший у Турчаниновых. Наутро о приезде сына известили отца, но тот строго указал: «Лесе домой ни под каким видом не являться, а пробираться в Новочеркасск – к кому, он знает». Но почему, почему отец не только не обрадовался приходу сына, а даже отказался с ним встретиться? Оказывается, накануне «явился мостовщик Генька-безносый», ставший красногвардейцем, и грозил расправой: «Что, старик, Алешку и Шурку своих ахвицериков ждешь? Мы тоже их ждем, мотри, не вздумай их укрывать, как объявятся, нехай до mine немедля

⁹⁰ Лукомский А. Из воспоминаний // Архив русской революции. Берлин, 1922. Т. V. С. 130–131.

⁹¹ О событиях Октябрьской революции Колчак узнал, прибыв в Японию, в начале ноября 1917 г. В связи с Брест-Литовским мирным договором он обратился через английского посла в Токио к правительству Великобритании с просьбой принять его в английскую армию. Просьба была удовлетворена. Ему предложили отправиться в штаб Индийской армии в Бомбей для назначения на Месопотамский фронт. Но по дороге он получил от английского правительства телеграмму, что ему следует направиться в Пекин, где поступить в распоряжение русского посланника князя Кудашева. Здесь он узнал, что необходимо начать создавать вооруженные силы на Дальнем Востоке в полосе отчуждения КВЖД... (См.: Смирнов М.И. Адмирал Александр Васильевич Колчак. (Краткий биографический очерк). Париж, 1930. С. 41–42).

⁹² Миллер Е. Прибытие генерала Миллера в Архангельск // Часовой. 1929. № 1–2. С. 12.

⁹³ Залесский П.И. Указ. соч. С. 152–153.

явца, я им усе припомню»⁹⁴. В Новочеркасске Алексей Нефедов вступил в Добровольческую армию, проделав в ее рядах Ледяной поход...

Политика насилий, от которой бежали к белым, была присуща не только большевикам. Наблюдалась она, например, в бывших национальных окраинах Империи, где нередко происходило сведение счетов по этническому признаку. Редактор официоза Северо-западного правительства – газеты «Свободная Россия» – Г.Л. Кирдецов (Дворжецкий) отмечает расправы в Финляндии, устроенные немцами и белофиннами Маннергейма, от которых «русские, особенно военный элемент, терпели жестоко физически и нравственно»⁹⁵. Спасение офицеры искали на южном берегу Финского залива – в Ревеле, составив крупный резерв сил Н.Н. Юденича. Причем многие из этих офицеров вовсе не являлись убежденными сторонниками борьбы с большевизмом⁹⁶. А Л.Л. Марков вспомнил о «проснувшемся шовинизме» и «мании величия» грузин, чьи действия «больно задевали и без того переболевшие революцией русские сердца». Перебравшийся в Грузию Марков «...решил возвращаться на боевую арену русской действительности, на Сев. Кавказ, где разворачивалась и победоносно действовала Добровольческая армия ген. Деникина»⁹⁷.

Немало офицеров пыталось скрыться от «революционной действительности» в провинциальной глубинке, у родственников в деревне. Здесь они оказывались втянутыми в борьбу стихийными крестьянскими восстаниями, когда их, как людей с военным опытом, выдвигали в руководство. Дальнейшим шагом становились обычно белогвардейские ряды. Так в белых оказались, например, командовавший у Колчака Ижевской дивизией В.М. Молчанов или поручик И.К. Волегов⁹⁸.

Бытовые неурядицы

Не последнюю роль играли бытовые неурядицы. Член правительства Северной области Б.Ф. Соколов вспоминал наплыв генералов, приехавших вслед за Е.К. Миллером: «Цель их приезда была вполне ясной. Немножко подкормиться и выслать денег своим семьям, живущим за границей»⁹⁹. А герцог Г.Н. Лейхтенбергский

⁹⁴ Турчанинов Б. Семья Нефедовых // Вестник первоходника. 1967. № 69–70. С. 36.

⁹⁵ Кирдецов Г. У ворот Петрограда (1919–1920 гг.). Берлин, 1921. С. 21–25.

⁹⁶ «В политическом отношении эти люди представляли собой материал, который поддавался обработке в любую сторону». (Там же. С. 25).

⁹⁷ Марков Л.Л. У карачаев // Часовой. 1955. № 349. С. 12.

⁹⁸ Молчанов В. Борьба на Востоке России и в Сибири // 1918 год на Востоке России. С. 240; Волегов И.К. Воспоминания о Ледяном походе. Гл. II, V // Военная литература: сайт. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/volegov_ik/index.html (дата обращения: 26.12.2015).

⁹⁹ Соколов Б. Указ. соч. С. 28–29.

писал о бежавших от большевиков военных и штатских, желавших служить России «из-за хлеба насущного»¹⁰⁰.

Все это опять же не являлось исключительно советской производной. С.М. Устинов оставил нам картину положения офицеров в Украине периода гетманщины и немецкой оккупации: «Офицеры стали мастерами, сапожниками, газетчиками, музыкантами и даже официантами...» Как результат: «Но лишь только откуда-то издалека, донесся сначала слабый, а потом настойчивый призыв офицеров в Добровольческую армию, как забились сердца радостью, и всех потянуло туда, где, верилось, возрождалась Великая Россия!»¹⁰¹ Пospешил на этот призыв и сам Устинов. Пospешил и А. Литвинов, который так описал свои настроения: «В первый раз за все мое 6-месячное пребывание в Киеве я могу, наконец, вздохнуть полной грудью. Довольно этой придуманной украинизации, этих сытых немецких офицеров и солдат и голодных русских...»¹⁰²

Впрочем, и приход белых не устранял проблемы. Об этом свидетельствует В. Корсак, посвятивший немало страниц описанию своих (и не только своих) мытарств в Киеве уже под белой властью. «А жить все-таки надо было. Дмитриев устроился, по знакомству, на броневой поезд пулеметчиком, Помогайлов исчез, а я...» А Вениамин Корсак – боевой офицер, имевший за спиной германский плен, тяжелые ранения и, собственно, не пригодный к службе, что подтвердила медицинская комиссия белых, – узнав от одного офицера, что на Большой Кудрявской формируется какая-то рота, вступил в ее ряды¹⁰³. Так он стал белогвардейцем, не столько из идейных соображений и ненависти к большевикам (хотя ненависть тоже имела), сколько потому, что «хотелось кушать».

Фактор территории

Многое зависело от того, где в решающий момент находился человек. Характерный тому пример капитан Георгий Думбадзе, который в 1918 г. обучался в Академии Генштаба, находившейся в Екатеринбурге. В связи с восстанием чехословацкого корпуса ее перевели в Казань, которая была вскоре захвачена чехами и отрядами Народной армии Комуча. Академия двинулась в обратный путь в Екатеринбург, а затем в Томск и Омск. Здесь, уже в Сибири Колчака, Думбадзе и окончил ее курсы, получив назначение в штаб генерал-лейтенанта Розанова – в

¹⁰⁰ *Лейхтенбергский Г.* Как началась «Южная Армия» // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. VIII. С. 167.

¹⁰¹ *Устинов С.М.* Записки начальника контрразведки. Белград, 1922. С. 104.

¹⁰² *Литвинов А.* На «Моряке» в Добровольческую армию в 1918 г. // Военная быль. 1962. № 54. С. 18.

¹⁰³ *Корсак В.* У белых. Париж, 1931. С. 99, 100.

город Красноярск¹⁰⁴. Не возвратись же Академия на территорию белой Сибири, то ее выпускник Думбадзе оказался бы не в штабе Розанова, а скорее всего в штабе какой-нибудь красноармейской части.

Ситуация, когда территориальный фактор становился определяющим в выборе судьбы, типична для Гражданской войны в России. Хотя нельзя не отметить, что многие, не имея по разным обстоятельствам возможности непосредственно уйти к белым, целенаправленно стремились поближе к линии фронта в ожидании их прихода. Пример тому полковник Г.И. Клерже. Обремененный семьей он сознательно перебрался в Пермь, где дожидался войск Колчака. «Конечно, если бы не семья, состоящая из двух женщин, то вопрос с прорывом через линию фронта разрешился бы самым простым и, пожалуй, скорым способом. Но так как бросить семью в этой смертельно опасной обстановке было бы равносильно преданию ее на поругание и насилия обозленных большевиков, пришлось терпеть и только ждать, ждать», – вспоминал он¹⁰⁵.

Разочарование жизнью

Нельзя не отметить, что некоторые оказывались в белых рядах по самым неожиданным причинам. Н.Н. Львов вспомнил встречу во время Ледяного похода со своим гимназическим товарищем. Последний признался, что не верит в успех борьбы. И поспешил разъяснить: «Ты спросишь, отчего же я воюю. Скажу тебе откровенно, друг. Столько видел я гадости в жизни, столько подлости насмотрелся, так узнал, что такое люди, что нет больше охоты жить. Застрелиться я не хочу. Ну, вот и ищешь, чтобы какая-нибудь маленькая пуля с тобой покончила. Умереть так все же лучше, чем от какой-нибудь болезни с докторами, с лекарствами и с сознанием своей полной никому ненужности. Здесь все-таки для чего-то отдаешь жизнь»¹⁰⁶.

Пылая чувством мести

Немалое место в выборе людей играло чувство мести, хотя ее мотивы могли весьма серьезно различаться.

Мстили за рухнувшие идеалы, за крах монархии, например. А.А. Вонсяцкий прямо указывал, что поехал к генералу Алексееву на Дон с желанием «беспощадного мщения» и «ярким пламенем любви к царю и Родине»¹⁰⁷. В другой

¹⁰⁴ Думбадзе Г. То, что способствовало нашему поражению в Сибири в гражданскую войну // Восточный фронт адмирала Колчака. С. 582.

¹⁰⁵ Клерже Г. Гражданская война в Сибири // Восточный фронт адмирала Колчака. С. 276.

¹⁰⁶ Львов Н.Н. Свет во тьме. Очерки ледяного похода. С. 58–59.

¹⁰⁷ Вонсяцкий А.А. Против большевиков // Часовой. 1930. № 42. С. 25.

статье он писал: «Я вспомнил тех мальчиков. Ведь они – Поповы, Ханженковы, Певцовы умирали там, в степях, только за них – Романовых... И каждый раз, когда из "нагана" я разбивал череп красноармейца, я думал одно: я мшу этому проклятому рабу за то, что он поднял руку на своего господина...»¹⁰⁸

Таких «идейных мстителей» было, впрочем, не столь много. Куда чаще мстили за «разоренные имения», «родовые гнезда». По признанию участника белого движения Дмитрия Мейснера, в белой армии «...было очень много чисто классовых и сословных врагов Октябрьской революции. Людей, не примирившихся с потерей своего имущества; людей, вставших на его защиту и вступивших в смертный бой за это свое добро»¹⁰⁹. О «сворах помещиков», вслед за добровольческой администрацией «спешивших с сердцами, полными мести, в свои разоренные имения», писал в своих воспоминаниях и А.Г. Шкуро¹¹⁰.

Мстили за погибших товарищей, что особенно было присуще кадровой военной среде. Как писал в своем дневнике по поводу факта убийства группы офицеров крестьянами М.Г. Дроздовский, «расправа должна быть беспощадной: "два ока за око"! Пусть знают цену офицерской крови!»¹¹¹

Мстили за крах карьеры, которая для многих, как для юнкера В.П. Кашеева, имела принципиальное значение. Происходил он из многодетной и не богатой семьи. А потому «торопился выйти в офицеры, чтобы помогать труженнику-отцу». «Выходу в офицеры» помешала, однако, революция и приход к власти большевиков...¹¹²

Но самый, пожалуй, распространенный мотив мести указал Б.Б. Филимонов: «Вместе с тем ряды противобольшевистских отрядов пополнялись также и теми, кто, не задаваясь высокими идеями, попросту возненавидел советскую власть, пострадав от произвола местных представителей этой власти»¹¹³. Вот кадетик, ушедший в Ледяной поход с Добровольческой армией. «Он плакал, рассказывая, как убили его отца генерала и старшего брата на его глазах»¹¹⁴. Вот другой кадетик, вступивший в Добровольческую армию уже в 1919 г. Он поехал узнать причину ареста своего дяди и был подвергнут порке шомполами¹¹⁵. А в воспоминаниях Б.А. Штейфона мы встречаемся с «молодой, худенькой, скромно одетой барышней», которая пришла

¹⁰⁸ *Вонсяцкий А.* Записки монархиста // Русская монархия: сайт. URL: <http://rus-top.narod.ru/statji/vonsyackiy.html> (дата обращения: 29.12.2015).

¹⁰⁹ *Мейснер Д.И.* Указ. соч. С. 88.

¹¹⁰ *Шкуро А.Г.* Записки белого партизана // Белое дело. Добровольцы и партизаны. С. 235.

¹¹¹ *Дроздовский М.Г.* Дневник. Берлин, 1923. С. 64.

¹¹² *Михайлова В.* Один из многих // 50 лет верности России. С. 59.

¹¹³ *Филимонов Б.* Указ. соч. С. 259.

¹¹⁴ *Львов Н.Н.* Свет во тьме. Очерки ледяного похода. С. 29.

¹¹⁵ Воспоминания детей-беженцев из России. Прага, 1924. С. 21–22.

проситься в его часть: «Пришел какой-то большевистский полк, все в доме разграбил, испортил. Дедушку куда-то увезли. Что с ним сделали, я не знаю. Искали и меня, но я убежала... Я ненавижу большевиков и пришла просить вас принять меня в полк»¹¹⁶.

Сегодня много известно о расправах с офицерами, что порождало озлобление и жажду мести. Расправы не обязательно могли быть физическими. Ротмистр Л.П. Сукачев вспоминал как в октябре 1917 г. решением армейского комитета его отрешили от командной должности и назначили на место кашевара. А его дядю, генерала Резникова, солдаты сделали рядовым гусаром. Вот откуда их стремление на Дон в Добровольческую армию и непонимание «равнодушия к начавшейся борьбе с коммунизмом» у других офицеров¹¹⁷.

И все же ситуация с подобными фактами не выглядит столь примитивно, как нередко пытаются сегодня представить – «разнузданная чернь». Вернемся к семье Нефедовых, о которой уже шла речь ранее. Помните мостовщика Геньку-безносого? Тогда была приведена лишь часть его монолога, касающегося двух выживших братьев Нефедовых – Алексея и Александра. Теперь приведем продолжение. «Жалко, немцы Володьку и Ваньку твоих ухлопали, а то у mine и до них разговор припасен. Помнишь, – обращался он к отцу офицеров, – как Володька с казаками нас нагайками крестили, кадры мы Парамонова ссыпки громили и тарный склад зажгли, не один и доси косою ходить, а Ванька твой шкет кадетский тогда, поди, заливался смехом на мосту с Веркой, весело им было на брательника глядеть, я б ему показал ето весело»¹¹⁸.

На солдатскую массу давил социальный разрыв, культивировавшийся в царской армии между офицером и солдатом. Брат известного революционера-террориста и активного участника антибольшевистской борьбы Бориса Савинкова В.В. Савинков вспоминал о своем производстве в офицеры и о нормах взаимоотношений между офицером и солдатом, которые им изложил по прибытии их группы в декабре 1916 г. по месту службы «временно замещавший командира бригады полковник Ж.»: «Сущность его поучений сводилась к тому, что офицер должен смотреть на солдата с олимпийской высоты, как на существо совершенно отличной от него породы. В этом, по словам "наставника", заключалось "поддержание авторитета и высокого достоинства русского офицера"»¹¹⁹. Отсюда

¹¹⁶ Штейфон Б.А. Указ. соч. С. 320.

¹¹⁷ Сукачев Л.П. От Двинска до Дона в международном спальном вагоне // Вестник первоходника. 1964. № 28. С. 20, 23.

¹¹⁸ Турчанинов Б. Указ. соч. С. 36.

¹¹⁹ Савинков В.В. Разложение армии. Записки о революционных событиях и гражданской войне в России в 1917–1922 гг. // Военно-исторический журнал. 2006. № 1. С. 58.

факты «грубости, ругни, иногда самодурства и заушения», что признавал А.И. Деникин¹²⁰. Даже императрица Александра Федоровна писала Николаю II, что «наши офицеры не все джентльмены, так что их способ объясняться с солдатами, вероятно, часто "с помощью кулака"»¹²¹.

«Геньки» не могли простить расправ в ходе подавления их революционных выступлений, когда они добивались элементарных прав и обеспечения минимально достойного уровня жизни. Солдаты вспоминали «олимпийскую высоту», с которой на них смотрели, и способ объясняться «с помощью кулака». Офицеры же не понимали: ведь они лишь выполняли приказы, следовали Уставу, соблюдали верность присяге. Здесь и коренилась взаимная ненависть, порождавшая месть. И месть эта не только являлась одним из ведущих мотивов участия в Гражданской войне и белых и красных, но и фактором ее эскалации, затяжного и ожесточенного характера.

«Но была и корысть»

«Да, месть чувство страшное, аморальное, но понятное, по крайней мере. Но была и корысть. Корысть же – только гнусность», – писал о белых А.И. Деникин¹²². А прошедший сибирскую эпопею генерал А.Т. Антонович пометил в дневнике 11 февраля 1920 г.: «Произвол, борьба за личное благополучие – вот импульсы тех, кто взялся за строительство Земли Русской...»¹²³

В мемуарах сохранилось огромное количество свидетельств разложения белого тыла. Наиболее прославились взятками, вымогательствами, грабежами населения деятели контрразведки. На Юге, по свидетельству самого генерала Деникина, выделялись в этом плане контрразведки Киева, Харькова, Ростова-на-Дону, Одессы¹²⁴. Очевидец описывал одесские реальности: «Ходить вечером по улицам сделалось невозможным, так как вы рисковали быть ограбленными и даже убитыми. Грабили в большинстве случаев военные и часто офицеры, "запасавшиеся копеечкой на черный день". Всевозможные разведки и контрразведки неистовали, открыто занимались вымогательством и грабежами, причем жертвой обыкновенно становились богатые люди, а особенно евреи»¹²⁵.

¹²⁰ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Paris, 1921. Т. 1. Вып. 1. С. 25.

¹²¹ Письма императрицы Александры Федоровны к императору Николаю II. Берлин, 1922. Т. I. С. 348.

¹²² Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 4. С. 95.

¹²³ Дневник генерала Антоновича // Голоса Сибири. Литературный альманах. Кемерово, 2006. Вып. 3. С. 391.

¹²⁴ Деникин А.И. Очерки Русской Смуты. Т. 4. С. 95–96.

¹²⁵ Плешко Н. Из прошлого провинциального интеллигента // Архив русской революции. Берлин, 1923. Т. IX. С. 234.

Фронтвики возмущались, что в тылу «бессовестные люди преследовали свои своекорыстные цели за спиной геройских полков»¹²⁶. Но сами были при этом не прочь заняться «коммерцией». К.Н. Соколов вспоминал: «В тылу, кто мог, поправлял свои дела подсобными, более или менее "безгрешными" доходами. На фронте делать это было еще проще. "Реалдоб" вошел в нравы наших войск еще в то время, когда "реализация военной добычи" была главным, если не единственным, источником средств Добровольческой армии. Рядом с "реалдобом", закономерным и даже подотчетным, укоренился групповой или индивидуальный "реалдоб", который представлял собою ни что иное, как самый откровенный грабеж. При случае, можно было "реквизнуть" те или иные соблазнительные вещи, и "бесплатные реквизиции" тоже стали в армии "бытовым явлением"»¹²⁷. На фронте Колчака очевидцы отмечали падение наступательного порыва войск, после того как правительство адмирала аннулировало «керенки». «Оказывается, что в случаях, когда представлялась возможность пограбить комиссарскую казну, которая обычно была полна денежными знаками Керенского, то это очень подзадоривало наиболее рьяных из разведчиков передовых частей войск и они становились более активными в стремлении достигнуть своей "цели". Этим порывом увлекались другие части, и войска быстрее продвигались вперед»¹²⁸.

Бесспорно, многие приобщились к наживе уже непосредственно в белом движении. Но немало имелось и тех, для кого именно нажива явилась решающим аргументом примкнуть к белым. Наблюдавший рождение Добровольческой армии Б.А. Суворин писал: «У такого предприятия (создание Добровольческой армии. – А.К.) не могло не быть и обратной стороны медали и она заключалась в том, что вокруг этого святого дела стали слетаться люди, жаждущие авантюры»¹²⁹. О «темных личностях», которые «вертелись вокруг генерала Алексеева и генерала Корнилова», упомянул и Н.Н. Львов. Черту он подвел вполне определенно: «Шкурный инстинкт говорил всего сильнее в людях»¹³⁰.

В рядовом составе плавали рыбешки помельче, которые в отличие от «акул» не стремились соблюдать «внешние приличия». Д.Ф. Пронин упоминает целую группу подобных деятелей в рядах дроздовцев, отмечая, что они «увязались еще из

¹²⁶ Рыхлинский В. В 1920 году в Северной Таврии // Военная быль. 1967. № 87. С. 30.

¹²⁷ Соколов К.Н. Указ. соч. С. 122.

¹²⁸ Клерже Г. Указ. соч. С. 322.

¹²⁹ Суворин Б. За родину. Героическая эпоха Добровольческой армии. 1917–1918 гг. Впечатления журналиста. Париж, 1922. С. 22. В частности, он упомянул «группу лиц» во главе с бывшим ординарцем генерала Корнилова Завойко, который действительно играл при последнем «крупную и не очень выигрышную роль» еще во время «керенщины».

¹³⁰ Львов Н.Н. Свет во тьме. Очерки ледяного похода. С. 16.

Румынии»¹³¹. Лица, движимые «стремлением как-нибудь пожить, получше устроиться, что-то захватить для себя», наблюдались и в Добровольческой армии еще в ходе Ледяного похода¹³².

Таким образом, мемуары и дневники отразили широкий и достаточно разноречивый спектр мотивов и причин, толкнувших людей в белое движение. В реальной жизни все эти мотивы и причины обычно тесно переплетались между собой. Взять хотя бы упомянутого ранее гимназического товарища Н.Н. Львова, который стал участником белой борьбы из-за разочарования жизнью. Совершенно очевидно, что помимо стремления, что «какая-нибудь маленькая пуля с тобой покончит», он был движим и чем-то иным. Ведь пошел он именно к белым и пошел в надежде, что «здесь все-таки для чего-то отдаешь жизнь».

При этом анализ позволяет признать, что идейно-патриотические начала вовсе не играли той определяющей роли, которую им нередко отводят. Чаще всего основания были более приземленными, а резоны менее значимыми: разрушение привычных устоев жизни, бытовые неурядицы, влияние социальной и окружающей среды... Многие оказывались в рядах белых по «воле случая». Значительную долю составляли принудительно мобилизованные. Приходится констатировать и тех, для кого «любовь к Родине» и «интересы народа» служили лишь прикрытием для далеко не всегда благородных устремлений, таких как месть или корыстные побуждения.

Что их всех объединяло? Ненависть к большевизму! Ненависть, которая питалась, однако, самыми разнообразными интересами...

¹³¹ Пронин Д. Указ. соч. С. 38–39.

¹³² Львов Н.Н. Свет во тьме. Очерки ледяного похода. С. 38

Дубровская Елена Юрьевна

кандидат исторических наук

Институт языка, литературы и истории Карельского НЦ РАН

**ПОВСЕДНЕВНОСТЬ В ЧРЕЗВЫЧАЙНЫХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ:
ГРАЖДАНСКАЯ ВОЙНА В КАРЕЛИИ – ВРЕМЯ ЭКСТРЕМАЛЬНЫХ СИТУАЦИЙ
(1918–1920)***

Армейская психология, сформировавшаяся у десятков тысяч россиян в 1914–1918 гг., накладывала характерный отпечаток на жизнь общества в целом в течение долгих лет после выхода России из Первой мировой войны¹. Как отмечают исследователи различных аспектов мужской гендерной роли в конкретных социокультурных условиях, выявление специфики поведения мужчины в экстремальных ситуациях, среди которых война и вооруженные конфликты занимают особое место, остается актуальным направлением в изучении феномена «мужского» в культуре². Люди не просто привыкали к произволу и насилию, им давали понять, что единственным способом «смягчения» крайностей того и другого является казарменный вариант жизнедеятельности общества в целом³.

* Статья подготовлена в рамках выполнения плана НИР, тема «Узловые проблемы истории Карелии. К столетию республики. Научные очерки и статьи», № 0225–2014–0012.

¹ *Асташов А.Б.* Война как культурный шок: анализ психопатологического состояния русской армии в Первую мировую войну // Военно-историческая антропология. Ежегодник 2002. М., 2002; *Булдаков В.П.* Хаос и этнос. Этнические конфликты в России, 1917–1918 гг. Условия возникновения, хроника, комментарий, анализ. М., 2010; *Волков Е.В.* «Гидра контрреволюции». Белое движение в культурной памяти советского общества. Челябинск, 2008; *Поршнева О.С.* Крестьяне, рабочие и солдаты России накануне и в годы Первой мировой войны. М., 2004. С. 215–259.

² *Кормина Ж.В.* Проводы в армию в пореформенной России: опыт этнографического анализа. М., 2005; *Моисеева И.Ю.* Фронтной дневник: трансформация гендерных аттитюдов в экстремальной ситуации // Мужской сборник. СПб., 2007. Вып. 3; *Сенявская Е.С.* Психология войны в XX веке: исторический опыт России. М., 1999; *Соколова И.В.* Экстремальные ситуации на войне и после войны (память и текст) // Мужской сборник. Вып. 3.

³ *Гришанин П.И.* Гражданская война и Белое движение в исследовательской практике конца 80 – начала 90-х гг. XX в.: историографическое осмысление // Вестник РГГУ. Сер.: Исторические науки.

Учитывая сложность и дискуссионность вопросов о структуре и содержании понятия «повседневность», предполагающего аналитический подход к истории меняющегося человека в его обыденных заботах⁴, целесообразно обратиться к исследованию стратегий выживания человека в условиях военного времени, к повседневным социальным и культурным практикам военных и гражданского населения в чрезвычайных обстоятельствах. Такой подход позволяет по-новому взглянуть на общественную жизнь и политическую историю карельского края в период Гражданской войны и военной интервенции, часто рассматривавшийся лишь как время борьбы политических партий за власть. В семейной памяти, носителями которой выступают как мужчины, так и женщины, отразилась и специфика мировосприятия военных, обусловленная бытом, системой ценностей и другими особенностями их корпоративного сознания.

В переломные для истории Российского государства годы революции и Гражданской войны населенная карелами территория уездов Олонецкой губ. и западных волостей Кемского уезда Архангельской губ. (Беломорская Карелия) оказалась вовлечена в орбиту международной политики, прежде всего в сферу интересов России и Финляндии, а также Англии и Франции – недавних союзников по антигерманской коалиции. В июле 1918 г. территория Российской Карелии стала театром военного противостояния на Европейском Севере. Страны Антанты усилили свое военное присутствие в карельском Поморье, опасаясь проникновения туда войск Германии и ее союзника Финляндии. Высадка английских войск на Севере России началась весной 1918 г. Поначалу англичане объясняли свое присутствие необходимостью защищать регион от возможного продвижения немцев и охранять военные грузы, однако скоро стали очевидными их истинные цели – укрепление своего геополитического влияния на Русском Севере и борьба с большевизмом. Захватив населенные пункты вдоль Мурманской железной дороги, войска Антанты и военные формирования союзного им белогвардейского правительства в Архангельске остановились на границе Кемского уезда Архангельской губ. и Повенецкого уезда Олонецкой губ.⁵ В то же время в Ухтинской волости оставались

Историография, источниковедение, методы исторических исследований. 2009. № 4; *Шумилов М.И.* Октябрь, интервенция и гражданская война на Европейском севере России. (Историографический очерк). Петрозаводск, 1992; *Морозова О.М.* Антропология гражданской войны. Ростов н/Д, 2012; *Розенберг У.* Революция и контрреволюция: синдром насилия в гражданских войнах России (1918–1920 годы) // *Война во время мира: Военизированные конфликты после Первой мировой войны. 1917–1923.* М., 2014.

⁴ *Пушкарева Н.Л.* История повседневности: предмет и методы // *Социальная история. Ежегодник 2007.* М., 2008. С. 35.

⁵ *Голдин В.И.* Интервенция и антибольшевистское движение на Русском Севере. 1918–1920. М., 1993; *Гусев К.В.* К истории Карельского мятежа. (По материалам Комиссии по реабилитации при Президенте

так называемые «белые финны», которые готовили новое вторжение в Российскую Карелию. Развернувшаяся весной и летом 1918 г. интервенция сил Антанты на север России под предлогом защиты от финнов, и особенно от немцев, все более накаляла обстановку в северно-карельских волостях.

1919 год стал особенно напряженным в военном отношении. В это время почти вся территория, населенная карелами, находилась под властью интервентов и антибольшевистских сил. В январе 1919 г. велись военные действия Красной армии как против войск созданного в Архангельске белого Временного правительства Северной области (ВПСО), так и против союзных ему военных формирований интервентов, прежде всего англичан, высадившихся в Архангельске и Онеге⁶. Осенью 1919 г., осознав бессмысленность дальнейших военных действий на Севере России, союзники вывели свои войска из региона, а 18 февраля 1920 г. ВПСО сложило свои полномочия перед Временным советом профсоюзов в Архангельске, что привело к падению фронта российских белогвардейских сил, оставшихся без поддержки союзников. Приняв советскую власть, карельское население Кемского уезда Архангельской губ. полагало, что тем самым смогло защитить свое национальное достоинство и отстоять себя как этнос. Однако и после официального окончания Гражданской войны в Беломорскую Карелию вскоре вернулся террор и произошло крестьянское восстание 1921–1922 гг. Возник конфликт с новой властью, разрешить который мирными средствами оказалось невозможно.

Историки проследили, как постепенно складывалась система органов советской власти, отразившая разнородные социальные и национальные интересы, как сказывался на общественной жизни края режим «военного коммунизма» с обременительной для населения Карелии продрозверсткой, трудовой повинностью и влиянием наследия «военного коммунизма» на психологическое состояние людей⁷.

РФ) // Отечественная история. 1996. № 6; *Новикова Л.Г.* Провинциальная «контрреволюция»: Белое движение и гражданская война на Русском Севере. 1917–1920. М., 2011; *Шумилов М.И.* Революция и гражданская война в Карелии: 1917–1920 // История Карелии с древнейших времен до наших дней. Петрозаводск, 2001.

⁶ *Барон Н.* Столкновение империй: Российско-британские взаимоотношения во время интервенции союзников на севере России // Труды Карельского научного центра РАН. Сер. Гуманитарные исследования. Вып. 2. 2011. № 6.

⁷ *Витухновская-Кауппала М.А.*: 1) Гражданская война в Карелии в советской, российской и финской историографии // Финляндия и Россия: образы общего прошлого. Петрозаводск, 2014; 2) Карельский крестьянин в горниле гражданской войны 1917–1922 // Карелы российско-финского пограничья в XIX–XX вв. Петрозаводск, 2013; *Дубровская Е.Ю.* Общественная жизнь карельского населения Олонецкой и Архангельской губерний в годы Российской революции и Гражданской войны (1917–1920) // Трагедия великой державы: национальный вопрос и распад великой державы. М., 2005; *Килин Ю.М.* Карелия в политике советского государства 1920–1941. Петрозаводск, 1999; *Осипов А.Ю.* Финляндия и «независимая» Карелия в период гражданской войны // «Свое» и «чужое» в культуре

Изменения, которые произошли в годы Гражданской войны в традиционном укладе жизни карельской деревни, уездных городов и губернского центра – Петрозаводска, исследованы на основе опубликованных и неопубликованных, прежде всего архивных, источников. К первым относятся выходявшие в 1932, 1957 и 1963 гг. сборники воспоминаний участников революции и Гражданской войны 1918–1920 гг. в Карелии⁸. Особый интерес представляют хранящиеся в Научном архиве Карельского научного центра РАН многочисленные подготовительные материалы к этим публикациям. Значительная часть воспоминаний о революции и Гражданской войне, собранных в 1930-е, послевоенные и в 1950-е годы, так и не увидела свет из-за того, что содержание этих рассказов слишком расходилось с привычной схемой изложения этапов «триумфального шествия» советской власти по стране.

В 1932–1933 гг. ленинградская исследовательница А.М. Астахова, занимавшаяся в первую очередь городским фольклором, песнями городской улицы, выезжала в экспедиции в Карельское Поморье, где записывала «Рассказы о гражданской войне» одновременно с историческими песнями, любовной лирикой и произведениями других жанров. Порядка тридцати историй, рассказанных в Беломорском (Сорокском) и Медвежьегорском районах жителями Повенца и Медвежьегорска, сел Нюхча, Лапино, Шижня, деревень Койкиницы и Пертозеро, зафиксированы ею в 1932 г. Они образуют раздел «Фольклор гражданской войны» среди архивных материалов экспедиционных записей⁹. Выявленные Астаховой источники, ранее не вводившиеся в научный оборот исторических изысканий, позволяют проследить на локальном материале основные толерантные и конфликтные мифы, идеи и лексемы, которые уже в 1920–1930-е гг. использовались для создания этнических и этнополитических образов, а также образов экстремальных ситуаций в условиях повседневности.

За три года Гражданской войны экономическое положение Карелии резко ухудшилось, продовольственные грузы, направлявшиеся из центра по ходатайствам Олонецкого губисполкома, нередко перехватывались другими исполнительными и чрезвычайными органами на соседних железнодорожных станциях Мурманской магистрали, как это бывало в Званке. Сельское хозяйство Олонецкой губернии было не в состоянии обеспечить жителей города и размещенные в нем войска сельскохозяйственными продуктами. Петрозаводск все острее ощущал недостаток

народов Европейского севера. Петрозаводск, 2005; *Филимончик С.Н.* Горожане и власть в Карелии в годы гражданской войны // Гражданская война в России: региональные проблемы: матер. науч. конф. Мурманск, 2004; *Шумилов М.И.* Октябрьская революция на Севере России. Петрозаводск, 1973.

⁸ В боях за Советскую Карелию. Очерки и воспоминания. Л., 1932; В борьбе за власть Советов. Воспоминания участников борьбы за установление Советской власти в Карелии. Петрозаводск, 1957; За Советскую Карелию. 1918–1920. Воспоминания о гражданской войне. Петрозаводск, 1963.

⁹ Научный архив КарНЦ РАН (далее – НА КарНЦ РАН). Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 86–118. Л. 227–347.

продовольствия, нормы выдачи продуктов населению с каждым месяцем уменьшались, цены на продовольствие росли. Тяжелое положение с продовольствием и топливом, безработица, эпидемии и разгул преступности привели к отъезду большого количества людей из города. С перебоями функционировали немногочисленные городские предприятия.

Если с декабря 1917 г. в Петрозаводске рабочим выдавали по 400 г муки в день, а остальным примерно 270 г, то к весне 1918 г. нормы отпуска хлеба населению снизились. Уже с 1 марта в Петрозаводске и в Олонецкой губернии были установлены нормы выдачи муки: четверть фунта (250 г) в день для лиц физического труда и 200 г для не занятых физическим трудом, как взрослого населения, так и детей¹⁰. В Олонце весной 1918 г. горожанам выдавалось до 300 г муки или ржи на едока в день в зависимости от социального положения и характера выполняемого труда. В 1919 г. хлебный паек сократился до 50 граммов. Но даже такой скудный паек выдавался нерегулярно. Многие семьи голодали. Распределение продуктов теперь шло через огосударствленные кооперативы, поскольку в октябре 1918 г. все частные лавки были закрыты. Для регулярного отоваривания карточек имевшегося запаса продовольствия явно не хватало. Ежедневно в Олонце здание уездной продовольственной комиссии осаждали толпы голодающих, требуя хлеба¹¹.

В Петрозаводске делегации рабочих приходили в губсовет с требованием увеличить хлебные пайки. На рабочих собраниях остро критиковалась деятельность продорганов, высказывалось и недоверие Совету. Настаивая на выдаче продуктов, группа горожан грозила заведующему продовольственным отделом применением физической силы. И лишь благодаря вмешательству милиции, по воспоминаниям одного из участников создания первых милицейских отрядов в Петрозаводске И.М. Никитина, удалось избежать «особо тяжких последствий»¹². В деревни Олонецкого уезда подвоз хлеба из Олонца прекратился совсем. По свидетельству председателя Туломозерской волостной управы Н.И. Власова, «...нужно было находить его на месте. Беднота буквально голодала, в муку примешивали размолотые в мельничных ступах солому и березовую кору; из белого мха, смешанного с репой и картошкой, изготовляли лепешки»¹³.

Воспоминания С.С. Ракчеева, бойца 18-й роты красногвардейцев-лыжников, раскрывают новые страницы в истории земель Олонецкого края, населенных

¹⁰ История Петрозаводска: власть и горожане. Петрозаводск, 2008. С. 155.

¹¹ *Филимончик С.Н.* Олонец в годы революции и гражданской войны (1917 – начало 1920-х гг.) // Олонец. Историко-краеведческие очерки. Петрозаводск, 1999. Ч. 2. С. 16.

¹² Научный архив Национального музея Республики Карелия. Д. 1200. Никитин И.М. Первые шаги карельской милиции. С. 197.

¹³ В борьбе за власть Советов. С. 149.

вепсами¹⁴. Написанные в 1934 г. и хранящиеся среди материалов карельского Истпарта¹⁵, они легли в основу более поздних воспоминаний автора, подготовленных во второй половине 1950-х гг. Повествуя о событиях революции и Гражданской войны, он, в частности, с возмущением пишет о том, насколько «чудовищной» выглядела просьба крестьян вепсского села Горнее Шелтозеро «на фоне крестьянского голода». Оказывается, в январе 1918 г. «под влиянием местных богатеев и священника» те собрали сход и решили просить у волостных властей «много белой муки, пшена, сахару и других продуктов», чтобы отпраздновать храмовый праздник села¹⁶. Основываясь на данных И.Ю. Винокуровой, исследовавшей локальную праздничную традицию вепсов Прионежья, можно определить, что крестьяне готовились к большому храмовому празднику Сретенья (2 февраля по ст. ст.)¹⁷. В сложившихся обстоятельствах не только повседневность, но и праздники становились временем экстремальной ситуации.

В записанных А.М. Астаховой в 1930-е гг. текстах рассказов членов семьи И.В. Титова из Нюхчи присутствуют фольклорные мотивы «чудесного спасения» и «неокончательной смерти» участников кровопролитных событий. Так, по свидетельству одной из участниц событий, односельчанка сумела спасти ее брата от ареста следующим образом: «В окошко-то увидали и бегом из квартиры через сенник, но по дороге встретился бы неминуемо с Рублевским (белым офицером. – Е.Д.), если бы "жонка" хозяйина не закрыла его юбкой: она, распустив юбку, встала между ним и Рублевским, и брату удалось бежать». Другому жителю деревни, уцелевшему во время расстрела, удается выбраться из-под горы трупов и скрыться¹⁸.

В записях Астаховой можно выделить и традиционные для фольклора мотивы «нетипичного поведения врага». Часовой-белогвардеец предупреждает красного партизана о грозящей ему в деревне опасности. Врач, служивший у белых, спасает красноармейца от ареста, поскольку оказался его однополчанином в годы Первой мировой войны¹⁹. В воспоминаниях сорокалетнего А.П. Вавилина о пребывании в плену у белых в 1919 г. в районе ст. Кяппесельга говорится, что он избежал

¹⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 74. Ракчеев С.С. Незабываемые дни 1917–1919 гг. становления Советской власти в родном крае; Д. 75. Ракчеев С.С. Так начиналось советское строительство в вепсской деревне (1917–1919); Оп. 31. Д. 104. Ракчеев С.С. 18-я лыжная рота. Воспоминания о гражданской войне в Карелии.

¹⁵ Национальный архив Республики Карелия (далее – НА РК). Ф. П-14. Оп. 1. Д. 189. Ракчеев С. 18-я отдельная рота лыжников (о гражданской войне в Советской Карелии в 1919–1920 гг.).

¹⁶ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 75. Л. 66.

¹⁷ Винокурова И.Ю. Традиционные праздники вепсов Прионежья (конец XIX – начало XX в.). Петрозаводск, 1996. С. 42–43.

¹⁸ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 86–118. Л. 332, 333.

¹⁹ Там же. Л. 304.

расстрела лишь благодаря тому, что арестованный вместе с ним товарищ-поляк был родственником начальника контрразведки: оба поляка вместе служили «в царское время», к тому же были женаты на сестрах²⁰. Приведенный пример подтверждает заключение исследовательницы И.А. Разумовой о том, что установление родства в любой форме – от свойства до бывшего братства по оружию – способствует преодолению критического положения, являясь средством «спасения» и психологической компенсации²¹.

Сегодня все чаще обнаруживается стремление историков, изучающих раннесоветский период, опираться на «живые свидетельства», которые, конечно, уже не могут «представлять» видение прошлого из 1920–1930-х гг., но все же позволяют обратиться к «человеческому измерению» времени, увидев его в «антропологическом ракурсе»²². Примечательны в этом отношении воспоминания жителя г. Олонца Ф. Петрова о военном детстве, проведенном в одной из деревень Южной Карелии, поблизости от российско-финляндской границы. Спустя многие десятилетия, в 1970-х гг., он рассказал, как семилетним мальчиком оказался очевидцем непонятных для него частых ночных отъездов из дома его отца, охотника-любителя, совместно с односельчанином-соседом, бравших с собой ружье. После того как однажды отец привез мешок ржи, ребенку все же удалось добиться объяснения таких постоянных отлучек: «Вот что, сынок, мы живем недалеко от границы, там другое государство, и вот они приезжают сюда оттуда, везут разные тряпки, особенно курево и т. д., а от наших зажиточных крестьян берут хлеб, т. е. рожь, которой у нас не хватает. Вот дядя Петя и устраивает захваты этих контрабандистов, а как оружия у нас нет, вот он меня и берет с собой с этим 12-ти калиберным, ...вот мы их и пугаем, этих незваных заграничных гостей...»²³

Воспоминания, которые условно можно сопоставить с материалами по «устной истории», свидетельствуют, что в обстановке катастрофической нехватки продовольствия в уездах Олонецкой губ., когда еще с 1917 г. здесь действовал запрет губернских властей вывозить продукты в соседнюю Финляндию, такие самочинные крестьянские меры по «восстановлению справедливости» все же оказывались поступками сомнительного свойства, и крестьяне это осознавали. Не

²⁰ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол. 26. Ед. хр. 86–118. Л. 301–302.

²¹ Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 320–324.

²² Трошина Т.И. «Взгляд из другого окопа»: трагедия белого офицерства глазами рядовых (по материалам Архангельского Истпарта) // 1920 год в судьбах России и мира: апофеоз Гражданской войны в России и ее воздействие на международные отношения. Сб. матер. междунар. науч. конф. Архангельск, 2010. С. 264–265.

²³ НА КарНЦ РАН. Фольклорная коллекция. Воспоминания о гражданской войне 1918–1919 гг., записанные олончанином Петровым в 1960-х гг.

случайно упоминание мемуариста о том, что «отец долго не хотел говорить» о характере своих поездок и уступил лишь тогда, когда сын «настойчиво не давал ему покоя». Однако в дальнейшем подобные акты, явно противоречившие представлениям мирного времени о законности, получали совершенно иную интерпретацию. Запись Астаховой сохранила воспоминание заонежанина А.П. Вавилина о трех красногвардейцах, посаженных белыми в карцер «за святотатство». «Когда они находились в поповском доме, из ряс нашли себе кisetов, один пояс сделал. А другой – курева не было – так евангелю на бумагу для курева разорвал. Так вот их и привлекли»²⁴. Новые образы «мучеников» занимали в сознании жителей Карелии место привычных намоленных образов.

В семейных фольклорных рассказах (меморатах), более или менее свободных от влияния канонических схем, обязательных при подготовке воспоминаний активистов Истпарта, также присутствует мотив страданий и смерти за дело революции. Однако нарратив более приближен к традиционному, с его образностью и приметамифологического времени. В рассказе о появлении летом 1919 г. в д. Канзанаволок Пудожского уезда Олонецкой губернии отряда белых под командованием полковника Круглякова, описана сцена обращения к белым офицерам Рудакову и Круглякову плачущих жен арестованных крестьян. На их просьбу передать мужьям провизию был получен ответ: «Стакан холодной воды и три овсины – вот питание коммунистам»²⁵. В текстах же воспоминаний, предназначенных для комиссии Истпарта, чаще присутствуют повествования о долгих мучениях и гибели пленных красноармейцев от рук белых, как, например, в рассказе С.С. Ракчеева о расправе над попавшими в плен ранеными участниками боев в Пудожском крае или в описании расстрела сербами членов Кемского совета²⁶.

Четкой сюжетной линией, связанной с переживанием человеком времени несвободы, является повествование о верности революции через принятие страданий в плену²⁷. Так, В.И. Моисеев детально описывает дневной распорядок выдачи пищи заключенным в архангельской губернской тюрьме, а об условиях содержания в кегостровском лагере военнопленных сообщает следующее: «...за наше пребывание в 2 месяца ни разу барак не мыли и людей в баню не водили», в тесной камере сидело 13 человек, «все пленные красногвардейцы и младший

²⁴ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 1. Кол.26. Ед.хр. 86–118. Л. 300.

²⁵ Дубровская Е.Ю. Воспоминания В.И. Моисеева «В плену у белых» // ВоенКом: Военный комментатор: Военно-исторический альманах. 2009. № 1 (8). С. 86.

²⁶ НА РК. Ф. П-14. Оп. 1. Д. 189. Л. 10.

²⁷ Терещенков Л.Е. Работа Карельского Истпарта по формированию исторической памяти о революции и гражданской войне в Карело-Мурманском регионе // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2010. № 7 (112).

командный состав». «Сидели они давно, некоторые по 13 месяцев, и чувствовали себя сейчас полными хозяевами», однако из-за изобилия английских одеял, которыми снабжали белых союзники, здесь развелось невероятное количество вшей, и «первое время страх перед этими паразитами был настолько велик, что хотелось бежать обратно в тюрьму, где вшей почему-то не было»²⁸.

По рассказам жителей Заонежья, записанным в 1930-е гг., «белое войско, как один, имело английское обмундирование защитного цвета, с погонями на плечах, в кожаных ботинках с шерстяными обмотками, с одинаковыми военными ягдташами через плечо, командиры в офицерской форме с позолоченными погонями». В их же словах об обмундировании красноармейцев слышится искреннее сочувствие: «А наша Красная армия была одета, кто в чем вышел из дома, кто в сапогах, кто в ботинках, а кто и в лаптях, ягдташами большей частью служили простые холщовые мешки, запасы продовольствия их были: хлеб и сушеная вобла, часть которых они разбросали по деревне, чтобы показать, чем они питаются»²⁹.

Взаимная демонстрация противоборствующими сторонами друг другу и населению своих обнадеживающих (или наоборот, скудных, а значит, свидетельствующих о безоглядной решимости сражаться) продовольственных возможностей становится устойчивым фольклорным мотивом в рассказах о Гражданской войне. Свидетельства об этом сохранили семейные мемораты. В частности, рассказы о том, как «англичане» (мобилизованные в войска союзников жители Обонежья) запомнились крестьянам водлозерских деревень. На жителей д. Канзанаволок Водлозерской вол. Пудожского уезда вторгшиеся отряды произвели впечатление тем, что у них «чулки до колен и галеты на штыках»³⁰. Насаженные на штыки галеты, хранение которых таким образом вряд ли было вызвано практической необходимостью, должны были, по всей видимости, красноречиво свидетельствовать о хорошем продовольственном снабжении «англичан» и служить средством агитации в их пользу. Для той же цели в Беломорской Карелии английские военачальники демонстрировали суррогатный хлеб бойцам «Карельского полка» («Карельского легиона»).

Этот «Легион», или «Карельский полк» («Отряд», как его называли карелы³¹), ставил целью изгнание «белых финнов» из Карелии и первоначально насчитывал не более двух-четырёх сотен бойцов. Он был сформирован в июле 1918 г. карельскими добровольцами и командованием английских интервенционистских войск, весной

²⁸ *Моисеев В.И.* В плену у белых // ВоенКом: Военный комментатор: Военно-исторический альманах. 2009. № 1 (8). С. 94.

²⁹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 31. Д. 207. Л. 7.

³⁰ Из архива автора.

³¹ *Витухновская-Кауппала М.А.* Воспоминания учителя В. Кейняса о съезде депутатов одиннадцати карельских волостей в селе Ухта. 1920 // Исторический архив. 2013. № 4.

того же года высадившихся на Мурмане. Как свидетельствуют мемуары участника и очевидца событий 1918 г. британского профессионального военного и политика Филиппа Дж. Вудса³², в начале июля 1918 г. фактическими хозяевами Беломорской Карелии стали англичане. Белые сформировали для борьбы с большевиками Российскую народную армию, их главные силы действовали в зоне Мурманской железной дороги, а станция Кемь стала местом пребывания коменданта тыла Мурманского района.

Из деревень Беломорской Карелии, занятых финскими экспедиционными отрядами, к командирам английских частей приходили бежавшие добровольцы-карелы и обращались с просьбой дать им оружие и военную подготовку, чтобы они могли выступить против финнов. К июлю число бойцов отряда достигло 300 чел.³³ Он был создан благодаря сотрудничеству местных жителей и англичан, движимых одной целью – изгнать финнов из Карелии. Из карелов были назначены и офицеры, хотя они командовали лишь формально, фактическое командование осуществлялось англичанами. Отряд организовался под лозунгом «Прочь финны из Карелии», «Карелия для карел»³⁴.

Как пишет один из авторов воспоминаний, находились желающие вступить в отряд и среди русских рабочих Кеми, Сороки и других рабочих поселков, но «вербовщики их не принимали, говорили, что возьмем только карелов»³⁵. Такие свидетельства не очень вписываются в господствовавшие долгие годы в исторической науке представления о едином фронте трудящихся Карелии, поднявшихся на борьбу против иноземных захватчиков для защиты завоеваний нового строя. И уж совсем не подходящим для публикации оказалось вычеркнутое из редактируемого текста воспоминание Федора Акуловича Лесонена о военном обучении бойцов отряда английскими офицерами. Учеба «усиленно велась до лета» (1919 г. – *Е.Д.*), и «нам было ясно, что готовят нас против Красной Армии и Советской власти»³⁶.

Обращает на себя внимание фрагмент воспоминаний Ф.А. Лесонена о том, как реагировали командиры полка, узнав о намерении бойцов установить контакт с «Финским легионом». Этот легион действовал на Мурмане и состоял из бежавших после подавления финляндской революции 1918 г. сторонников финских «красных». Те отказывались воевать против Красной армии. В ответ на попытку батальона

³² Полковник Филипп Дж. Вудс. Карельский дневник // *Барон Н. Король Карелии. Полковник Ф.Дж. Вудс и британская интервенция на севере России в 1918–1919 гг. История и мемуары.* СПб, 2013.

³³ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 139. Л. 98.

³⁴ Там же. Д. 140. Л. 56.

³⁵ Там же. Л. 2.

³⁶ Там же. Л. 22.

«Карельского полка» связаться с одной из красноармейских частей, командиры собрали батальон на ст. Кемь, окружили его вооруженными сербами и англичанами, «выступали с речами и требовали, чтобы мы выехали на фронт». Один из них «показал нам кусок черного хлеба, испеченный для животных, и кричал, что «вот такой хлеб едят красноармейцы, конец которых уже близок». Примечательна ремарка автора воспоминаний, характеризующая недовольство, а вместе с тем подавленность и запуганное состояние бойцов батальона: «Мы все молчали и возмущались... Большинство молчало и думало о возвращении домой, к семьям»³⁷.

Когда батальон все же отказался выехать на фронт, англичане сменили политику «кнута» на политику «пряника». Они открыли склады обмундирования и продовольствия, которые карелы прозвали «складами-приманками». Оттуда «любой из нас мог "свободно" получить все, что требуется для солдата, две пары белья, обувь и верхнюю одежду, но требовали при получении показать свой номер, которым наградили нас», присвоив его как «своим подчиненным, солдатам-слугам». Кроме того, «каждый должен был оставить в их бумагах отпечаток своего указательного пальца», – пишет Ф.А. Лесонен³⁸. «Даже пайки продовольствия давались нашим семьям», – продолжает автор воспоминаний, – но «когда кое-кто воспользовался этой "добротой" интервентов и скрылся с оружием, то "склады-приманки" были ими сожжены», англичане «усилили охрану дорог и отобрали оружие у всех нас»³⁹.

По сравнению с частями Красной армии белые войска, и в их числе «Карельский полк», снабжавшиеся продовольствием из стран Антанты, находились в более выгодном положении и могли избежать массовых реквизиций у населения. Однако, вспоминая о службе в полку, Ф.А. Лесонен неожиданно сообщает следующее. Находясь на охране границы, его отряд получал английский паек, хотя и названный автором «скудным». В то же время «семьи многих голодали». «Неурожай и недостаток продовольствия вынудили нас создать комбеды в ряде деревень. Через них мы конфисковали излишки хлеба у местных кулаков. Хлеб был роздан для нужд отряда и беднейшего крестьянства»⁴⁰.

В этом отрывке нашло, вероятно, отражение не только желание автора воспоминаний максимально «приблизить» боевой путь «Карельского полка» с его «сомнительным», с точки зрения общества победителей, прошлым к реалиям жизни частей Красной армии. Непредставимые в Беломорской Карелии «комбеды» из рассказа Ф.А. Лесонена все же наводят на мысль, что отношения бойцов

³⁷ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 140. Л. 59.

³⁸ Там же.

³⁹ Там же.

⁴⁰ Там же. Л. 22, 58.

«Карельского полка» с населением родных деревень не были такими уж безоблачными, и что в годы Гражданской войны не только красноармейские части оказывались перед необходимостью заниматься самоснабжением. Хотя, конечно, в северо-карельском приграничье не было массовых насильственных реквизиций, подобных тем, которые становились чуть ли не повседневностью в населенных пунктах южной Карелии, и которые приводили многих из ее жителей в стан противников советской власти.

Многочисленные пассажи на страницах записанных в 1930-е гг. воспоминаний о Гражданской войне связаны с разоблачением кулаков, купцов, торговцев, офицеров старой армии. Отголоски таких рассказов слышны в сохранившихся воспоминаниях бойцов «Карельского легиона» о том, как они записывали в отряд ради получения пайка стариков и женщин, так что на бумаге отряд в 600 бойцов разрастался до нескольких тысяч человек. В отличие от «белых финнов», довольно дисциплинированным английским частям все же скоро удалось завоевать некоторую популярность у населения Беломорской Карелии. Решающее значение в этом сыграли регулярные поставки продовольствия, благодаря чему удалось предотвратить голод в северо-карельских волостях.

Во время инспекторских проверок, изредка проводившихся англичанами в карельском приграничье, для усиления впечатления многочисленности отряда на охрану границы отправляли стариков. Принимая начальство, организовывали своего рода «художественную самодеятельность», чтобы заручиться добрым отношением со стороны «спонсоров». «По прибытию на место, – вспоминает один из бойцов «Карельского полка» Иван Федорович Лежоев, – командиры отряда сами решили увеличить число бойцов до нескольких тысяч, хотя фактически в отряде было около 600 человек». Автор воспоминаний объясняет, что таким способом командиры хотели «оказать помощь нашим семьям и беднейшей части крестьян». Однако английское командование, узнав об этом, решило послать в приграничье своих представителей для проверки, и военное руководство легиона вынуждено было принять «усиленные меры»: «Во всех деревнях, где находились люди отряда, была проведена дополнительная запись... и начата строевая подготовка с "новобранцами". Мобилизованы были даже старики. Тогда и я вернулся в отряд после болезни. Все солдаты знали свои места в случае проверки. Даже группа из молодых, в том числе и я, готовили вечер художественной самодеятельности. Все было готово, когда в январе-феврале 1919 года англичане приехали для проверки»⁴¹.

Бойцы отряда получили приказ своего командира уроженца д. Кивиярви Григория Игнатьевича Лежоева (Рикко Лесонена) показать «товар лицом», т. е. «необычайно разросшийся отряд». Как пишет автор воспоминаний, «мы привлекли

⁴¹ НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 139. Л. 100.

для участия в параде, да и вообще в "торжествах" мужчин почти всех деревень». Проверка прошла удачно, поскольку «англичане и после продолжали снабжать отряд, вероятно, надеясь, что получат огромные силы для выполнения своих антисоветских планов». Когда «комиссия была выпровожена, крестьяне вернулись к своим занятиям. Важно было вырвать у англичан продовольствие для голодающих»⁴². Однако все эти ухищрения на деле соотносились с практиками выживания в кризисной ситуации. Как и прежние проявления «плутовства» коробейников, они имели вынужденный характер. Английские военные оказывались олицетворением государства, к тому же чужого, которое не грех обмануть, несмотря на заключенный с ним договор.

Свидетельства источников подтверждают, таким образом, этнографические данные о том, что в карельской народной культуре начала XX в. существовала достаточно четкая оппозиция между представлениями о законе и справедливости. Понятия «закон» и «мораль» стояли по разные стороны уже в традиционной культуре карелов, а население приграничья становилось подготовленным к тому, что обход закона – это средство выживания и средство компенсации социальной отверженности, нашедшее в годы Гражданской войны и военной интервенции широкое применение.

⁴² НА КарНЦ РАН. Ф. 1. Оп. 20. Д. 139. Л. 100, 107.

Ченская Татьяна Владимировна

кандидат исторических наук

Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева

**КРЕСТЬЯНСКИЕ НАСТРОЕНИЯ
В ПЕРИОД ПЕРЕВЫБОРОВ В СОВЕТЫ 1926, 1929 гг.
(на примере Орловской губернии/области¹)**

В ряду проблем истории советского общества, нуждающихся в осмыслении, важнейшее место принадлежит государственной политике в российской деревне второй половины 1920-х – начала 1930-х гг. Перевыборы в советы в этом контексте особенно привлекают историков. Еще в советских исследованиях был аккумулирован значительный массив фактического материала, хотя и трактуемого в рамках существовавшей в стране и обществе идеологии. Внимание концентрировалось на вопросах руководства Коммунистической партией выборами в советы, на организации избирательных кампаний, формировании состава советов, представительства в них отдельных социальных групп (женщин, комсомольцев, сельской бедноты), особенностях выборов в сельской местности и городах, кампаниях по «оживлению советов»². В последние годы исследователи, не скованные идеологическим прессингом, обратились к иным проблемам: лишение избирательных прав отдельных категорий населения («лишенцы»), участие в выборах небольшевистских партий, гендерный аспект перевыборных кампаний, абсентеизм сельских обывателей³.

¹ В 1929 г. Орловская губерния была преобразована в Орловскую область.

² *Воронкова С.В.* Перестройка сельских Советов в годы коллективизации деревни (1929–1930 гг.). (По материалам Северо-Кавказского края) // Вестник Московского университета. Сер. IX. История. 1961. № 1; *Шилобод М.И.* Роль сельскохозяйственного пролетариата в упрочении советской власти в деревне (1917–1927 гг.) // Ученые записки Орловского гос. пед. ин-та. Орел, 1967. Т. 37; и др.

³ *Безгин В.Б.* Выборы в Советы первой половины 1920-х годов и абсентеизм сельских обывателей // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект): Материалы научно-практич. конф. Тамбов, 2000; *Ергина Н.М.*: 1) Женщины в кампании перевыборов сельских советов Мордовского округа (1928–1929 гг.) // Вестник Чувашского

Сообщения и заметки

Казалось бы, все аспекты проблемы рассмотрены во всем своем многообразии, но при этом в стороне от исследовательского внимания все еще остается вопрос крестьянских настроений в период перевыборов в советы, тогда как любая избирательная кампания – это лакмусовая бумажка ожиданий и надежд электората, его отношений к происходящему в стране. Так было и при перевыборах сельских советов в 1926, 1929 гг., отразивших динамику изменений крестьянских настроений.

Ценным источником здесь являются документы и сводки о перевыборных кампаниях, когда местные избирательные комиссии помимо статистической отчетности предоставляли секретные описательные обзоры избирательной кампании в соответствии с циркулярами НКВД за № 526/87/С и № 539/88/С и распоряжениями губернских избирательных комиссий. В циркуляре НКВД № 539/88/С так и говорилось: «Все те явления, которые не могут получить цифрового выражения или не предусмотрены формами статистической отчетности должны быть возможно полно освещены в этих обзорах, сообщать просим сведения непосредственно в НКВД»⁴. Ход перевыборных кампаний отражали также специальные сводки и бюллетени окружных отделов ГПУ. Особенно повышенное внимание этих органов к перевыборам советов было в 1929 г., что вполне объяснимо, исходя из тех процессов, которые происходили в стране.

Как свидетельствуют информационные документы и сводки губернской избирательной комиссии за 1926 г., палитра крестьянских настроений была чрезвычайно разнообразной. При этом можно выделить несколько сюжетов, которые сами по себе являются весьма показательными для понимания атмосферы того времени: отношение к социалистическому переустройству деревни (важнейшей частью которого были культурная революция, кооперация, индустриализация); отношение к самой избирательной кампании, с которой непосредственно связано восприятие правящей власти и ее политики, а также к широко пропагандируемому союзу рабочих и крестьян.

При организации выборов широкое распространение получила практика отчетных собраний исполкомов и других советских учреждений, как народные суды, органы здравоохранения и др. Проведение подобных собраний входило составной частью в планы избирательных кампаний и крестьянские массы это приветствовали,

университета. 2010. Вып. 2; 2) Лишение избирательных прав в кампанию выборов в Советы 1928–1929 гг. в национальных регионах Поволжья (на примере сельских местностей Мордовии и Татарстана) // Известия Алтайского государственного университета. 2011. Вып. 4. Т. 1; *Есиков С.А.* Выборы в тамбовской деревне в 1920-е гг. // Избирательное право и избирательный процесс в России: прошлое и настоящее (региональный аспект); *Красников В.В.* Лишение избирательных прав при выборах в Советы в 1920-х гг. (на примере избирательных кампаний в Тамбовской губернии) // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки. 2015. Вып. 3 (143); и др.

⁴ Государственный архив Орловской области (далее – ГАОО) Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1231. Л. 4.

Сообщения и заметки

высказывая свое одобрение: «Граждане, видели ли мы при царизме такие отчеты губернской власти – нет. Теперь не только отчитываются, но и научают как дальше жить и работать» (Муравльская вол. Малоархангельского уезда)⁵. Данные из информационной сводки № 6 о ходе избирательной кампании по РСФСР на 5 марта 1926 г. подтверждают, что мнение крестьян Орловской губернии разделялось крестьянством других регионов: «Советская власть взяла правильный курс на крестьянство» (Московская, Тверская, Воронежская и др. губернии); «вы, молодежь, должны строить новую жизнь, советскую» (Иваново-Вознесенская губерния)⁶.

При организации перевыборов сельских советов широкое распространение получила практика предварительной подготовки избирательных списков из числа бедноты, местных коммунистов и активистов. Случаев отвода членов партии в перевыборную кампанию 1926 г. почти не наблюдалось, если не считать тех, когда крестьяне открыто снимали некоторые кандидатуры членов ВКП(б), если они своим поведением дискредитировали себя. В этом случае вся тяжесть критики обычно переносилась на отдельных представителей власти. Так, например, в Ливенском уезде предложенные кандидатуры от ячеек коммунистов не выбирались, но в то же время население выдвигало членов ВКП(б) и комсомола более авторитетных в его среде и выбирало их в члены Совета⁷.

Материалы избирательных комиссий свидетельствуют, что социалистическое переустройство российской деревни вызывало интерес со стороны крестьянства, проявлявшийся главным образом к вопросам, имеющим местное значение. Причем желание улучшить социально-экономическое положение своей родной деревни, повысить ее культурный уровень было преобладающим, и проблемы экономического характера на данном этапе жизни российской деревни были самыми животрепещущими. С особым вниманием и надеждой крестьяне отнеслись к мероприятиям советской власти, направленным на восстановление сельского хозяйства Черноземной полосы. Приветствовались землеустроительные работы бедняцкого населения за счет государства, а также передача фондовых земель и усадеб, внутригубернское расселение⁸. Деревню интересовал прежде всего не идеологический аспект этого процесса, а сугубо практическая направленность. В настроениях крестьянства в перевыборную кампанию 1926 г. выявляются настойчивые требования по улучшению экономического и культурного строительства деревни: землеустройство, дорожное строительство, увеличение сети школ и больниц.

⁵ ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1231. Л. 46.

⁶ Там же. Л. 87.

⁷ Там же. Л. 131.

⁸ Там же. Л. 104.

Сообщения и заметки

Характерными для иллюстрации настроений крестьянства являлись вопросы, задаваемые ими на избирательных собраниях: «почему правительство не привозит из-за границы недостающий товар – мануфактуру, обувь и т. п.»; «почему в кооперации полки пусты, а спекулянты, наезжающие в поселок, продают товары, накладывают на них до 150 %»; «почему соввласть не наказывает должным образом растратчиков и поэтому дает повод к новым растратам, злоупотреблениям, и хулиганству, и пьянству и т. п.»⁹ Эти вопросы свидетельствуют, что крестьян не могли не волновать постоянная нехватка промышленных товаров, ножницы цен, злоупотребления и моральный облик представителей власти на местах. Эти переживания выливались и в практические предложения (наказы избирателей). Типичными для постановлений этой избирательной кампании были следующие пункты:

- необходимо удешевить товар фабричного производства и урегулировать цены на хлеб, приняв меры к завозу зерновых продуктов для торговли ими среди населения;
- ускорить проведение землеустройства и усилить снабжение крестьян культурными семенными материалами;
- наладить снабжение кооперации товарами;
- возбудить ходатайство перед Центром об отсрочке платежа по полученной ссуде;
- при расширении школьной сети на селе необходимо организовать в сельских местностях школы 2-й ступени для обслуживания ими крестьянских детей, так как в городах беднейшие крестьяне не могут обучать своих детей.

Крестьянство выражало свое недовольство на слабость и бесхозяйственность местных общественных организаций – кресткомов, заявляя: «Что дал комитет взаимопомощи для крестьянства? Все эти организации созданы и существуют сами по себе, а крестьянство само по себе»; «некоторая беднота не хочет работать, потому что вы ей помогаете, а ее следовало бы заставить честно трудиться»¹⁰. Крестьяне указывали на слабость кооперации в деревне, на медленные темпы проведения землеустройства («как обстоит дело с проведением землеустройства и переселением и будет ли отпущен кредит для этих целей» – повсеместно задаваемый крестьянами вопрос); на грубые и неправильные действия милиции, на невнимательное отношение врачей¹¹. Претензии вызывала налоговая политика: «налоги облегчены прямые, а косвенные повышены – это не облегчение

⁹ ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1231. Л. 74.

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же. Л. 72, 87.

Сообщения и заметки

крестьянству», «мы бедны, застраховать свой скот – значит подорвать свое хозяйство, потому, что на страховку нужно продать скот»¹².

Однако наряду с сетованиями и жалобами крестьянство с удовлетворением отмечало оказанную голодающим продовольственную помощь¹³, семенную ссуду: «Когда мы начали получать семена, многие говорили друг другу – кто же это благодетель, который дает так нужные нам хлеб и семена. Это наша родная советская власть, а до нее не было таких оказаний помощи. Поэтому мы к ней должны относиться с большою благодарностью и прислушиваться к ее советам в дальнейшем» (Муравльская вол. Малоархангельского уезда)¹⁴. Кредитование населения, передача лесов местного значения, льготы по кустарной промышленности – все это находило живой отклик среди сельского населения. Это подтверждают данные из сводок о перевыборных кампаниях Елецкого, Ливенского, Новосильского уездов Орловской губернии¹⁵.

Политика власти, направленная на «смычку города и деревни» и на союз «рабочих и крестьян» также нашла отклик у деревенских жителей. Несмотря на внедряющиеся, порой назойливые, штампы и лозунги, крестьяне не могли не видеть, что положение рабочих было лучше, что позволяет некоторым исследователям даже говорить о дискриминации крестьянства в условиях нэповской России¹⁶. Отсюда и возникавшие вопросы: «почему крестьянам живется хуже, чем рабочим?»; «не отражается ли повышение зарплаты рабочего на цене продуктов?»; «почему работницы на период беременности освобождаются от работы, а крестьянка нет?»¹⁷ У крестьян была твердая уверенность, что «рабочие удовлетворены лучше трудового крестьянства, крестьянин может прожить без рабочего, советская власть неравномерно распределяет государственные работы на плечи рабочего и

¹² ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1231. Л. 47–48.

¹³ Помощь со стороны государства была своевременной и актуальной для Орловской губ., так как 1924–1925 гг. сложились для ее населения неблагоприятно: в 1924 г. был неурожай, повторившийся, хотя и в меньшей степени, в 1925 г. Снижение валового сбора главных культур на 40 % по сравнению с 1923–1924 гг., дефицит по основным продовольственным хлебам и фуражу, убыль крестьянского стада на 15 % – все эти последствия не могли не сказаться на всей хозяйственной жизни губернии. Наблюдались массовое недоедание крестьян, граничащее в некоторых местах с голодом, увеличение продовольственных цен, падение платежеспособности крестьянского хозяйства. Губисполком и государство в этих условиях выдавали населению продовольственные и семенные ссуды, завозили продовольственные товары, объявили уменьшение и льготы по сельскохозяйственному налогу, выделили дополнительные дотации по местному бюджету. (Там же. Л. 104).

¹⁴ Там же. Л. 46, 47.

¹⁵ Там же. Л. 118, 129, 169.

¹⁶ Ковалев Д.В. Политическая дискриминация крестьянства в нэповской России// Вопросы истории. 2007. № 5. С. 139–144.

¹⁷ ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1231. Л. 73.

Сообщения и заметки

крестьянина»¹⁸. Более того, высказывались предложения о том, что «необходимо рабочего обложить подходящим налогом с каждого заработанного рубля; рабочий бездельничает в продолжении восьми часов и до сих пор не может дать довоенной выработки»¹⁹. Можно сделать вывод, что смычка между городом и деревней, шла достаточно сложно, а союз рабочих и крестьян был весьма шатким.

1929 г. внес свои корректировки в избирательный процесс. В эту перевыборную кампанию государство уже делает ставку на бедноту, причем продвигая ее как в сельские советы, так и приветствуя ее в качестве электората. Крестьяне чутко уловили эту тенденцию и высказывали свое мнение на этот счет. В Каменском сельском совете Малоархангельского района при обсуждении кандидатур, выставленных от партячейки и группы бедноты, свое недовольство выразил середняк Поляков Андрей Петрович: «Зря мы собирались на перевыборы, ведь и без нас дело обойдется, вот беднота выдвинула своих кандидатов, пусть они их и утверждают, мы середняки собираемся на выборы ради мебели»²⁰. Граждане Утины А.П. и В.П. – крепкие середняки – жаловались, что собираются группы бедноты, а середняков на собрания не приглашают, если придешь, то просят выйти. Так действовали, например, в Хриповском сельском совете Глодневского района, где середняков даже не пустили на предвыборные собрания. И среди крестьян шла речь: «почему это отделяют середняков от бедняков»²¹, «мужиков разделили на три группы, ссорят мужика с мужиком, насильно загоняют в колхозы. Разве за это мужик боролся в 1918-м»²².

Практика отчетных кампаний советских органов в 1929 г. также отражает наметившиеся изменения настроений в крестьянской среде. Если в 1926 г. крестьянством приветствовались и в основном одобрялись отчеты райисполкомов (РИКов) и сельских советов, то в 1929 г. при обсуждении аналогичных отчетов мы встречаем несогласие, а порой и неприятие отчетов. В Каменском сельском совете на общем собрании (присутствовало 250 чел., из них 10 пьяны) середняк Карпов Василий Борисович, выслушав доклад, заявил о его несоответствии действительности: «...У нас нет никакого подъема сельского хозяйства, мы пришли окончательно к разорению от налогов, возьмите рабочих, у них тоже большое недовольство, как и мы, у нас нет кулаков, мы все беднота, а с нас дерут три шкуры, а не принимают никаких жалоб, ни в РИКе ни в центре»²³. Ему вторил Тарасов

¹⁸ ГАОО. Ф. Р-1. Оп. 1. Д. 1231. Л. 72.

¹⁹ Там же.

²⁰ Там же. Л. 63

²¹ Там же.

²² Там же.

²³ Там же. Ф. Р(С)-1847. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

Сообщения и заметки

Григорий: «Власть много говорит о бедноте, но никто не обращает внимание, не могут сделать для бедноты, чтобы она могла достать хлеба по дешевой цене и дерут с ней последнюю шкуру, вот вам и поднимайся беднота»²⁴. Подобные явления отмечались на всей территории Орловской области, в том числе и в Новосильском районе, где 22 декабря уполномоченным Новосильского РИКа товарищем Кутузовым на общем собрании граждан села Заречье был зачитан отчетный доклад, а в прениях по нему крестьянин В.Н.Егоров говорил: «Власть хвалится достижениями, а на самом деле их нет. В отношении снижения цен и думать, наверное, не придется. Много шумят и толкуют о минеральном удобрении, а вот когда крестьянин пойдет в лавку, то почти всегда отвечают, что его нет»²⁵. Замуруев Фома Гаврилович, середняк, отмечал: «...Почему это из года в год берут страховку все больше и больше, от этого помощи нет, потому что за неуплату продают имущество, это не верно»²⁶. Эти примеры красноречиво говорят не только о неприятии докладов, но и о подрыве доверия к власти и, как следствие, противостояние ей.

Порой крестьяне просто игнорировали отчеты на перевыборных кампаниях, как, например, в деревне Слобода Злынского сельского совета Болховского района. В прениях желающих высказаться по докладу не было, собрание прошло без активного участия присутствующих, а в задаваемых вопросах просили ответить о причинах недостатка хлеба и необходимо ли проводить в деревне социалистическое переустройство²⁷.

Довольно частым явлением для перевыборной кампании 1929 г. стал провал на избирательных участках при голосовании лиц, выставленных кандидатами от групп бедноты и ячеек ВКП(б). Не прошли, например, выдвинутые кандидатуры от ячеек ВКП(б) и бедноты в Луначарском сельском совете Урицкого района. Здесь в члены сельского совета был избран бедняк, выдвинутый самими крестьянами²⁸. По вопросу о назначении кандидатур в члены Работьковского сельского совета Дмитровского района гражданин Пушнов Александр говорил: «...Местная партячейка глубоко ошибается и намечает того, кто неряшливо относится к ведению своего хозяйства, примерно выдвинуло бедняка Евтохина Филиппа Григорьевича – лодыря»²⁹. В селе Пруды Новосильского района Лактюшина Тита Никитовича, рекомендованного ячейкой ВКП(б), собрание настаивало снять за то, что он в период военного

²⁴ ГАОО. Ф. Р(С)-1847. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

²⁵ Там же. Л. 13.

²⁶ Там же. Л. 11.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же. Л. 59.

²⁹ Там же.

Сообщения и заметки

коммунизма был жесток по отбору хлеба и груб с населением, когда являлся председателем волисполкома. Гражданин Лякишев указал, что он у него в 1920 г. отобрал 17 пудов хлеба. Ячейка защищала Лактюшина, двое посторонних крестьян доказывали собранию, что по тому времени он был вполне прав. Кандидатуру Лактюшина первым поставили на голосование, но собрание провалило его³⁰. Опасения крестьян в данном случае вполне понятны, так как хлебозаготовительные кампании вызывали неприятные ассоциации с продразверсткой периода военного коммунизма. И таких случаев провала партийных выдвиженцев было множество. Становится очевидным, что если не вся крестьянская масса, то значительная ее часть была настроена чрезвычайно оппозиционно.

Больше всего недовольства среди деревенских жителей наблюдалось на высокие налоги и разные сборы. Как известно, советское государство проводило соответствующую политику обложения налогами единоличных хозяев, чтобы вынудить их вступать в колхозы. По данным современных исследований, для наиболее зажиточных хозяйств налоги были повышены в 2–3, а часто – в 5–6 раз³¹. Привычным явлением при проведении перевыборных собраний со стороны присутствующих были выкрики: «Задавили налогами, мы беднеем с каждым годом»³². В деревне Михайловой на собрании Судинская Евдокия Николаевна (середняк) говорила, что «кого бы не выбирали для нас все равно, а налоги с каждым годом все повышаются, есть и бедняки, которые не хотят работать и каждый год этим лодырям весь налог и страховку скидывают, а я женщина, а уплачиваю налог наравне со всеми»³³. Таким образом, все больше проявлялись антагонистические настроения середняков по отношению к деревенским низам и политике государства, которое на налогово-льготном уровне сеяло раздор между различными слоями сельского социума.

Особое внимание со стороны партийных и советских организаций к бедноте, постоянно проводивших с ними совещания в районном масштабе, вызывало все большее недовольство остальной крестьянской массы. В одном только Новосильском районе Орловской области для подготовки групп бедноты было создано 40 собраний, на которых присутствовал 951 чел. Помимо этого, по всем 33 сельским советам был проведен ряд бедняцких собраний. По ряду сельских советов бедняцкие собрания проводились совместно с батрацкими собраниями

³⁰ ГАОО. Ф. Р(С)-1847. Оп. 1. Д. 2. Л. 59.

³¹ Лозбенева И.Н. Борьба большевиков за сельские советы в центральном нечерноземье во второй половине 20-х гг. // История России сквозь призму борьбы за власть: Материалы 34-й Всероссийской заочной научной конференции. СПб.: Нестор, 2004. С. 178.

³² ГАОО Ф. Р(С)-1847. Оп. 1. Д. 2. Л. 12.

³³ Там же. Л. 16.

Сообщения и заметки

(Грачевский сельский совет). Часто после таких бедняцких собраний значительно пополнялся список лишенцев³⁴. Это еще более накаляло обстановку в деревне. Противостояние различных слоев деревенского населения выливалось в срывы бедняцких собраний. Наиболее оппозиционным был, если верить сводкам Орловского окружного отдела ОГПУ, Малоархангельский район. Так 12 января в деревне Афанасовке указанного выше района крестьянами Зайцевым Стефаном Ивановичем, Зайцевым Федором Васильевичем и Антонечкиным Иваном Филипповичем было сорвано избирательное собрание. Они сумели восстановить все собрание против выдвинутых кандидатов из числа коммунистов и комсомольцев, говоря: «Мы своих выбираем, что нам коммунисты и комсомольцы, пойдем, ребята домой пусть они избирают сами себя». И все избиратели, несмотря ни на какую агитацию уполномоченных избиркомиссий, ушли с собрания³⁵. Аналогичная история произошла в селе Лески того же района. На избирательном собрании некоторые из присутствующих крестьян предпринимали попытки его сорвать: «что вот, мол, вы своих хотите провести пролетариев, а нам нужно провести самостоятельных хозяев», и выступали против кандидатов, выдвинутых группой бедноты, говоря «не нужно нам голтепа, а нужны хозяева, умеющие и дома работать и в людях будут хороши»³⁶. Крестьянин Лебедев Владимир Иванович Лужсковского сельского совета Дмитровского района открыто выступил против Советской власти, видя в ней источник голода в деревне: «Соввласть никуда не годится, потому что она хлеб отбирала и топила в море, а беднота голодная сидит. За это их всех побить надо, чтобы вы не отбирали хлеб у мужиков»³⁷. Противостояние различных социальных слоев деревни выливалось и в крайние формы. По данным итоговой докладной записки Орловского окружного отдела ОГПУ о результатах перевыборной кампании по округу в 1929 г., «в связи с лишением избирательных прав, недопуска на перевыборные собрания усилились моменты террористического воздействия. Всего по округу на почве перевыборов произошло 7 террористических актов (убийства, избиение, поджоги)»³⁸.

Хотя власть и делала ставку на бедноту, нельзя при этом сказать, что беднота всегда и однозначно была ее слепым орудием и всецело поддавалась идеологической обработке. Должиков Владимир Сергеевич, бедняк, говорил: «...Кабала бедняка не у кулака, а у государства, возьмите ссуду, выдают для бедноты, а дерут за нее 40 %, а если беднота засорила этот овес, то продай за деньги и

³⁴ ГАОО Ф. Р(С)-1847. Оп. 1. Д. 2. Л. 62.

³⁵ Там же. Л. 65.

³⁶ Там же.

³⁷ Там же. Л. 66.

³⁸ Там же. Л. 287.

Сообщения и заметки

выйдет не 40 %, а все 60 %, вот где кабала, потому что весь овес забирают до зерна»³⁹. Но еще более показательным в этом плане являлся большой спор в общежитии среди делегатов Окружной конференции групп бедноты, созванной в связи с перевыборами советов, примерно такого характера (со слов осведомителя ОГПУ): «Одни говорили (большинство), что рабочему живется лучше, нежели как крестьянину, партийцы преследуют только свои интересы, которые мягко стелют, да жестко спать, а в особенности плохо живется нам беднякам, а сейчас нам говорят, что нажимай на кулаков в деревне, а деревни то они видят, а вот в городах нет, если в деревне кто-то имеет состояние и какой-нибудь 1 000 рублей и работает день и ночь его считают кулаком, а в городе сплошь да рядом имеют капитал на 10 000 рублей и ничего не работает, его не замечают и даже считают пролетариатом. Другие говорили, что не равно и рабочему живется, и жизнь мы сразу уравнивать не можем, доказывая это разными примерами. В общежитии за это время шел спор приблизительно на вышеуказанную тему, и была масса недовольства на советскую власть. Некоторые разъезжаясь говорили, что здесь мы как будто бы до всего договорились и остались довольны, а как приедешь в деревню, опять эта кошмарная жизнь, нет хлеба, нет топлива и т. д. и невольно опять кланяться кулаку, чтобы он тебе дал пуд хлеба, а власть обещает нам только вот здесь, разъедемся то снова забудет про нас, только вот говорят и снова опять ничего не добьешься. Другие говорили, что нам нужно быть довольными и тем, что мы все свои нужды вылили, и глядишь, что-нибудь да теперь и лучше будет, меньше ненормальностей, советской властью мы должны дорожить, а какие недостатки нам нужно об них говорить и своевременно их изживем»⁴⁰.

Из приведенного текста становится очевидным, что немалая часть бедноты полагала, что власть преследует преимущественно свои цели, проявляя к ней (бедноте) повышенный интерес и требуя нажимать на кулака. При этом участники Окружной конференции подчеркивали огромные трудовые усилия крестьянской семьи для достижения материального благополучия в деревне: «работают день и ночь», а «его считают кулаком». Ведь кулаком непосредственно в деревне считали не просто зажиточного крестьянина, а того, чей достаток был нажит несправедливым, с точки зрения односельчан, путем. Кроме того, у крестьян все больше и больше росла уверенность, что рабочим живется лучше, особенно это мнение укреплялось в связи с административно-силовым нажимом на деревню в процессе коллективизации.

Неприятие «социалистического переустройства» российской деревни нашло свое выражение в выступлениях с требованием создания крестьянских союзов, как организаций представительства и защиты крестьянства. В Болховском районе

³⁹ ГАОО Ф. Р(С)-1847. Оп. 1. Д. 2. Л. 11.

⁴⁰ Там же. Л. 61.

Сообщения и заметки

С.Р.Маковым на перевыборном собрании был открыто поставлен вопрос об организации крестьянского союза. На Моховском районном съезде советов вопрос об организации крестьянского союза был также выставлен одним из делегатов⁴¹. Орловская область не была здесь исключением, подобные заявления можно было услышать и в близлежащих областях: «Нам нужен крестьянский союз, иначе мы погибнем. Пока у власти сидят коммунисты, до тех пор не будет настоящих порядков, нам нужно иметь такую власть, в которой были бы представлены все политические направления»⁴². Рост количества выступлений, связанных с этой идеей, был несомненный, особенно на фоне обострения социально-экономического положения деревни, вызванного начинающейся сплошной коллективизацией. Но не стоит приписывать данной идее грандиозных размахов, по крайней мере, в Орловской области. Согласно итоговой докладной записке Орловского окротдела ОГПУ «О результатах перевыборной кампании по округу в 1929 г.» было зафиксировано всего 2 случая открытой агитации за создание крестьянского союза⁴³. Возможно, это объясняется тем, что местное крестьянство видело для себя более реальную возможность отстаивать свои интересы путем проникновения в советы. С этой целью крестьяне распродавали свой скот, пытаясь таким образом уравниваться с беднотой. При малой явке избирателей пытались выставлять свои избирательные списки в совет. Лица, лишённые избирательных прав, путем подкупа и спаивания, договаривались с односельчанами провести своих людей.

Таким образом, документы и сводки о перевыборных кампаниях в Советы в 1926 и 1929 гг. выявляют тенденцию изменения настроений орловского крестьянства в сторону негативного отношения к советской политике в деревне. Крестьянство живо реагировало на внутривластную ситуацию в стране, на позиции, что занимало в отношении него государство. Если в 1926 г., когда государство еще делало ставку на «сплочение» бедноты с середняком, заинтересованном в результатах своего труда, отношения крестьян к проводимой политике в целом отличались достаточно позитивным настроем, то в 1929 г. ситуация меняется. В эту перевыборную кампанию государство уже делает ставку на бедноту, приветствуя ее в качестве электората и выдвигая в члены сельских Советов. Как следствие, наблюдается обострение во взаимоотношениях различных социальных слоев сельского социума, выявление недоверия по отношению к власти и рост оппозиционных настроений, порой перерастающих в крайние формы – террор. При этом заметно, что государство далеко не всегда могло манипулировать настроением крестьян, несмотря на предпринимаемые пропагандистские усилия.

⁴¹ ГАОО Ф. Р(С)-1847. Оп. 1. Д. 2. Л. 287.

⁴² Там же. Ф. Р-1. Оп. 1 Д. 1231. Л. 82.

⁴³ Там же. Ф. Р(С)-1847. Оп. 1. Д. 2. Л. 287.

Сообщения и заметки

Особенно это заметно на примере того, как менялось на протяжении 1920-х гг. восприятие «социалистического переустройства» российской деревни. Относительно спокойное развитие страны периода нэпа в целом стимулировало доверие к мероприятиям, проводимым советской властью, их позитивным оценкам. Эксцессы же на почве все большего поворота в сторону коллективизации порождали антагонистические настроения и разочарование. Усиление таких настроений со всей очевидностью отразили перемены курса, болезненно затронувшие крестьянское сообщество.

Кусков Сергей Александрович

кандидат исторических наук

Объединенный государственный архив Челябинской области

**ЗАБЫТЫЕ ГОСПИТАЛИ.
ОРГАНИЗАЦИЯ ВОЕННОГО ЗДРАВООХРАНЕНИЯ НА УРАЛЕ
В ПЕРИОД СОВЕТСКО-ФИНСКОЙ ВОЙНЫ**

Деятельность эвакуогоспиталей Урала в годы Великой Отечественной войны часто привлекает исследователей. Без преувеличения можно сказать, что это одна из самых востребованных тем истории тылового района. 70 лет спустя после окончания Второй мировой войны особенно велико воспитательное значение памяти о трудовом героизме советских медиков, связи фронта и тыла, шефской помощи госпиталям. Однако большое количество работ, высокая публикационная активность исследователей почти не касается предвоенного периода деятельности эвакуогоспиталей. При этом об эвакуации на Урал красноармейцев, раненных в боях с «белофиннами», нет упоминаний не только у региональных историков, но и в общих работах, посвященных «Зимней войне»¹.

Раннее засекречивание большей части документов госпиталей предвоенного периода, а также (как казалось) более высокая значимость событий Великой Отечественной войны оставили историю формирования госпитальных учреждений на Урале зимой 1940 г. достоянием узкого круга военных медиков-профессионалов.

¹ См., напр.: *Гладких П.Ф.* Мобилизационное развертывание формирований медицинской службы Красной Армии в начальном периоде Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Санитарные потери // Материалы XI Всероссийской конференции (с международным участием) «Человек и война – глазами врача». М., 2015; *Журавлев Д.А.* Медицинская служба Красной армии в период Советско-финляндской войны 1939-1940 гг.: успехи и недостатки // Общероссийская общественная организация «Содействия профилактике и лечению артериальной гипертензии "Антигипертензивная лига"»: сайт. URL: http://www.ahleague.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=527%3A-1939-1940-&catid=70%3A-65-&Itemid=205&lang=ru (дата обращения 16.08.2015); *Никифоров Ю.А., Субханкулов Р.Ф.* Тенденции освещения истории советско-финляндской войны 1939–1940 гг. в отечественной историографии // Вестник МГИМО. 2010. № 1.

Сообщения и заметки

В начале 1980-х годов, когда, собственно, началось систематическое изучение деятельности эвакуогоспиталей на Урале, участники тех событий еще были связаны обязательствами о неразглашении сведений. Засекреченность сферы военно-мобилизационного планирования оставляла историю уральских госпиталей вырванной из контекста предвоенных событий. Робкие попытки историков и архивистов заполнить эту лакуну путем публикации и анализа рассекреченных документов наталкивались на их однообразие и неполноту². На российском уровне исследованию деятельности эвакуогоспиталей Урала в период Советско-финской войны не благоприятствует рассеянность документов в архивных учреждениях Министерства обороны и системы «Росархива», которые еще предстоит выявлять. Тем не менее, на сегодняшний день имеется достаточно сведений, которые позволяют проанализировать сеть, структуру руководства, особенности формирования, организации лечебной работы эвакуогоспиталей горнозаводского Урала в период военного конфликта с Финляндией.

Погружение автора в тему происходило постепенно: по мере сбора материалов к кандидатской диссертации по истории эвакуогоспиталей Челябинской области в годы Великой Отечественной войны. Анализ протоколов совещаний врачей за 1942–1944 гг. неоднократно вводил в тупик упоминаниями, что эвакуогоспитали сформированы повторно. По мере проверки выявляемых опечаток и случайных нестыковок возникла версия о возможном развертывании эвакуогоспиталей для санитарного обеспечения какого-то военного конфликта в 1938 – первой половине 1941 г. Уточнить период развертывания эвакуогоспиталей позволил один документ, найденный в фонде Челябинского областного военного комиссариата. Это оказалась докладная записка начальника политотдела Челябинского областного военкомата в политуправление Уральского военного округа, датированная 3 февраля 1940 г. Большая часть сведений касалась кадрового обеспечения и материально-бытового обслуживания госпиталей, сообщалось, что в Челябинске развернуто два эвакуогоспиталя. Также весьма ценной была информация о подчиненности эвакуогоспиталей эвакуопункту № 52³.

В рассекреченных описях Челябинского горсовета оказалось дело, посвященное формированию Челябинским горздравотделом эвакуогоспиталей № 1722 и № 1724. Оно содержало как детализированную информацию о

² Кусков С.А. Подготовка госпитальной базы в Челябинске в условиях нарастания военной угрозы (1938–1941 гг.) // Социально-экономическое развитие России в нестабильном мире: национальные и корпоративные особенности: материалы XXVI международной научно-практической конференции. Челябинск, 2009. Ч. II; Тогда была война... 1941–1945: Сборник документов и материалов. Челябинск, 2005. С. 10–13.

³ Объединенный государственный архив Челябинской области (далее – ОГАЧО). Ф. Р-1535. Оп. 1. Д. 46. Л. 27, 28.

Сообщения и заметки

комплектовании медперсонала, так и о мерах по ремонту и о приспособительных работах в школах № 12 и № 27 г. Челябинска. Поскольку секретные постановления Челябинского облисполкома, датированные ранее лета 1941 г., в архиве не сохранились, требовалось выявление на территории Челябинской области и других госпитальных гарнизонов. В городских архивах Магнитогорска, Златоуста, Троицка, Шадринска, Кургана был проведено изучение протоколов заседаний суженных составов горисполкомов за 1938–1940 гг. Документы, свидетельствующие о развертывании госпиталей и лечении раненых и больных воинов, отсутствуют. Выбор архивных учреждений не был случайным, так как именно в этих городах предполагалось формирование госпиталей согласно плану МП 41.

Краткая информация о деятельности в 1940 г. Местного эвакуопункта (МЭП) № 52 содержится в «Истории – отчете о работе МЭП № 91 за годы Отечественной войны»: «В период белофинской кампании в Свердловске был развернут эвакуопункт № 52, но объем его работы, так же как и других эвакуопунктов глубокого тыла, был невелик. Поэтому, когда в начале Отечественной войны началось развертывание этих учреждений, работу их надо было начинать заново»⁴. О формировании в 1940 г. эвакуопункта № 44 в г. Молотове (г. Пермь) сообщается и в «Итоговом медицинском отчете эвакуопункта № 44 за время Великой Отечественной войны»⁵.

В фондовом указателе Филиала военно-медицинских документов в г. Санкт-Петербурге Центрального архива Министерства обороны РФ значится фонд эвакуопункта № 44 (первого формирования), документов МЭП № 52 за 1940 г. в архиве нет. Ознакомиться с фолиантом, в котором были собраны документы МЭП № 44 (первого формирования), так и не удалось. В связи с ремонтом здания филиала ЦАМО фонд оказался недоступен. Следы документов МЭП № 52 обнаружили в Государственном архиве Свердловской области. В кратком справочнике по фондам ГАСО в «Списке фондов ликвидированных, объединенных, переданных в другие архивы из ГАСО» значится фонд Управления эвакуационного пункта № 52⁶. Главный хранитель фондов ГАСО О.А. Исакова сообщила, что до передачи в Центральный государственный архив Советской армии (ныне – Российский государственный военный архив) фонд содержал 91 дело за 1939–1940 гг. В 4-томном путеводителе по фондам РГВА фонд эвакуационного пункта № 52 не значится.

Ответ сотрудников Российского государственного военного архива на запрос подтвердил местонахождение фонда МЭП № 52, позволил подтвердить датировку

⁴ Филиал военно-медицинских документов в г. Санкт-Петербурге Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации. Ф. 283/307. Оп. 4549. Д. 4. Л. 11.

⁵ Там же. Ф. 262. Оп. 4999. Д. 2. Л. 2.

⁶ Краткий справочник по фондам Государственного архива Свердловской области. Екатеринбург, 1996. С. 317.

Сообщения и заметки

документов, уточнить данные о сети госпиталей, подведомственных эвакупункту. Работа с фондами ГАСО и Центра документации общественных организаций Свердловской области дала возможность прояснить некоторые аспекты деятельности эвакуогоспиталей, реабилитации раненых и больных воинов, эвакуированных с советско-финского фронта. Наиболее информативными оказались фонды Свердловского обкома партии, Свердловского облздравотдела, Свердловского горсовета. Наилучшим образом отражена история Свердловского госпитального гарнизона. Собранная информация позволяет реконструировать систему мобилизационного развертывания, снабжения, управления, медицинской реабилитации в эвакуогоспиталях Уральского региона.

«Малые» вооруженные конфликты 1938–1940 гг. требовали соответствующего санитарного обеспечения. В период приграничных боев на оз. Хасан потребовалось развертывание прифронтовых госпиталей во Владивостоке и Посъете. В ходе вооруженного конфликта на р. Халхин-Гол Санитарное управление Красной армии было вынуждено развернуть мощную систему эвакуации раненых и больных воинов в эвакуогоспитали Восточной Сибири и Забайкалья, а также в центральные районы страны, привлечь опытных врачей из тыловых районов, в том числе Урала. Но наибольших масштабов деятельность военного здравоохранения накануне Великой Отечественной войны достигла в конце 1939 – первом полугодии 1940 г., в связи с началом Советско-финской войны. В декабре 1939 г. советские войска понесли большие потери ранеными и обмороженными. В первых числах января 1940 г. в штаб Уральского военного округа поступила заявка на развертывание госпитальных коек. Санитарный отдел УралВО имел госпиталь и поликлинику, располагал некоторым резервом коек в гражданских больницах, но их хватало только для лечения гарнизонных больных.

Военное здравоохранение, так же как и вся РККА, в целом имело минимальное количество кадровых постоянно действующих учреждений. Развертывание эвакуогоспиталей шло по тому же принципу, что и формирование других военных частей в мобилизационный период. Оно включало в себя призыв приписанного к госпиталю личного состава, освобождение и приспособление зданий, передачу с мобилизационных складов табельного имущества. Согласно мобилизационным планам предполагалось несколько этапов развёртывания эвакуогоспиталей. Все необходимое кадровое и материальное обеспечение в полном объеме имелось только для первой волны госпитальных формирований. В 1940 г. на Урале было развернуто госпиталей значительно меньше, чем предполагалось в первой волне всеобщей мобилизации.

В январе 1940 г. эвакуогоспитали формировались в Свердловске, Челябинске, Уфе, Ирбите, Нижнем Тагиле, Красноуфимске. В крупных центрах Челябинской

Сообщения и заметки

области: в Кургане, Магнитогорске, Златоусте госпитали не были развернуты, что, вероятно, связано с их относительной удаленностью от основного маршрута военно-санитарных поездов (Ленинград–Киров–Молотов–Свердловск–Челябинск). Наиболее густой госпитальная сеть оказалась в Свердловской области, что предопределялось центральным положением региона, близостью окружающих военных учреждений и дислокацией в Свердловске Местного эвакуационного пункта № 52.

Таблица 1

Дислокация эвакогоспиталей МЭП № 52 в первом полугодии 1940 г.⁷

Эвакогоспитали МЭП № 52 (номера)	Дислокация эвакогоспиталей в годы Великой Отечественной войны
1019	г. Уфа
1326	г. Свердловск
1706	г. Свердловск
1707	г. Свердловск
1708	г. Свердловск
1712	г. Молотов
1714	г. Нижний Тагил
1715	г. Ирбит
1717	г. Красноуфимск
1722	г. Челябинск
1724	г. Челябинск
1738	г. Уфа
1739	г. Уфа
1740	г. Уфа
1741	г. Уфа

Распределение госпитальной группировки по малым гарнизонам уменьшило негативное влияние на социально-бытовую сферу крупных индустриальных центров. Оно было терпимым благодаря наличию развитой транспортной инфраструктуры в регионе. Тем не менее такое распределение увеличивала зависимость госпиталей от местных городских властей, налагала на военно-санитарную службу особую ответственность за обеспечение нормальной лечебной работы.

Специализация уральских эвакогоспиталей в 1940 г. не зашла слишком далеко: создавались терапевтические и хирургические госпитали. В каждом госпитальном

⁷ Составлено по: Урал ковал победу. Сборник-справочник. Челябинск, 1993. С. 355–379.

Сообщения и заметки

гарнизоне обустроивались пристанционные приемники. В областных центрах развертывались пары из хирургического и терапевтического госпиталей. В «головном госпитале» (начальник которого считался руководителем всего госпитального гарнизона) создавалось сортировочное отделение.

Организацией приема раненых и их распределением между госпиталями, методическим и научным руководством медицинской работой эвакогоспиталей занимались местные эвакуопункты. Также эвакуопункты ведали вопросами вещевого, продовольственного, денежного обслуживания раненых и медицинского персонала. В отличие от Великой Отечественной войны, в 1940 г. не только руководство госпиталей, но и средний и даже младший медицинский персонал считался военными служащими, со всеми вытекающими из данного факта социальными гарантиями. Большая часть эвакогоспиталей в Уральском военном округе была подконтрольна МЭП № 52. В западной части округа действовал МЭП № 44 (дислокация в г. Молотов). Уральский военный округ в период Второй мировой войны неоднократно менял границы. К началу 1940 г. он включал в себя Башкирию, Молотовскую, Челябинскую, Свердловскую, Кировскую области, а также западные районы Омской области.

Хозяйственное обеспечение эвакогоспиталей, финансирование труда технического персонала госпиталей относилось к компетенции городских и районных советов. Госпитали в период Советско-финской войны и в начальный период Великой Отечественной войны считались формированиями горздравотделов. В ходе формирования эвакогоспиталей самой сложной задачей стало предоставление зданий. Учитывая трудности, с которыми сталкивались уральские гарнизоны в годы Первой мировой и Гражданской войн, а также невозможность вернуться к средневековой практике постоя, проблему систематически решали на государственном уровне за счет школьного строительства.

В 1936 г. Санитарным управлением РККА и Наркоматом просвещения СССР были согласованы типовые планы для строительства школ. Сейчас школьные здания, построенные с 1936 до начала 1960-х гг., имеют двойное назначение. Согласно установленным перечням работ, приспособление школьных помещений под госпитали не могло превышать двух недель. Требовалось установление электронагревательного оборудования и ванн, доработка системы отопления, настил водонепроницаемых полов, а также косметический ремонт. Как показывал опыт эксплуатации типовых школьных зданий, оперативное проведение приспособительных работ под госпитали было непростой задачей. Например, во время летних каникул 1937 г. в Свердловске было проведено проверочное мобилизационное развертывание госпиталя. В своем постановлении по данному вопросу Свердловский облисполком красноречиво констатировал, что «враги

Сообщения и заметки

народа, сидевшие в Свердловском горсовете, горздравотделе, сделали все, чтобы сорвать мобилизационную готовность формируемых эвакуогоспиталей»⁸. В последующие годы мобилизационную готовность госпиталей удалось значительно улучшить.

С 1936 по 1940 г. задача поддержания в удовлетворительном состоянии школьных зданий объединяла усилия военных комиссариатов, местных руководителей народного образования и здравоохранения. Их работу координировали суженные составы горисполкомов. Кроме председателя горисполкома и секретаря в состав данного органа власти входили представители горкома партии, НКВД, военком. Помимо руководства мобилизационной работой данный формат секретного обсуждения острых социальных вопросов использовался зачастую вопреки инструкциям. Например, в Челябинске в этом кругу должностных лиц обсуждали борьбу с абортами, проституцией, проблемы в работе водоочистных сооружений. В тех или иных случаях к работе привлекались специалисты, как правило, руководители мобилизационных секторов предприятий и учреждений. На крупных промышленных предприятиях секретная часть и мобилизационный отдел могли быть разделены. В целом накануне войны действовала многоуровневая система мобилизационных учреждений, деятельность которой в городе координировалась суженными составами исполкома.

Каждое из ведомств имело мобилизационный план и склад с запасами для решения поставленных задач, либо разнарядку на получения потребного имущества. Все мобилизационные работники и руководители ведомств назначались только после проверки НКВД. По этой причине на должность руководителя района зачастую невозможно было назначить учителя-коммуниста на хорошем счету, а органы государственной безопасности не обязаны были сообщать о причинах отказа, что в определенном смысле тормозило решение кадрового подбора. Тем не менее, в январе 1940 г. городские советы имели структуры, способные возглавить подготовку госпитальных помещений, имели склады с медицинским имуществом и лекарствами. Могли снабжать госпиталь мебелью, медицинским инвентарем, лекарствами и топливом.

Формирование эвакуогоспиталей на Урале началось 7 января 1940 г.⁹ Первым шагом стало освобождение зданий, отведенных под госпитали. В результате развертывания приспособительных работ выяснилась нехватка отдельных узлов, труб, крепежных материалов, необходимых для монтажа отопления, горячего водоснабжения. Накануне войны мобилизационные резервы этими материалами

⁸ Центр документации общественных организаций Свердловской области (далее – ЦДООСО). Ф. 4. Оп. 31. Д. 4. Л. 36, 41.

⁹ Государственный архив Свердловской области (далее – ГАСО). Ф. Р-286. Оп. 20. Л. 173, 185.

Сообщения и заметки

заполнялись трудно, а зачастую в условиях дефицита в ходе жилищного строительства их отдавали строительным организациям «взаимы». Поэтому горсоветы вынуждены были обращаться к своему главному «мобилизационному» ресурсу – к помощи крупных предприятий.

Укомплектование штата госпитальных формирований шло главным образом по линии военных комиссариатов. При комплектовании штата госпиталей обращалось внимание на политическую благонадежность, отсутствие связи с врагами народа. Однако некоторые медсестры имели репрессированных родственников. Пополнение частей, сражавшихся с «белофиннами», шло за счет добровольцев, хотя отказ пойти добровольцем на эту войну уменьшал карьерные перспективы мужчины. Но врачей, старший и средний медперсонал для работы в госпиталях призвали обычным порядком. К тыловым госпиталям были приписаны исключительно женщины-врачи. Мужчины заполняли лишь некоторые руководящие и хозяйственные должности¹⁰. Мужчины в госпиталях работали поварами, электромонтерами, санитарями, повозочными. Технические сотрудники в учреждениях, переданных в 1940 г. под госпитали, стали считаться вольнонаемными сотрудниками госпиталей.

Партийно-политическая работа в эвакогоспиталях Урала возглавлялась политотделом Уральского военного округа. Переписка обкомов, райкомов ВКП(б) по выполнению февральского приказа политотдела «Об оказании помощи работникам вновь созданных госпиталей в обслуживании больных и раненых бойцов и командиров» отражает содержание партийно-политической и культурно-массовой работы. В госпиталях силами местных учреждений организовывались передвижные библиотеки, шефские концерты, были выделены киноустановки для демонстрации фильмов, госпитальные койки оборудовались радиоточками. Райкомы и горкомы партии должны были обеспечить оформление ленинских комнат, организовать постоянное шефство над ранеными. Ввиду скорого свёртывания госпиталей шефская работа приняла формы разовых кампаний и к маю 1940 г. свернулась. В целом в 1940 г. была апробирована модель культурного обслуживания раненых, воспроизведенная в годы Великой Отечественной войны. Не выдерживает критики представление, что летом–осенью 1941 г. такая форма работы как шефские концерты была открыта впервые. В период Советско-финской войны данная форма рекомендовалась политическими органами. Также следует обратить внимание на высокую степень информированности обкомов ВКП(б) о проблемах эвакогоспиталей. Учет партийных кадров эвакогоспиталей и прием в партию велся политотделами областных военных комиссариатов¹¹.

¹⁰ ОГАЧО. Ф. Р-220. Оп. 11. Д. 57. Л. 81.

¹¹ ЦДООСО. Ф. 5044. Оп. 7. Д. 1. Л. 45.

Сообщения и заметки

О лечебной работе уральских госпиталей известно мало. Долгое время автор ошибочно полагал, что раненые на Урал так и не прибыли, так как исходил из опыта деятельности эвакуогоспиталей в годы Великой Отечественной войны. В первых числах января 1940 г. горздравотделы приступили к приспособлению зданий. Ремонтные работы и размещение коек растянулось до первых чисел февраля. Раненых могли выгрузить на станциях не ранее середины февраля. При этом известно, что в последней декаде мая эвакуогоспитали уже были расформированы. За 2–3 месяца было возможно вылечить многие поражения, но далеко не все, даже если эвакуировали легкораненых. Но принципы сортировки предполагали эвакуацию в глубокий тыл именно тяжелораненых. Именно в этом свойстве советского военного здравоохранения в 1920–1930-е гг. заключается его коренное отличие от периода Первой мировой войны. То есть, даже средние сроки реабилитации никак не укладывались в 70–90 дней. А решения местных органов власти по выделению транспорта для раненых не подтверждали факт разгрузки военно-санитарного поезда.

Вышеуказанное противоречие было преодолено благодаря свертыванию эвакуогоспиталей в два этапа. В мае 1940 г. все недолеченные бойцы были вывезены в окружной центр, где госпитали продолжили работу. К июню 1940 г. в эвакуогоспиталях Свердловска осталось двести раненых. Это были молодые мужчины от 23 до 30 лет. Все они после выписки должны были получить инвалидность. Комиссар эвакуопункта № 52 А.И. Морковкин предложил организовать трудоустройство инвалидов и подготовительные курсы по подготовке к поступлению в учебные заведения. Но инициатива комиссара Морковкина по организации социальной реабилитации инвалидов не получила поддержки. Этой работой должен был заниматься наркомат социального обеспечения¹². Данный исторический сюжет представляет интерес, так как в годы Великой Отечественной войны в эвакуогоспиталях была развернута работа по трудовому обучению и трудоустройству раненых.

Единственными направлениями лечебной работы эвакуогоспиталей Урала в 1940 г., отраженными в документах областных архивов, оказалась физиотерапия и лечебная физкультура. Причиной этому стало привлечение местных научно-исследовательских и курортных учреждений к делу реабилитации раненых. Краткие сроки деятельности эвакуогоспиталей на Урале не дали обширного статистического материала. Тем не менее имел место положительный опыт использования курортных

¹² ЦДООСО. Ф. 4. Оп. 31. Д. 114. Л. 92, 93.

методов лечения, который был учтен в годы Великой Отечественной войны¹³.

В 1940 г. на территории Уральского военного округа была создана и действовала сеть эвакогоспиталей. Хотя пропагандистским аппаратом Советско-финская война выставлялась продолжением гражданской войны, на Урале в реальных условиях была апробирована деятельность военно-санитарной службы, модернизированной в 1930-х гг. При комплектовании штатов госпиталей не было места играм в добровольчество. Привлечение местных ресурсов и шефской помощи было регламентировано, сама помощь иницировалась сверху. Слабыми звеньями были нехватка опытных хирургов и неготовность местных коммунальных служб. Предстояло создавать систему социальной реабилитации инвалидов войны. В местной прессе деятельность эвакогоспиталей не освещалась.

В целом государство и здравоохранение технологически оказались готовы к решению задачи по санитарному обеспечению войск в тыловом районе. Но деятельность эвакогоспиталей проходила вне общественного сознания. Условно победоносная, условно классовая война скорее демобилизовала народ. Не поэтому ли деятельность эвакогоспиталей периода Советско-финской войны была забыта?

¹³ ГАСО. Ф. Р-627. Оп. 1. Д. 287. Л. 43, 55; Горбунова З.И. Диатомит в лечении ранений: на примере эвакогоспиталей глубокого тыла // Материалы XI Всероссийской конференции (с международным участием) «Человек и война – глазами врача». С. 64–66.

Зеленская Татьяна Вячеславовна

кандидат исторических наук

Таганрогский институт имени А.П. Чехова (филиал)

Ростовского государственного экономического университета (РИНХ)

**ВАСИЛИЙ МИТРОФАНОВИЧ БАЗИЛЕВИЧ:
СУДЬБА «МАЛЕНЬКОГО ЧЕЛОВЕКА» НА ФОНЕ
ИСТОРИЧЕСКОЙ ДРАМЫ БОЛЬШОЙ СТРАНЫ**

Ушел в историю год знаменательного юбилея 70-летия Победы в Великой Отечественной войне. Однако это событие прошлого нашей страны выступает в качестве наиважнейшего периода не только советского времени, но и всей российской истории. Обращение региональных исследователей к проблемам военного времени не соотносится с юбилейными датами, а имеет непреходящее значение, вызывает постоянный интерес, как среди профессионалов¹, так и простых граждан², живо интересующихся историей своей Родины, своего народа, своей семьи.

¹ *Агеева В.А.* Свободное времяпровождение детей и подростков в годы Великой Отечественной войны: содержание, ресурсы, особенности // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2015. № 4 (34); *Гуров М.И., Зеленская Т.В., Титовская А.Э.* К вопросу об истории семьи в военное время (региональный компонент) // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2015. № 2; *Зеленская Т.В.* К вопросу о деятельности организации «Цепелина» на оккупированных территориях в период Великой Отечественной войны // Актуальные направления фундаментальных и прикладных исследований. Материалы V международной научно-практической конференции. 22–23 декабря 2014 г. North Charleston, 2015. Т. 1; *Кринко Е.Ф.* Боевые действия на Юге России в 1941–1943 гг.: историографический опыт и перспективы дальнейших исследований // «Значение сражений 1941–1943 гг. на Юге России в Победе в Великой Отечественной войне». Материалы Всероссийской научной конференции. Ростов н/Д, 2015; и др.

² *Волошин В., Ракочий С.* Таганрог «при немцах». Хроника оккупированного города. 1941–1943. Таганрог, 2015; *Зеленский А., Зеленская Т.* Таганрогское подполье. Возвращенные имена. Таганрог, 2015; и др.

Личность в истории

В этой связи отдельные события военной истории, а особенно жизнь рядовых граждан нашей страны, чья судьба оказалась вплетенной в общую трагедию противостояния фашизму, заслуживают отдельного освещения на страницах не только научных журналов, но и широкого спектра информационно-периодических, научно-популярных и учебных изданий.

История повседневной жизни простого человека на различных этапах истории Российского государства, в том числе и в реалиях военного времени, продолжает привлекать внимание исследователей. Региональными историками, аспирантами, магистрантами, студентами уже внесен весомый вклад в наполнение «жизненной» истории войны, персонификационный аспект изучения которой представляется на сегодняшний день крайне интересным и востребованным³.

Судьба «маленького человека» на фоне истории большой страны редко привлекала к себе внимание советских историков. В центре марксистско-ленинского восприятия исторического процесса всегда стояли массы. С точки зрения этого исторического подхода обращение внимания исследователей на жизнь отдельного человека вообще не представлялось возможным и необходимым. И хотя проблема роли личности в истории вполне могла иметь место в практике советской исторической науки, однако в качестве предмета изучения выступали наиболее значимые, известные персонажи прошлого. Место же отдельного индивида, простого человека и его жизненное наполнение, вклад в общее дело построения великой государственности фактически не изучались. Проблема восполнения этого пробела в нашей истории, насыщение ее страниц конкретными людьми, с их индивидуальностью, особенностями жизни и деятельности на благо общества становится востребованной и актуальной.

Военная действительность лета–осени 1941 г. молниеносно ворвалась в жизнь советских граждан, практически сразу поставив большинство из них, проживавших в западных районах СССР, в ситуацию жестких прифронтовых реалий. А стремительное продвижение немецко-фашистских захватчиков вглубь советской территории в течение первых месяцев войны привело к тому, что оставшиеся здесь мирные жители оказались в условиях экстремального существования в рамках оккупационного режима. Это были люди разных возрастов, профессий, образования, социального статуса, но всем им пришлось соотносить свою жизнь со сложившейся

³ *Гуров М.И., Дягилева Т.В.* Великая Отечественная война глазами современников и потомков (на материалах архива семьи Д.) // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2013. № 2; *Зеленская Т.В., Пантилеев Э.Ю.* К вопросу о повседневной истории Великой Отечественной войны (на материалах личного архива семьи Пантелеевых) // Там же; *Агеева В.А., Волвенко А.А.* Война и судьбы детей: по страницам личного дневника военного времени М.Е. Галах-Муравьевой // Там же. 2014. № 2; *Смирнова В.К.* Повседневность как проблема современной исторической науки (на примере историографии Великой Отечественной войны на Юге России) // Там же. 2015. № 2; и др.

Личность в истории

ситуацией и теми требованиями, которые были поставлены перед простыми обывателями оккупационными властями. Одним из таковых был Василий Митрофанович Базилевич, работник Таганрогского краеведческого музея, личность и судьба которого привлекла наше внимание на пути исследовательского поиска в рамках изучения деятельности работников культурно-просветительной сферы в период Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Василий Митрофанович родился 3 января 1893 г. в городе Умань (Украина) в семье мирового судьи Митрофана Григорьевича Базилевича и Зинаиды Михайловны, происходившей из киевских мещан Лычковых. Среднее образование он получил в гимназии № 1 г. Киева, по окончании которой поступил на историко-филологический факультет Киевского университета. В 1915 г., окончив университет с серебряной медалью, продолжил свое обучение на курсах подготовки профессуры. В 1918 г. получил ученую степень магистра русской истории.

С 1915 г. в течение нескольких лет служил в музеях и библиотеках г. Киева, где постепенно формировал свои научные интересы и набирался опыта исследовательской деятельности. Кроме этого с 1916 г. Василий Митрофанович преподавал в киевских гимназиях – Императорской, Алексеевской и гимназии № 2, а затем в средних школах № 6, 43 и 51. Одновременно с 1917 г. он начинает свою преподавательскую карьеру в Киевском университете, а также в Археологическом и Художественном институтах.

Помимо педагогической работы Базилевич занимался и научной практикой. Сфера его исследовательского интереса была связана с историей «Южного общества» декабристов, в частности, с деятельностью «Общества объединенных славян». В течение нескольких лет он состоял научным секретарем старейшего в стране Киевского исторического общества «Нестора Летописца». За это время им было опубликовано 45 научных работ по русской истории, искусству и литературе.

Со времен своего студенчества и до 1919 г. В.М. Базилевич сотрудничал с редакцией газеты «Киевлянин», а в 1918 г., во время пребывания германских войск в г. Киеве, – с газетой «Голос Киева».

Несмотря на призывной возраст и военное время Василий Митрофанович в армии не служил, пользуясь отсрочками в рамках действовавших в тех условиях правовых норм.

Будучи человеком образованным, имея широкие возможности общения с представителями научной интеллигенции, университетской профессурой, публицистами, деятелями культуры и искусства, студенчеством, Базилевич не мог оставаться безучастным к событиям, происходившим в России в тревожные дни 1917–1919 гг. Несмотря на то, что в политических партиях Базилевич не состоял, он был знаком с видными деятелями Добровольческой армии и киевского

Личность в истории

Правительства гетмана П.П. Скоропадского, действовавшего в период оккупации города немецкими войсками. Известны факты его личного общения с министрами Н.П. Василенко, В.В. Зиньковским и Г.Е. Афанасьевым. Данное обстоятельство стало впоследствии причиной его неоднократных арестов, когда с приходом большевиков произошла смена власти на территории Украины.

В 1927 и 1933 гг. Базилевич дважды задерживался Главным политическим управлением (ГПУ), а в апреле 1935 г. был арестован органами НКВД и по ст. 54.10 УК Украинской ССР осужден на 5 лет лишения свободы. Наказание отбывал в части № 2 колонии № 1 Управления лагерей и исправительно-трудовых колоний (ИТК) НКВД по Хабаровскому краю (г. Будукан).

В 1940 г., после отбытия срока заключения, он был вынужден искать новое место жительства, так как ему было запрещено проживать в г. Киеве. В качестве места своего нового проживания Базилевич выбрал г. Таганрог, где устроился на работу заведующим отделом экспонатов городского музея краеведения. Работая в музее, Василий Митрофанович продолжил свою научную деятельность, однако теперь предмет его исследовательского поиска становится история г. Таганрога.

В.М. Базилевич (второй ряд, крайний справа)
в кругу сотрудников Таганрогского краеведческого музея. 1940 г.
Публикуется впервые
(ТФ ГКУ РО «ГАРО». Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 72)

Избрание в качестве своего пристанища этого южного городка вполне может быть обусловлено сферой интересов В.М. Базилевича, ведь именно здесь осенью 1825 г. закончил свои дни император Александр I, с именем которого, безусловно, ассоциируется деятельность декабристских организаций. В предвоенные годы исследователю удалось найти материалы, связанные с отголосками декабристского восстания в Таганроге, в частности, с именем одного из участников этого движения: Егора Ермолаевича Франка.

В 1941 г., по заказу Академии наук СССР, Базилевич занимался работой над рукописью по истории Академии наук за 1724–1742 гг. Кроме этого работал преподавателем истории и искусства в Таганрогской школе мастеров соцтруда. Здесь и застала его весть о начале войны. А уже осенью 1941 г. враг подошел к границам Ростовской области.

9 октября 1941 г., при эвакуации из города части экспонатов музея, по предложению директора музея Чистосердова, Базилевич был временно назначен на должность его заместителя. На него были возложены обязанности охраны оставшихся фондов музея. 17 октября 1941 г. в Таганрог вошли первые части немецко-фашистских войск.

Оккупация Таганрога была одной из самых длительных и продолжалась до 30 августа 1943 г. За это время в городе возникла своеобразная модель фашистского «нового порядка», в своем роде уникальная на Юге России. В рамках этого оккупационного режима функционировала и часть учреждений культуры, приспособленных врагом для реализации своей идеологической программы.

Исполнение оккупационных задач осуществлялось специфической управленческой системой. В городе действовала Ортскомендатура. Военный комендант имел неограниченные полномочия в сфере реализации военно-полицейских, хозяйственных, социальных и культурно-воспитательных функций. В его подчинении находились местные исполнительные органы власти (городская управа – Бургомистерство). Структура таких управлений охватывала все направления социально-экономической, культурной и политической жизни.

С первых дней оккупации захватчики стремились максимально использовать трофейное богатство. Особо привлекательными для грабителей являлись коллекции местных музеев, не вывезенные своевременно вглубь России, а также раритетные издания, имевшиеся в фондах библиотек⁴.

При Бургомистерстве создавались специальные структуры, координирующие работу школ, культурных учреждений, церквей, музеев и библиотек. В сентябре 1942 г. в Ростов-на-Дону был перемещен штаб оперативного руководства южными оккупированными территориями. Штаб состоял из различных отделений, в перечень которых входил и отдел культуры, возглавляемый профессором Реком. Местные ведомства, занимавшиеся вопросами образования и культуры, вошли в подчинение этого отдела⁵. Наряду с этим в оккупационной зоне были организованы отделы пропаганды U-2, осуществлявшие контроль над учреждениями культуры⁶. В этой структуре особое место занимал цензурный комитет, проводивший ревизии фондов культпросветучреждений⁷.

⁴ Зеленская Т.В. Учреждения культуры Таганрога в период немецкой оккупации (осень 1941 – лето 1943 г.) // Вестник Таганрогского государственного педагогического института. 2006. № 2. С. 163.

⁵ Таганрогский филиал Государственного казенного учреждения Ростовской области «Государственный архив Ростовской области» (далее – ТФ ГКУ РО «ГАРО»). Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 6. Л. 53.

⁶ Там же. Д. 1. Л. 76.

⁷ Там же. Д. 6. Л. 88.

По распоряжению немецких властей был установлен строгий контроль и над музейными фондами. В период определенного безвластия в городе с 17 по 20 октября 1941 г. музей в течение нескольких дней оставался без официальной охраны. В этот непродолжительный период времени часть исторических экспонатов была похищена, а оставшаяся разбросана и повреждена. Начавшееся расхищение имущества музея было остановлено при содействии немецкой Ортскомендатуры, но по настоятельной просьбе хранителя музейных коллекций – В.М.Базилевича. Известно, что ради сохранения фондов Василий Митрофанович был вынужден переселиться в здание музея.

29 октября 1941 г. приказом бургомистра Таганрогского городского управления Н. Кулика Базилевич назначается директором Городского исторического музея и находится в этой должности на протяжении восьми месяцев⁸. Им были оперативно предприняты необходимые меры по охране еще оставшегося имущества, в музее проводилось круглосуточное дежурство. С 1 ноября 1941 г. в штат был взят ночной сторож П.Г.Шамардин. Тем не менее проникновения на территорию музея продолжались. Во многих случаях сторож просто не мог ничего предпринять против нарушителей, так как этими «преступниками» зачастую были сами оккупанты.

С 26 ноября 1941 г. приказом Ортскомендатуры было разрешено временное изъятие картин из музея для нужд немецких властей. В основном картины изымались для оформления интерьера чиновничьих кабинетов. Некоторые предметы передавались в пользование различным городским учреждениям⁹.

Для фашистов краеведческий музей стал своего рода «вотчинной», куда приводили высоких гостей, редко уходивших без ценных подарков. Так, начальником городского отдела пропаганды Лебертом был подарен генералу Рекнагелю старинный пистолет, аналогичный подарок получил и сам Леберт из рук представителя Ортскомендатуры Краузе¹⁰. Кроме этого картины, мебель и фарфор из фондов раздавались для «украшения» жилья высокопоставленных чинов немецкой армии, расквартированных в Таганроге¹¹. Часть разворованных экспонатов была увезена в Германию, например, все ценные медные иконы, кресты, облачения священников, а также подлинники картин И.И. Шишкина, В.Е. Маковского и других авторов. Всего из Таганрогского краеведческого музея было похищено 4 624 предмета на сумму около 220 тыс. рублей¹².

⁸ ТФ ГКУ РО «ГАРО». Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.

⁹ Там же. Ф. Р-547. Оп. 1. Д. 3. Л. 2–4.

¹⁰ Там же. Л. 1–7.

¹¹ Там же. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 6. Л. 44–45.

¹² Зеленская Т.В. Учреждения культуры Таганрога в период немецкой оккупации (осень 1941 – лето 1943 г.). С. 165.

Личность в истории

Несмотря на постепенно скудеющие фонды музея, к лету 1942 г. под руководством Базилевича помещение музея было приведено в определенный порядок, осуществлена реорганизация экспозиций, проведена проверка и регистрация фондов. Согласно указаниям, полученным от Ортскомендатуры и Бургомистерства города, подверглись серьезной проверке и чистке фонды картинной галереи, мемориальной комнаты императора Александра I и отдел старого Таганрога. При этом были уничтожены экспозиции, посвященные «Истории партии», «Социалистическому строительству» и «Истории СССР», практически полностью ликвидированы зоологический и рыбный подотделы. За восемь месяцев, к июню 1942 г., была проведена соответствующая работа в 10 залах, а также в вестибюле музея, осуществлено составление и оформление пояснительных записок к экспонатам на двух языках¹³.

Кроме этого работники музея продолжали вести активную исследовательскую и краеведческую работу. В.М. Базилевич ходатайствовал о предоставлении сотрудникам бесплатных абонементов для работы в городской библиотеке им. А.П. Чехова. Сам директор музея при поддержке оккупационных властей попытался реализовать свой личный научный замысел, над которым он начал работать еще в предвоенные годы, связанный с созданием «Путеводителя по г. Таганрогу и его окрестностям»¹⁴. Это было его детище, его мечта. Он с большим удовольствием разрабатывал проект титульного листа и план будущего издания. «Путеводитель» должен был состоять из двух частей: постоянного значения и временного (справочного). Первая часть включала в себя описание города и его окрестностей: географическое положение, условия рельефа, геология местности, климат, растительность, зодчество, знаменитые уроженцы города, промышленная жизнь, культурная составляющая, санитарное состояние, курортные возможности. Исследования по этой части должны были осуществлять местные краеведческие силы города, а также планировалось привлечь ученых Ростовского университета. Вторая часть «Путеводителя» отводилась временной информации, включавшей в себя платные рекламные объявления. Издание планировалось осуществить на средства Бургомистерства, за счет размещения платной информации о местных и иных фирмах, планировалось даже участие иностранного капитала. Предусматривалась публикация на двух языках. Эта идея очень понравилась немецкому руководству и нашла с его стороны определенную поддержку. Базилевич получил карт-бланш в краеведческой работе¹⁵.

¹³ ТФ ГКУ РО «ГАРО». Ф. Р-531. Оп. 1. Д. 35. Л. 2.

¹⁴ Там же. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 6. Л. 72.

¹⁵ Зеленская Т.В. Учреждения культуры Таганрога в период немецкой оккупации (осень 1941 – лето 1943 г.). С. 164–165.

Личность в истории

Казалось бы, Василий Митрофанович полностью пошел на добровольный контакт с оккупантами. Он принимал участие во многих мероприятиях, связанных не только с функционированием самого музея, но и с деятельностью других организаций и учреждений оккупационных властей. Его публикации на исторические темы мы встречаем и на страницах местной оккупационной прессы, в частности, в газете «Новое слово». Местные архивы сохранили объемную переписку, которую вел директор музея с местным Бургомистерством и его структурами. Не все, однако, так однозначно.

Василий Митрофанович был глубоко интеллигентным и очень совестливым человеком. Он никогда не поступался своими принципами и выше всего на свете ставил такие моральные ценности, как долг и честь. За свою честь он даже вступал в конфликт с некоторыми работниками музея (вызывал одного из них на дуэль, что весьма показательно), не принимая их уничижительную для человека позицию преклонения перед властями. Пойти на определенное сотрудничество с оккупантами его вынудили те обязательства, которые он давал своим товарищам перед их эвакуацией из города, а также долг ученого, стремившегося сохранить наследие предков, бережно собранное в музейных фондах. Именно в этом и заключалась ошибка большого ученого, старого русского интеллигента, не распознавшего изначально истинных намерений фашистов, использовавших его знания и опыт в собственных интересах. Осознав пагубность своих соглашательских взглядов, Базилевич перешел к скрытому противостоянию оккупационным властям. Однако этот неравный бой он проиграл.

Все началось еще в марте 1942 г., когда В.М. Базилевич был вызван сначала в «СС-10А», а затем в политический отдел полиции, для дачи разъяснения по поводу своей статьи в «Таганрогской правде» от 6 августа 1941 г., посвященной 245-й годовщине образования города.

Повторно вопрос о статьях возник уже в связи с конфликтом между Василием Митрофановичем и начальником отдела личного состава Бургомистрата Свешниковым. В его основе лежало упорное нежелание директора музея принимать на работу фольксдойче Е.Н. Эндеку, являвшуюся протеей Свешникова. Вот как об этом конфликте говорил сам Базилевич: «В беседе со мной г-н Свешников заявил, что "лишил меня права выбора кандидата". Когда же я

Повестка на имя В.М. Базилевича
(ТФ ГКУ РО «ГАРО». Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 72. Л. 51)

получил подтверждение этого права от Советника Бургомистерства доктора Дича, г-н Свешников дал понять, что дело примет неприятный для меня оборот. Кстати, в последние дни в отделе личного состава со мной снова беседовали о моих статьях, намекая этим, что они послужат аргументом против меня, если я ослушаюсь Свешникова»¹⁶. Результатом данного противостояния стало понижение Базилевича в должности – с директора в рядовые сотрудники, что и было оформлено 11 июня 1942 г. Дальнейшая его судьба сложилась еще более трагично. По имеющимся данным, в конце ноября 1942 г. он был арестован и расстрелян за попытку скрыть от немецких грабителей некоторые редчайшие экспонаты музея.

Василий Митрофанович Базилевич был не одинок в своем противостоянии врагу. Например, значительная часть книжных фондов местных библиотек была сохранена благодаря отваге, проявленной простыми библиотекарями, прятавшими книги, подлежащие уничтожению, у себя дома или у читателей. Настоящий героизм проявили таганрогские библиотекари Горелова и Андреева, сохранившие в архивах городской библиотеки советские журналы и ряд политических изданий. В патриотическом порыве женщины пошли практически на безумный шаг. Им удалось спасти портреты советских руководителей, включив их в фотомонтаж о творчестве русского писателя Н.Г. Чернышевского¹⁷.

Судьба простого русского ученого, историка и краеведа Василия Митрофановича Базилевича оказалась вплетена в общую историю российского народа и всей России, которому пришлось в первой половине XX века пережить не только невообразимую трагедию крушения Великой империи, но и крайне мучительное становление новой советской государственности. Гражданская война, период нэпа, годы репрессий, страшная война 1941–1945 гг. В пучине этих перемен и событий исчезали миллионы людей, целые социальные общности, что уж тут говорить о судьбе отдельно взятого человека.

¹⁶ ТФ ГКУ РО «ГАРО». Ф. Р-532. Оп. 1. Д. 72. Л. 10.

¹⁷ Там же. Ф. Р-513. Оп. 1. Д. 6. Л. 84.

Мерзляков Михаил Петрович

Раздорский этнографический музей-заповедник

«КРАСНЫЙ КАЗАК» ПЕТР АЛЕКСЕЕВИЧ ЧЕРНОВ: СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Петр Алексеевич Чернов – незаурядная личность, которую можно рассматривать с позиций феномена «красного казачества».

Изначально его мировоззрение складывалось под воздействием культурно-ценностных доминант традиционной казачьей среды. Родился он в станице Урюпинской 20 февраля 1898 г., в старинной казачьей семье. У него было два младших брата (Владимир и Николай) и глухонемая сестра Пульхерия. Мать Петра Алексеевича была из семьи Горшковых¹. Сергей Ильич Горшков – легендарный красный командир 5-го гвардейского Донского казачьего кавалерийского корпуса – являлся ее родственником.

Детство и юность Петра протекали в сложных социально-экономических условиях, сложившихся на Дону к концу XIX – началу XX в.

«Служба за свой счет» разоряла казачьи хозяйства. Казаки не выдерживали

Слева направо: А. Чернов (отец), В.А. Чернов,
Н.А. Чернов, П.А. Чернов

¹ Респондент Л.М. Калмыкова, 1955 г. р. Интервьюер: М.П. Мерзляков. Место проведения: станица Мелиховская Усть-Донецкого района Ростовской области, дом респондента. Продолжительность 40 мин. Запись 26 января 2016 г. (далее – Респондент Л.М. Калмыкова...).

Личность в истории

конкуренции с иногородними, что естественным образом приводило к росту ксенофобии, формированию негативного отношения к новым экономическим реалиям. Впоследствии в годы эмиграции один из идеологов казаков-националистов Ш.Н. Балинов охарактеризует процесс урбанизации Войска Донского как «денационализацию казачества»: «...Ростов, Нахичевань, Таганрог, имеющие огромное экономическое значение, остаются городами неказачьими. В этих городах, т.е. в руках чужеродных элементов, была сосредоточена вся экономическая, торговая, промышленная жизнь края»². В 1897 г. правительственная комиссия пришла к выводу, что только 21 % казачьего населения находится в экономических условиях, достаточно благоприятных для выполнения воинской повинности. Выводы последующих комиссий были столь же неутешительны³. Как констатирует С.М. Маркедонов, императоры заботились лишь о дешевой военной силе, оказывая донцам медвежью услугу. Курс государства сводился к принципу «не трогать славное Войско Донское» и был поддержан консервативными элементами в самом казачестве. Но развитие новых экономических отношений вносило в него коррективы. Казачество стремительно размывалось, утрачивало социальную монолитность. Появился слой «Мишек Кошевых» – люмпенизированных казаков, наметился отток (хотя пока и незначительный) части казаков в города, а в среде самих казаков замечалось неприятие постоянных общинных переделов, стремление к полноценной собственности⁴.

Семья Черновых не была зажиточной, поэтому старшего сына решили пристроить к ремесленному делу и отдали учиться в Урюпинскую оружейную мастерскую. Данная мастерская являлась образцовой, здесь молодой казак получил хорошее профессиональное образование. Появление подобных мастерских на Дону было обусловлено стремлением правительства каким-то образом поддержать обедневшее казачество.

После окончания училища Петр Алексеевич работал кузнецом до 1913 г. С этим этапом связана его определенная пролетаризация, сыгравшая важную роль в его последующей «советизации». Следует отметить, что в партийной анкете Чернова всегда соседствовали две социальные составляющие: «из казаков, кузнец», последняя выступала связующим звеном с рабочим классом.

² Балинов Ш.Н. О судьбах казачества // Вольное казачество – Вильне козацтво. 1929. № 38. С. 9.

³ Маркедонов С.М. Государевы слуги или бунтари-разрушители? (К вопросу о политических отношениях донского казачества и Российского государства) // Этносы: сайт. URL: [http://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43869924560/Gosudarevyi-slugi-ili-buntari-razrushiteli-\(k-voprosu-o-politich](http://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43869924560/Gosudarevyi-slugi-ili-buntari-razrushiteli-(k-voprosu-o-politich) (дата обращения: 24.02.2016).

⁴ Там же.

Личность в истории

П.А. Чернов. 1914 г.

В 1913 г. Чернова призвали в армию в 14-й полк нестроевым 3 разряда в оружейную мастерскую, в котором он и прослужил до 1917 г.

Именно в период Первой мировой войны в умах казаков сформировалась идея о самодостаточности Дона и казачества. Появились историко-мифотворческие труды, возводящие истоки казаков к эпохе античности, противопоставляющие Дон и Россию. Отрицательное отношение к государству подпитывали не только колоссальные военные потери, но и социально-экономические проблемы – следствие политического курса, требовавшего «не трогать славное Войско». К началу 1917 г. 9 % казачьих хозяйств вообще не имели скота, 16 % остались без скота для полевых работ, 26 % – без инвентаря⁵. Все казачество жаждало перемен, хотя пути их достижения виделись разными, подчас диаметрально противоположными. Нежелание государства принципиально решать

«казачий вопрос» привело к тому, что в феврале 1917 г. подавляющее большинство казаков если не положительно, то нейтрально отнеслось к свержению монархии и отречению последнего российского императора⁶.

Февральская революция, начавшая крушение империи, способствовала изменению социального и политического статуса донского казачества. Она окончательно изменила и его отношения с государственной властью. Весной 1917 г. Донской войсковой круг издал постановление «О воинской повинности казаков в мирное время», которое давало им право отбывать воинскую повинность на «общих для Российского государства основаниях, снаряжаясь, однако, на военную службу за счет Войска»⁷. Именно февральский дух привел к возрождению в новых условиях Войскового круга и староказачьего права: «с Дону выдачи нет». Тем не менее, ни Временное правительство, ни новые демократические казачьи органы власти,

⁵ Казачий Дон. Очерки истории. Ростов н/Д, 1995. Ч. 1. С. 111.

⁶ Маркедонов С.М. Указ. соч. URL: [http://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43869924560/Gosudarevyyi-slugi-ili-buntari-razrushiteli-\(k-voprosu-o-politich](http://s30556663155.mirtesen.ru/blog/43869924560/Gosudarevyyi-slugi-ili-buntari-razrushiteli-(k-voprosu-o-politich) (дата обращения: 24.02.2016).

⁷ Там же.

начавшие «бегство от империи», не обеспечили казакам «мира по телеграфу». Его дали казакам большевики, приобретя себе тем самым немало сторонников в казачьей среде.

Петр Алексеевич без сомнений и колебаний принял октябрьские события 1917 г. «...В нашем 14-м казачьем полку была объявлена тревога. В полном боевом [порядке] полк привели в Зимний дворец, где заседало Временное правительство. Офицеров вызвали в Зимний, а солдаты остались на площади у дворца. Немного постояв, мы собрали полковой комитет и решили уехать в казармы. В казармах мы выбрали новых командиров. В эту же ночь Зимний был взят...»⁸ Чернов вошел в состав полкового комитета, а в 1918 г. он возглавил первый революционный Хоперский казачий полк.

На путь сотрудничества с новой властью встал и его младший брат Владимир, принявший активное участие в борьбе с белоказаками. После Гражданской войны В.А. Чернов сделал успешную партийную карьеру, работал в министерстве иностранных дел и выполнял функции секретаря партийной ячейки Кремля. Был лично знаком с видными партийными деятелями и, как любили поговаривать в приватной семейной среде, «сам И.В. Сталин платил взносы и жал ручку»⁹.

Самый младший из братьев Николай попытался сохранить нейтралитет, выбрав стезю учительства. Но молох гражданской войны был беспощаден. За выступление братьев на стороне большевиков Николай был насмерть запорот белоказаками. Матери и сестре удалось избежать расправы¹⁰.

На тропях гражданской войны встретил П.А. Чернов свою судьбу и боевую подругу – Т.И. Цыбанову. В семье Черновых существовала легенда, повествующая о том, что «когда Татьяна Ивановна пришла к тетке, спасаясь от обстрелов родного села, там ее увидел ее земляк из станицы Михайловской Михаил, являющийся ординарцем Петра Алексеевича. Женщина стала просить его о помощи и ночлеге, но тот отказал ей, мотивируя тем, что в хате полно казаков. Она упросила позвать командира. Увидев его, Татьяна Ивановна обмерла, накануне, во время святочных гаданий на суженого, в блюдце с водой ей представился именно образ стоявшего перед ней Петра»¹¹. П.А. Чернов и Т.И. Цыбанова поженились 5 августа 1918 г.¹² С этого времени Татьяна Иванова стала его верной спутницей, вместе с мужем она мчалась в тачанке по фронтам гражданской войны. В ней были воплощены лучшие черты женщины-казачки: верность и преданность, терпение, гордость, трудолюбие.

⁸ Великие перемены // Советский Дон. [Станица Раздорская], 1957. 7 ноября.

⁹ Респондент Л.М. Калмыкова...

¹⁰ Там же.

¹¹ Там же.

¹² Свидетельство о браке, серия ШК № 074232 // Личный архив семьи Черновых.

Личность в истории

В 1919 г. как молодой командир Петр Алексеевич был отозван на учебу в академию Генерального штаба РККА. Примечательно, что обучение он проходил вместе В.И. Чапаевым¹³. Для проживания ему с супругой, поступившей в Московский университет, был определен номер в гостинице Метрополь¹⁴.

В 1920 г. Чернов вступил в ряды ВКП(б) и после перехода г. Ростова-на-Дону под власть советов был командирован Всероссийским главным штабом для формирования Областного военкомата¹⁵. К этому времени он был уже опытным боевым офицером, получившим профессиональное военное образование, отличившимся на фронтах гражданской войны. По прибытии Петра Алексеевича назначили председателем областной комиссии по борьбе с бандитизмом и дезертирством. В 1921 г. его перевели в г. Новочеркасск на должность первого военного комиссара. Затем он был командирован в Морозовский округ. Здесь, занимая должность окружного военного комиссара, он также руководил работой Чрезвычайной тройки по борьбе с бандитизмом. В 1925 г. произошло слияние Морозовского и Шахтинского округов, во главе нового образования поставили П.А. Чернова. В 1927 г. он был демобилизован из армии. С этого времени по 1938 г. Петр Алексеевич сменил ряд ответственных и разноплановых должностей, среди них: начальник первого отдела милиции в г. Краснодаре, заместитель директора молочно-мясного треста «Скотовод» в г. Ростове-на-Дону и др.¹⁶

Важнейшим элементом традиционной казачьей культуры как некоего состязательного пространства, в котором формировался казак-воин, выступал конь. Конь для казака – это не средство передвижения, он символ определенного образа мысли и обрядовых традиций. Нередко встречаются письма, когда казак сначала пишет о коне, а потом о себе. Через все перипетии советского рассказывания и адаптации к жизненному укладу нового строя пронес Петр Алексеевич трепетное и в какой-то степени мифологическое отношение казачества к лошадям. По воспоминаниям станичников у него был любимый конь Инорез. Черкесы давали за него трех (шапку. – М.М.) золотых червонцев. Петр Алексеевич его не продал, и когда Инорез заболел, очень переживал, лично отпаивал коня отваром из овса и отправил его лечить в г. Ростов¹⁷. Чернов не прочь был продемонстрировать казачью удаль на бегах. Сохранился один из кубков, полученный им на скачках, который сейчас выставлен в залах Раздорского этнографического музея-заповедника. Его

¹³ Автобиография П.А. Чернова // Личный архив семьи Черновых.

¹⁴ Респондент Л.М. Калмыкова...

¹⁵ Центр документации новейшей истории Ростовской области (далее – ЦДНИРО). Ф. 7. Оп. 1. Д. 713. Л. 67.

¹⁶ Автобиография П.А. Чернова.

¹⁷ Респондент В.В. Каргин, 1946 г. р. Интервьюер: М.П. Мерзляков. Место проведения: г. Ростов-на-Дону, дом респондента. Продолжительность 50 мин. Запись 15 марта 2016 г.

дочери не раз бывали в Ростове на ипподроме¹⁸. Скачки и бега на советском Дону явились для казачества легитимной состязательной практикой.

В условиях колхозного строительства у Петра Алексеевича периодически проявлялись черты казачьего образа жизни: забота об укреплении личного хозяйства. В 1923 г. он вступил в коневодческое корпоративное товарищество и какое-то время являлся его председателем. Эта его деятельность была подвергнута порицанию со стороны краевых партийных органов¹⁹. Пожалуй, это пример, когда личные потребности казака Чернова вступили в противоречие с его советизированным общественно-политическим статусом.

В 1938 г. Петра Алексеевича назначают директором племхоза «Придонский», куда он и переехал с женой и двумя дочерьми. Именно в этом году совхоз из молочно-мясного направления перевели в разряд племенных хозяйств по разведению крупного рогатого скота красной степной породы и свиней крупной белой породы. Было создано стадо коров в 400 голов. В совхозе под руководством Чернова развернулось крупное строительство не только коровников, свиноводческих ферм, конюшен, но и жилых домов. Расширялись площади под посевы сельскохозяйственных культур, росло поголовье скота, увеличивалась его продуктивность²⁰.

Начавшаяся Великая Отечественная война вторглась в уже сложившуюся размеренную, оседлую жизнь семьи, принесла невероятные тяготы, лишения, потери. В 1941 г. Чернов был призван Шахтинским городским военкоматом в ряды Рабоче-крестьянской красной армии и назначен комиссаром эвакуационного госпиталя²¹. К лету 1942 г., в условиях стремительного продвижения немецко-фашистских войск на Кавказ, областные партийные органы принимают решение поручить ему, как бывшему председателю совхоза Придонский, стратегически важное дело – эвакуацию ценного племенного стада совхоза.

Наступление немцев значительно осложняло вывод стада с обозом в тыловые районы. По словам очевидцев, «скот гнали огромной массой, налетающие Юнкерсы его уничтожали в огромном количестве. На спуске к переправе в оврагах и балках были расстреляны сотни голов скота. Так был уничтожен Евсеевский, Нижнекундрюченский, Апаринский скот....»²² Однако стадо Придонского Петру

¹⁸ Респондент Л.М. Калмыкова...

¹⁹ ЦДНИРО. Ф. 7. Оп. 1. Д. 713. Л. 67.

²⁰ Официальный сайт МУК МЦБ Октябрьского района. URL: <http://lib-kamenolomni.ru/> (дата обращения: 04.03.2016 г.).

²¹ Военный билет П.А. Чернова // Личный архив семьи Черновых.

²² Респондент В.Н. Серпионов, 1936 г. р. Интервьюер: М.П. Мерзляков. Место проведения: станица Мелиховская Усть-Донецкого района Ростовской области, дом респондента. Продолжительность 40 мин. Запись 20 мая 2014 г.

Личность в истории

Алексеевичу удалось спасти и перегнать в Азербайджанскую ССР. В ходе эвакуации проявились лучшие черты Чернова: чувство долга, идея жертвенности во имя общих интересов, хозяйственная казачья распорядительность, выручавшая его не раз в хозяйственной деятельности.

Семья Чернова вынуждена была, однако, остаться в немецко-фашистской оккупации. «...Немцы... обратили внимание на хороший, добротный дом Черновых... идеальную чистоту. Понравился им и казачий уклад жизни. Немецкие офицеры слушали патефон и при звучании русских народных песен говорили: "Кольхоз, кольхоз". Немецкий солдат принес портрет фюрера и повесил его со словами: "Гитлер и Сталин не карошо, война плохо". Затем показал фото женщины и двух девочек. Немцы, заходя после этого в дом, произносили: "Хайль Гитлер!" и уходили. Портрет Гитлера на какое-то время защищал семью от посягательств фашистов. После там поселились офицеры вермахта... Татьяна Ивановна Чернова доила корову под контролем автоматчика и, наливая молоко в кувшин, всегда давала тому первую кружку...»²³

Т.И. Чернова. 1930-е гг.

В оккупированной местности обнажились людские характеры. Здесь каждый поступал согласно своим нравственным устоям. «...Осенью 1942 г. в дом Черновых ворвались полицаи и стали выносить имущество. Фактически это был грабёж со стороны окружного агронома Рудольфа Вагнера... Изъятие имущества – скудных запасов продуктов питания – обрекало семью Черновых на голодную смерть... Оставшись с дочерьми без средств к существованию, Т.И. Чернова заболела тифом. Ее старшая дочь Розочка, не дожив до 10 лет, умерла в холодную зиму 1943 г., младшая, 7-летняя Светлана, выхаживала мать. Единственным блюдом их рациона питания в этот период был суп "кондёр" из мерзлой картошки. Вареную картошку толкли и заливали той же водой с луком...»²⁴

²³ Респондент А.С. Андрианова, 1935 г. р. Интервьюер: М.П. Мерзляков. Место проведения: станица Мелиховская Усть-Донецкого района Ростовской области, дом респондента. Продолжительность 60 мин. Запись 28 мая 2014 г. (далее – Респондент А.С. Андрианова...).

²⁴ Там же.

Личность в истории

Не отчаяться и просто выжить семье Черновых помогли соседи – милосердные, добрые в своих душевных порывах. Большинство жителей хутора Придонского в период оккупации работали в организованном оккупантами государственном имении, на крупно- и просорушках, обмолачивали ячмень, пшеницу, при этом «...старались работать в сапогах в любую погоду, так как легче было унести зерно...»²⁵ Однако Т.И. Чернова, как жена красного командира, работать не имела возможности, и «...женщины делились крохами с семьей Черновых... зерно толкли и делали лепешки...»²⁶ Человеческое отношение земляков, помощь продуктами спасли

мать и дочь.

П.А. Чернов. 1940-е гг.

В 1943 г. после освобождения Ростовской области П.А. Чернов, организовав реэвакуацию племенного стада совхоза Придонского, возвращается домой. И здесь обращает на себя внимание еще одна из коллизий его судьбы, связанная с чертами казачьего индивидуализма, проявляющегося тогда, когда дело касалось личного имущества, соперничества с соседями и защиты интересов семьи. Узнав о разорении семейного хозяйства и «конфискации имущества», которое было вывезено агрономом Рудольфом Вагнером, успевшим жениться на уроженке г. Таганрога Зинаиде Луценко, к ее родителям, Чернов предпринял частное расследование с целью возвращения «нажитого». Он отправился в г. Таганрог и посетил дом Луценко через военкомат под видом офицера, ставшего на постой. Там и обнаружил свои вещи (кресло, швейную машинку Зингер, мужское кожаное пальто, скатерть, шарф шерстяной, шаль

шерстяную женскую). Эти предметы при содействии начальника I Отдела милиции были изъяты. Возвращать остальное Луценко наотрез отказались²⁷.

Для защиты своих имущественных интересов Чернов попытался прибегнуть к помощи судебных органов г. Таганрога. Обращает на себя внимание и парадоксальность самого судебного иска советского функционера по отношению

²⁵ Респондент А.С. Андрианова...

²⁶ Там же.

²⁷ Респондент Л.М. Калмыкова...

фактически к коллаборационистам, и ход разбирательства тяжбы в советском суде освобожденного города. Суд Ленинского района г. Таганрога в иске Чернову отказал на том основании, что обнаруженные у ответчиков вещи найдены в комнате, где проживал немец, и местные жители тут ни при чем²⁸. Тогда Петр Алексеевич подал кассационную жалобу. Прежнее решение было отменено, а рассмотрение передано в народный суд Октябрьского района г. Шахты, где проживала раньше Зинаида Луценко (Вагнер).

Итогом судебного заседания стала мировая сделка. Истец П.А. Чернов и ответчики Е.П. Луценко, М.Е. Петрова 18 декабря 1944 г. окончили тяжбу миром. Семья Луценко в возмещение ущерба, причиненного Чернову во время фашистской оккупации, обязалась вместо исковой суммы в 360 790 руб. передать Чернову 100 тыс. руб. наличными, а также 5 ульев с пчелами и 5 порожних ульев, а еще 5 кг вошины. При этом деньги выплачивались равными долями по 50 тыс. руб. к 20 января и 20 февраля 1945 г. Ульи же оставались у Луценко до 1 января 1945 г.²⁹ Подобный относительно благополучный исход дела, впрочем, совсем не типичен для условий военного времени. Большинство жителей оккупированных советских областей, ограбленные захватчиками, своего имущества больше нигде и никогда не увидели.

С 1949 по 1954 г. Чернов занимал пост директора Раздорского виноградо-винодельческого совхоза. В 1955 г. он получает статус персонального пенсионера и выходит на пенсию. Умер Петр Алексеевич в возрасте 70 лет 26 февраля 1959 г.

П.А. Чернов, как и основная масса «красных казаков», не был глубоко идейным революционером. Скорее его можно отнести к той части казаков-фронтовиков, которая хотя де-факто и выступила в ходе начавшегося в стране революционного катаклизма на стороне большевиков, полностью, однако, с ними не солидаризировалась ни идейно, ни организационно. Перейдя на сторону красных, они не переставали ощущать себя казаками. Советская политика «расказачивания», как наглядно свидетельствует жизнь Чернова, не привела к полному исчезновению складывающегося тысячелетиями казачьего мировоззрения, жизненного уклада, норм поведения. Отдельные черты казачьей самобытности, иногда вступающие в противоречия с системой социалистических ценностей, периодически проявляли себя, несмотря на их размывание и трансформацию в ходе процессов советизации казачества.

²⁸ Письмо Петренко из г. Таганрога П.А. Чернову в совхоз Придонский, 25 января 1944 г. // Личный архив семьи Черновых.

²⁹ Мировая сделка между Луценко Ефимом, Петровой Марией и Черновым Петром, 18 декабря 1944 г. // Там же.

Хакимов Рашид Шавкатович

*кандидат исторических наук
Челябинский государственный университет*

СССР: СТРАНА ОТЛОЖЕННОГО СПРОСА

История советского общества, как некий феномен, как некая ушедшая огромная Атлантида требует глубокого и всестороннего изучения. Что это общество представляло собой в реальности? Каковы его особенности? Почему произошел его крах? Это лишь малая часть вопросов, не имеющих однозначных ответов. Их поиск заставляет обратить внимание на одну характерную черту, прослеживаемую на протяжении всей советской истории, – взгляд, постоянно устремленный вдаль, в завтрашний день, который, вне всякого сомнения, будет прекрасным. Общепринятыми были постулаты: «мировая революция близка» и «коммунизм – это светлое будущее». Причем утверждалось, что такое будущее предопределено не только нашей стране, но и всему человечеству: «другого нет у нас пути, в коммуне остановка».

Огромная идеологическая машина формировала мессианское сознание народа, уже переходившее от мирового к межпланетарному. Только два примера: коммунист Нагульнов в романе М.А. Шолохова «Поднятая целина» (1932 г.) изучает английский язык, чтобы передавать свой революционный опыт в будущей советской Англии, а инженер Лось в романе А.Н. Толстого «Аэлита» (1923 г.) летит на Марс и устраивает там восстание.

Постоянно насаждался тезис: «нам выпало счастье строить коммунизм». Давались громкие обещания, принимались великие планы (ленинский «план ГОЭРЛО», «сталинский план преобразования природы», хрущевская «программа построения коммунизма»). Жили не настоящим, а будущим. Не случайно в СССР были весьма распространены «письма в будущее», когда закладывали послания потомкам, которые, как предполагалось, будут жить уже в коммунистическом обществе. Эти письма писали пионеры и школьники, комсомольцы, студенты и строители. Письма закладывались в капсулы и замуровывались в обелиски, в

Дискуссионная трибуна

основания памятников. Адресатами были жители СССР 1980, 2000, 2017, 2050 гг. и т. д.

Наблюдалась и иная особенность – устремленность на решение проблем других стран, других народов. Главенствовали понятия «мировая революция», «пролетарский интернационализм», «наш интернациональный долг», «бескорыстная братская помощь». Советское государство в течение всего периода своего существования значительные средства выделяло сначала на разжигание мировой революции, поддержку иностранных компартий и Коминтерна, затем на продвижение идей социализма в другие страны, на военную и экономическую помощь странам социалистического лагеря, а также слаборазвитым странам Азии, Африки и Латинской Америки. Советский Союз нес основное бремя военных расходов социалистических стран, обеспечивал топливно-энергетическими ресурсами страны СЭВ по льготным, заниженным ценам (газопровод «Союз», нефтепровод «Дружба», энергосистема «Мир»)¹. Реальные же проблемы настоящего собственной страны затушевывались и отодвигались.

Государственной системой идеологической обработки населения (общественные организации, СМИ, литература и искусство) внедрялось в сознание людей, что надо потерпеть, надо преодолеть трудности для будущей счастливой жизни. Это хорошо передано писателем С. Алексиевич в ее книге-исследовании жизни в бывшем СССР словами одной из опрашиваемых: «Подожди-потерпи, да подожди – потерпи. Всю жизнь по казармам, по общежитиям, по баракам... Так и жизнь прошла»². В советском обществе постоянно преобладали настроения, которые можно назвать настроениями «отложенного спроса»: «лишь бы наши дети хорошо жили», «лишь бы не было войны». Человеческая жизнь теряла свою самоценность и выступала лишь как некий расходный материал в борьбе за построение лучшего общества в отдаленном будущем.

В октябре 1920 г. В.И. Ленин, выступая на III съезде комсомола, говорил о поколении, «которому теперь 15 лет и которое через 10–20 лет будет жить при коммунизме», призвав молодежь «смотреть на каждый свой шаг» именно с точки зрения успеха социалистического строительства³. В резолюции XVIII съезда ВКП (б) (1939 год) указывалось: «...Теперь мы можем и должны практически поставить и осуществить решение основной экономической задачи СССР: догнать и перегнать также в экономическом отношении наиболее развитые капиталистические страны

¹ СССР на 70 % и более удовлетворял потребности стран СЭВ, Кубы, а также в значительной мере – ДРВ и КНДР в импорте важнейших видов сырья и топлива. (XXIV съезд Коммунистической партии Советского Союза, 30 марта – 9 апреля 1971 года. Стенографический отчет. М., 1971. Т. 1. С. 31).

² Алексиевич С. Время second-hand. Конец красного человека // Дружба народов. 2013. № 8. С. 13.

³ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 318.

Дискуссионная трибуна

Европы и Соединенные Штаты Америки, окончательно решить эту задачу в течение ближайшего периода времени»⁴. 22 мая 1957 г. в Ленинграде партийный лидер Н.С. Хрущев вновь поставил задачу: «догнать и перегнать Америку по производству хлеба, мяса и молока на душу населения страны»⁵.

Не достигнув намеченных плановых рубежей, руководство страны постоянно выдвигало новые планы, определяло очередные горизонты. На XXII съезде КПСС, в принятой новой Программе КПСС был конкретно указан срок завершения строительства коммунистического общества в СССР – 1980-й год. Официально с трибуны съезда Хрущевым было провозглашено: «Нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме»⁶. Обещалось, что к концу 1965 г. не будет никаких налогов с населения, в 1970 г. в СССР будет самый короткий рабочий день, не более 35 часов в неделю. А в 1980 г. планировалось достичь такого уровня развития экономики, который даст возможность осуществить принцип распределения благ по потребностям.

О том, насколько страна была не подготовлена к выполнению данной задачи, можно судить лишь по одному показателю – уровню образования населения. К концу 1930-х годов был достигнут уровень грамотности населения свыше 80 %. Признавалось, что ликвидация массовой неграмотности в СССР была завершена после Великой Отечественной войны. В реальности процесс затянулся. 27 августа 1962 г. выходит постановление бюро ЦК КПСС по РСФСР и Совета Министров РСФСР «О завершении ликвидации неграмотности и малограмотности в РСФСР». Постановление, однако, не было выполнено. Например, в отчете о выполнении постановления 1962 г. в промышленно развитой Кемеровской области говорилось: «На 1 июля 1964 г. по городам и селам оставалось 725 неграмотных в возрасте от 16 до 49 лет. В текущем году завершена ликвидация неграмотности рабочих на предприятиях химической, металлургической и энергетической промышленности. На 1 июля 1965 г. по области осталось 398 неграмотных и 4 155 малограмотных. Обком КПСС, партийные, профсоюзные, комсомольские организации городов и районов принимают меры, чтобы закончить обучение оставшихся неграмотных в течение 1965 года»⁷. Удельный вес лиц с образованием ниже законченного начального (в том числе и лиц без образования) составлял среди населения СССР в возрасте 10 лет и старше в 1959 г. – 32,9 %, в 1970 г. – 22,4 %, в 1979 г. – 11,3 %⁸.

⁴ XVIII съезд Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Стенографический отчет. М., 1939. С. 651.

⁵ Правда. 1957. 22 мая.

⁶ XXII съезд Коммунистической партии Советского Союза, 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчет. М., 1962. Т. 1. С. 257.

⁷ «На 1 июля 1965 г. по области осталось 398 неграмотных» // Коммерсантъ Власть. 2012. № 5. С. 15.

⁸ Российская педагогическая энциклопедия. М., 1993. Т. 1. С. 232.

Дискуссионная трибуна

Как показало время, задача построения коммунистического общества была абсолютно нереалистичной, вызывая корректировку сроков наступления «светлого будущего». Коммунизм, как линия горизонта, постоянно отодвигался. Не случайно в советской пропаганде использовались словосочетания: «горизонт коммунизма близок», «коммунистические горизонты». Тогда же появился анекдот: «Что такое коммунизм? Это горизонт, воображаемая линия, к которому ты идешь, а она постоянно отодвигается». В итоге руководство КПСС вынуждено было признать, что до коммунизма еще очень далеко, и выдвинуло новое теоретическое положение о том, что в СССР строится развитый социализм и этот процесс будет достаточно длительным⁹.

Одновременно в экономике страны продолжали нарастать кризисные явления. Как отмечали исследователи: «Почти во все периоды потребление материальных ресурсов и основных производственных фондов увеличивалось быстрее, чем национальный доход. С 1928 по 1985 г. материалоемкость общественного продукта возросла в 1,9 раза, фондоотдача снизилась примерно на 30 %»¹⁰. Не была достигнута даже продовольственная обеспеченность населения страны. 24 мая 1982 г. на пленуме ЦК КПСС была принята Продовольственная программа СССР до 1990 г. Но основные показатели ее также не были реализованы. В 1985 г. импорт зерна в СССР достиг 44,8 млн т, или 20 % от внутреннего потребления, мяса 857 тыс. т, или 7,5 % от внутреннего потребления. В 1980 г. эти показатели составляли соответственно – 27,8 млн т и 14 %, 821 тыс. т и 8,3 %¹¹. Сельское хозяйство СССР продолжало оставаться низкоэффективным. Тонна зерна, закупленного в США, обходилась в два раза дешевле, чем тонна зерна, произведенного в СССР¹².

В начале 1986 г. новый лидер страны М.С. Горбачев объявил о том, что к 2000 г. каждая семья будет жить в отдельном доме или квартире. Прошло тридцать лет, а программа осталась на бумаге. Даже по истечении этого времени в постсоветской России уровень и качество жизни населения пока остается низким. К примеру, газификация регионов России природным газом составляет лишь 64,4 %, в том числе

⁹ Брежнев Л.И. О проекте Конституции (Основного закона) Союза Советских Социалистических Республик и итогах его всенародного обсуждения. Доклад на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва, 4 октября 1977 г. // Брежнев Л.И. Ленинским курсом. М., 1978. Т. 6. С. 536–537.

¹⁰ Ханин Г., Селюнин В. Лукавая цифра // Новый мир. 1987. № 2. С. 193.

¹¹ Народное хозяйство СССР за 70 лет. Юбилейный статистический ежегодник. М., 1987. С. 643.

¹² Тимошина Т.М. Экономическая история России. 15-е изд., перераб. и доп. М., 2009 // Электронная библиотека А. Князева: сайт. URL: http://kniathev.info/books/economics/009-ekonomicheskaya_istoriya_rossii_timoshina/057-narastanie_krizisnyh_yavleniy_v_sovetskoy_ekonomike.html (дата обращения: 25.01.2016).

Дискуссионная трибуна

в сельских поселениях – 53,1 %¹³. Согласно сводке Росстата о положении России за 1992–2008 гг., площадь ветхого и аварийного жилья в течение 16 лет утроилась и достигла уже 99,5 млн кв. метров. По разным экспертным оценкам в ветхом и аварийном жилье проживает от 2 до 5 млн чел.¹⁴ Лишь 143 из 1098 городов России обеспечены канализацией на 95–100 %. В малых городах без канализации живет около половины населения, в средних городах (50–100 тыс. жителей) канализацию не имеют жители 21 % жилого фонда, а 10 % лишены ее даже в городах-миллионниках¹⁵.

В СССР с каждым годом рос неудовлетворенный спрос на товары и услуги. В закрытом докладе комиссии академика В.А. Кириллина правительству в 1979 г. говорилось: «Трудно найти такую товарную группу, на товары которой спрос удовлетворялся бы полностью. ...По ориентировочным данным, в 1970 году 20 %, а в 1978 году – уже 53 % прироста сбережений образовалось в результате неудовлетворенного спроса». А по подсчетам ленинградского математика и экономиста Е.Я. Крола, неудовлетворенный спрос в 1980 г. составил уже 75 %¹⁶.

В экономике есть понятие отложенный спрос – это неудовлетворенный спрос, обеспеченный свободными денежными средствами при отсутствии товара. Применительно к СССР можно говорить о сочетании отложенного спроса с неудовлетворенным спросом на лучшую жизнь в течение многих десятилетий при фактическом отсутствии условий для его удовлетворения.

Советская цивилизация являлась цивилизацией ожидания: ожидание лучшей жизни, ожидание светлого будущего. Это исходило из коммунистической теории о строительстве нового общественного строя. Впервые в истории человечества коммунистическая партия поставила программной задачей осознанное и целенаправленное строительство коммунистического общества в одной стране (Советская Россия – СССР). Не случайно в советском обществе одними из самых распространенных понятий были: «строитель нового общества», «строитель социализма-коммунизма», «развернутое строительство», «прорабы перестройки», «стройки коммунизма», «первостроитель». А раз строим, значит необходимо время, чтобы добиться намеченного. Новое – это всегда неизведанное, связанное с трудностями, которые необходимо преодолевать. Ожидание и такое чисто советское явление как очередь, были характерными чертами повседневной жизни. Были

¹³ Российская газета. 2013. 9 сентября.

¹⁴ Независимая газета. 2010. 27 апреля.

¹⁵ *Нефедова Т.* Городская сельская Россия // Демоскоп Weekly. Электронная версия бюллетеня Население и общество. 2004. № 141–142. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2004/0141/tema01.php> (дата обращения: 26.05.2015).

¹⁶ «Тут не трубу, тут всю систему менять надо» [Электронный ресурс]. URL: http://www.e-reading.by/chapter.php/1008110/123/Vybiraya_svoyu_istoriyu.html (дата обращения: 1.12.2015).

Дискуссионная трибуна

многолетние очереди на получение квартиры, и даже покупку кооперативной квартиры (т. е. за свои деньги), на покупку автомашины, на установку телефона. Привычными были очереди в магазине, в парикмахерской, в кассе вокзала. Товарный дефицит в стране существовал практически всегда, и СССР можно было назвать страной перманентного дефицита.

Советские люди прежде всего отстаивали страну от врагов, затем восстанавливали, строили, затем, снова отстаивали, после отстраивали, снова строили, жили же во вторую очередь. Вновь обратимся к словам Ленина, сказанным в 1920 г.: «А то поколение, которому сейчас 15 лет, оно и увидит коммунистическое общество, и само будет строить это общество. И оно должно знать, что *вся задача его жизни есть строительство этого общества* (курсив мой. – Р.Х.)»¹⁷.

За более чем 70 лет существования СССР сложилась советская цивилизация с характерными признаками, отличающими ее от других типов цивилизаций, как, например, полное преобладание государственной собственности и практическое отсутствие частной собственности, закрытость общества, монополия одной партии и идеологии. К числу характерных отличий, на наш взгляд, также следует отнести и превалирование в обществе настроений ожидания лучшего будущего.

Подобное общество можно оценить как уникальное в мировой истории. В определенной мере – как общество с мессианской направленностью. Отложенный спрос и культивирование ожидания лучшей жизни в будущем позволяло партийно-государственной власти СССР длительное время поддерживать его в состоянии постоянной мобилизованности и решать задачу удержания власти, защиты государства, модернизации экономики. Но когда этот ресурсный потенциал ожидания был исчерпан и во времени и в объеме, власть столкнулась с системным кризисом. И во многом разочарование от несбывшегося будущего и привело к распаду советского государства.

¹⁷ Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 41. С. 318.

**САМАРА В 1914-1915 гг.
(Воспоминания А.Г. Елшина)**

Публикация подготовлена:

Фролова Кира Владимировна, кандидат исторических наук, Центральный государственный архив Самарской области,

Черкасова Маргарита Владимировна, кандидат исторических наук, Самарский государственный институт культуры

Александр Григорьевич Елшин (1878–1928) был одним из самых заметных деятелей в общественной жизни Самары в начале XX века.

Родился Елшин 9 сентября 1878 г. в Самаре, в семье коллежского советника Григория Тимофеевича Елшина и его жены Евгении Ивановны. Его крестными были самарский губернатор Петр Алексеевич Бильбасов и дочь Петра Владимировича Алабина – Мария¹. Семья Елшиных была причислена к самарскому дворянству 26 мая 1893 г.²

Александр Григорьевич окончил Петербургский университет и затем работал присяжным поверенным Самарского окружного суда. В 1904–1906 гг. он был соредактором газеты «Самарский курьер», в 1905 г. вошел в число учредителей Комитета общественной безопасности. Елшин являлся одним из создателей самарского отделения партии кадетов³, был председателем Самарского археологического общества⁴.

В годы Первой мировой войны Елшин был членом областного комитета Союза городов, заведовал госпиталем для раненых. Как депутат городской думы в 1917 г. Александр Григорьевич входил в комитет для заведования Александровской

¹ Центральный государственный архив Самарской области (далее – ЦГАСО). Ф. 32. Оп. 33. Д. 4. Л. 32 об.

² Там же. Ф. 430. Оп. 1. Д. 1912. Л. 64–65 об.

³ Там же. Ф. 352. Оп. 2. Д. 1.

⁴ Там же. Ф. 429. Оп. 1. Д. 10. Л. 2.

Свидетельства и документы

публичной библиотекой⁵. После Февральской революции 1917 года – член исполкома Комитета народной власти. Александр Григорьевич собрал большую книжную коллекцию, часть из которой хранится в настоящее время в Самарской областной библиотеке. В 1918 г. подготовил и издал «Самарскую хронологию» – хронологический справочник по истории Самарского края⁶. Осенью 1918 г. выехал в Иркутск. Умер 27 марта 1928 г.

В Центральном государственном архиве Самарской области хранится личный фонд А.Г. Елшина. Фонд поступил на хранение в 1926 г. В 1976 г. из Государственного архива Октябрьской революции, высших органов государственной власти и органов государственного управления СССР в Государственный архив Куйбышевской области были переданы 7 дел для присоединения к фонду А.Г. Елшина.

В составе фонда есть документы о профессиональной деятельности Елшина, собранные им материалы по истории Самары, документы, отражающие его политическую деятельность в качестве члена самарской организации партии кадетов, а также дневниковые записи и воспоминания. Именно к последнему виду документов можно отнести два дела из состава фонда. Одно из них представляет собой краткие записи о важных событиях из семейной, профессиональной и общественной жизни Александра Григорьевича, сделанные им приблизительно в 1911–1916 гг.⁷ Второе дело – это собственно воспоминания Елшина, которые предположительно были написаны им на основе кратких записей⁸. Первая часть воспоминаний, которая публикуется в настоящем издании, была написана Елшиным 29 апреля – 12 мая 1918 г. и посвящена его жизни во второй половине 1914 – первой половине 1915 г. Повествование обрывается на событиях начала лета 1915 г. Вторая часть посвящена событиям июня–июля 1918 г., когда Самара находилась под властью Комитета членов Всероссийского Учредительного собрания.

Воспоминания Елшина являются одним из немногочисленных источников личного происхождения о жизни Самары в самом начале Первой мировой войны. Ранее его воспоминания публиковались лишь частично⁹.

⁵ Лычева А.В. Книжное собрание А.Г. Елшина // Библиосфера. 63: Информационный бюллетень для специалистов муниципальных и государственных библиотек. Самара, 2015. Вып. 16. С. 210–211.

⁶ Елшин А.Г. Самарская хронология. Самара, 1918.

⁷ ЦГАСО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 2.

⁸ Там же. Ф. 352. Оп. 3. Д. 3.

⁹ См.: Зубова О.В., Калягин А.В. «По чьему-то великому и преступному недомыслию...» (Турецкие военнопленные в Самаре, 1915 год) // XX век и Россия: общество, реформы, революции: электрон. сб. Самара, 2015. Вып. 3. С. 131–132. URL: <http://sbornik.libsmr.ru/sbornik.html?cid=12>; Самарская губерния в годы Первой мировой войны. Июль 1914 – февраль 1917 гг. Сборник документов. Самара, 2014. С. 30–31.

Свидетельства и документы

В данной публикации текст воспроизведен по нормам современного правописания с сохранением стилистических и языковых особенностей подлинника. Устранены орфографические ошибки и опiski. В текстуальных примечаниях оговариваются случаи, когда фрагменты не поддаются прочтению. Пропущенные в тексте слова или их части воспроизведены в квадратных скобках. В текстуальных примечаниях указывается современное местоположение исторических топонимов, даты событий, затрагиваемых в повествовании, даются краткие биографические справки на деятелей, которых упоминает А.Г. Елшин.

Воспоминания А.Г. Елшина

Уже 4 года, как наступило «историческое» время, начались события, достойные записи в памятную книжку.

И я тогда же намеревался записывать свои впечатления и наблюдения, учитывая всю серьезность и важность того, что происходит вокруг и вообще на белом свете. Нередко меня сильно тянуло к тетради, была большая потребность высказаться совершенно откровенно, разгрузиться. Вот такая потребность – совершенно естественна даже при более ординарной и ровной жизни. Но теперь неустанно появились опасения: а что если записи попадут в ненадлежащие руки, которые исследуют их ненадлежащим образом.

Это было так вероятно и так возможно.

Условия нашей гражданской жизни таковы, что такой пассаж может в любой момент приключиться. Это было при «старом» режиме. Это, увы, сохраняется и при новом строе. И обычно мысль о такой опасности и возможности немедленно расхолаживала даже самое сильное желание, и приходилось бросать эту мысль.

Приходилось отказываться от этого столь естественного желания, ибо ведение записей возможно лишь при одном условии – непрременной откровенности и полном отсутствии каких-либо посторонних соображений.

Война свалилась на нас как гром в ясную погоду. Жизнь протекала спокойно, без каких-либо шероховатостей и без особенных событий.

Некоторые явления в международной жизни на короткое время останавливали мое внимание на себе, но все это не давало очень серьезных оснований для каких-либо чрезвычайных ожиданий. Как не обращают наше внимание некоторые колебания в состоянии больного при хронической или затянувшейся болезни. Война, различные кризисы в международной жизни бывали и раньше; напряжения же шли непрерывно и с середины девятисотых¹⁰ годов. За эти 20 лет ожидания

¹⁰ Так в документе.

Свидетельства и документы

притупились и все как будто перестали даже верить в возможность наступления ожидаемого события. Оно просто стало казаться уже маловероятным. И когда оно наступило, получилось впечатление полнейшей неожиданности. Так, по-видимому, бывает с людьми, живущими близ вулкана, который, как всем известно, в любой момент может начать действовать и даже непременно должен начать свое разрушительное действие, и, однако, все прожившие более или менее продолжительное время около него как-то перестали тревожиться и думать о возможности катастрофы. И она всегда и бывает и кажется неожиданной и внезапной.

Я отлично помню, что осложнения, предшествовавшие наступлению катастрофы, не вызывали бóльших опасений, чем многие до того бывшие происшествия в международной жизни. Помню, что были разговоры по поводу осложнения, произошедшего у Сербии и Австрии, но эти разговоры не выходили из границ более или менее обычного в политике. Неожиданный ультиматум Австрии приковал к себе внимание и заставил насторожиться; но ответ Сербии и ее покорность быстро успокоили общественное мнение, и в то же время, помнится, вызвали какое-то подавленное настроение, которое является обычно после показанного унижения: было ясно, что унижение Сербии есть, главным образом, унижение России.

И вдруг – события приняли характер катастрофы.

Мы жили в то время на даче близ Самары – в саду Хованских – 1-я просека¹¹.

Стояло теплое время. Я по обыкновению утром часов в 6½ отошел с дачи и направился к конке с тем, чтобы ехать в город.

Проходя мимо дач, я услышал обрывок разговора: «...и у нас увели лошадь», – сказали что-то такое. Я подумал: «Неужели конокрады объявились в нашей местности». Вышел к линии конки – вагона нет; там уже несколько человек ожидало вагон.

Некоторые, постояв немного, направились пешком к городу. Я скоро сделал то же.

И вот шли мы мимо Трубочного завода¹² и затем открытым лугом гуськом и

¹¹ Дача, принадлежавшая Хованским, Сергею Александровичу и его жене Александре Семеновне. С С.А. Хованским А.Г. Елшина связывали годы тесного сотрудничества. В 1916 г. в Самаре было создано Археологическое общество, председателем которого был Елшин, а действительным членом – Хованский. Последний также являлся одним из учредителей Самарской губернской ученой архивной комиссии (с 24 апреля 1914 г. – ее секретарь, с 30 января 1917 г. – товарищ председателя). Оба общественных деятеля в 1917–1918 гг. принимали участие в спасении архивов и библиотек упраздненных в связи с революционными событиями учреждений и разоренных помещичьих усадеб.

¹² Крупнейший военный завод в Самаре, построенный в 1911 г. С 1923 г. – Завод им. Масленникова. Закрыт в 2006 г.

Свидетельства и документы

думали – а чего это конки нет. И, наконец, проходя мимо Монастырского поселка¹³, я первый раз после японской войны услышал зловещее слово: «Мобилизация!» Так вот почему увели с дач лошадей; вот почему конка остановилась.

В сильнейшем возбуждении я чуть не бегом приближался к городу. Недалеко от Молоканского сада¹⁴ меня нагнал извозчик, и я стал нанимать его; он согласился довезти меня только до Воскресенской площади¹⁵, где, по его словам, идет приемка лошадей в армию.

Я торопился найти газету и узнать подробности.

На Воскресенской площади былолюдно и шумно: отовсюду приближались лошади, люди. Около здания 5-й части¹⁶ комиссия спешно осматривала лошадей – принимала и браковала. У Воскресенской церкви я слез с извозчика и пошел к центру. Извозчиков что-то не было, и вообще на улицах было необычно. Кажется, на Алексеевской ул.¹⁷ близ Саратовской¹⁸ я нашел телеграммы с указом о мобилизации и некоторыми сообщениями, объяснявшими в некоторой степени последние события.

Читая на ходу телеграмму, я шел по Дворянской ул.¹⁹, которая казалась как всегда утром такой чистой, красивой.

Я жил в то время на Дворянской около Успенской²⁰, соответственно, прошел из Молоканского сада буквально весь город.

Войдя в квартиру, я, кажется, уже не застал брата; а я дорогой еще подумал, что ему придется идти на войну, как запасному. Когда я с ним увиделся, – помнится, я прежде всего выяснил, когда ему придется явиться к воинскому начальнику. Он мне сообщил, что у воинского нач[альни]ка большая толпа, и, вероятно, не раньше трех дней ему придется там болтаться. Затем я просил его определить, что ему понадобится для похода; он заявил, что, прежде всего, сапоги, так как казенные сапоги могут оказаться не по ноге, а затем нужны часы на руку и немного белья.

¹³ Поселок на земле Николаевского мужского монастыря. В настоящее время территория, ограниченная ул. Осипенко, ул. Ново-Садовой, Северо-восточной магистралью.

¹⁴ Молоканский фруктовый сад был разбит близ города Самары в первой половине XIX в. молоканином А.П. Грачевым. В 1909 г. потомки Грачева разделили данную территорию на участки и распродали их. Впоследствии здесь возник поселок. В настоящее время территория, ограниченная пр. Ленина, ул. Полевой, Мичурина и Осипенко.

¹⁵ В настоящее время – Самарская площадь.

¹⁶ Имеется в виду полицейское управление 5-й части города Самары.

¹⁷ В настоящее время – ул. Красноармейская.

¹⁸ В настоящее время – ул. Фрунзе.

¹⁹ В настоящее время – ул. Куйбышева.

²⁰ В настоящее время – ул. Комсомольская.

Свидетельства и документы

Надо сказать, что в это время я занимал квартиру в доме Колесникова Ник[олая] Фил[ипповича]²¹ по Дворянской ул. в доме № 31²². Этот дом он только что продал Шварцу²³, кот[орый] заявил мне, что он увеличит плату; вообще он мне не понравился, и я стал искать новую квартиру; этим я был занят с того момента как переехал на дачу к Хованским (1-я просека); кроме того, в начале июня в Самаре приехали А.Ф. Керенский²⁴ и Н.В. Некрасов²⁵. Я у них был в номере. Они останавливались в гостинице «Националь» на углу улиц Саратовской и Панской²⁶; туда я был приглашен, и, помнится, они издали разговор о какой-то существующей в России политич[еской] организации, охватывающей все прогрессивные партии. Я быстро сообразил, что они хотят меня завербовать в эту организацию. Затем мы условились, что они придут ко мне на другой день утром. На другой день разговоры пошли дальше – выяснилось, что речь идет о масонстве. Меня это чрезвычайно удивило, так как я полагал, что эта организация с ее ритуалами давно минувших времен уже давно не существует. Наш разговор кончился тем, что я дал согласие на вступление в масонство.

Принятие было назначено в квартире В.А. Кугушева²⁷ – Казанская ул., д. 30, дом Субботина²⁸. Для меня будет несомненно, что Алихан Букейханов²⁹ также

²¹ Колесников Николай Филиппович – самарский купец, хлебный комиссионер.

²² В настоящее время – ул. Куйбышева, д. 31–33.

²³ Шварц Фридрих – самарский купец. Владелец часовых магазинов.

²⁴ Керенский Александр Федорович (1881–1970) – юрист, российский общественный и политический деятель. Один из активных деятелей Февральской революции 1917 г. Министр, затем министр-председатель Временного правительства. С 1912 г. один из руководителей российского политического масонства: входил в думскую масонскую ложу, в Верховный Совет масонов России, в 1915–1916 – его секретарь.

²⁵ Некрасов Николай Виссарионович (1879–1940) – политический деятель, один из лидеров левого крыла кадетской партии, депутат III и IV Государственных дум. В 1917 г. член Временного правительства. После Октябрьской революции работал в кооперации, преподавал в Московском институте народного хозяйства им. Г.В. Плеханова. В 1940 г. расстрелян.

²⁶ В настоящее время – д. 37/91, ул. Ленинградская/Фрунзе.

²⁷ Кугушев Вячеслав Александрович (1863–1944) – общественный деятель, князь, землевладелец. В 1906–1910 гг. член Государственного Совета от Уфимского земства. С 1911 г. жил в Самаре. Принимал активное участие в общественной жизни города. В 1916 г. был избран гласным Самарской городской думы. После Февральской революции был назначен комиссаром тюрьмы. С 1923 г. работал во Всесоюзном кооперативном банке.

²⁸ В настоящее время – ул. А. Толстого, д. 30.

²⁹ Букейханов Алихан Нурмухамедович (1866–1937) – политический деятель, член партии кадетов, депутат I Государственной Думы от Семипалатинской губернии. Проживал в Самаре с 1912 г. вплоть до избрания его главой правительства Алаш-Орды в 1917 г. Был членом Совета Самарского отделения Русского общества охранения народного здоровья, лидером самарской организации кадетов. Считается первым премьер-министром Казахстана.

Свидетельства и документы

состоит в братстве, ибо он вначале играл роль посредника между мной и Керенским и Некрасовым.

На другой день утром я пришел к Кугушеву. Алихан провел меня в дальнюю комнату с балконом на двор и сказал, что по «правилам устава» я не могу пока никого из собравшихся «братьев» видеть.

Затем он принес мне вопросный листок – об отношении к самому себе, к семье, к обществу, государству и человечеству, – и предложил дать письменные ответы. И сам удалился. Через некоторое время он пришел, и я передал ему заполненный мною листок, и он сказал мне, что «братья» рассмотрят мои ответы и решат, могу ли я быть принят по своим убеждениям.

Через ¼ часа он возвратился и сказал, что порядок приема пойдет дальше; и предложил подождать в таком положении некоторое время и не снимать без него повязку.

Через некоторое время я услышал шаги вошедших людей, и затем голос Керенского заявил мне, что я нахожусь перед делегацией Верховного Совета братства масонства; было задано мне несколько вопросов, и затем стоя я повторил за Керенским клятву.

После этого с меня сняли повязку, меня все трое поздравили (помнится – Кугушева не было в Самаре), и мы расцеловались по-братски.

Кажется, прямо оттуда мы все пошли на пароход «К[авказ] и М[еркурий]», на котором Кер[енский] и Некр[асов] уезжали в Саратов.

Это было 12 июня 1914 г.

Мы торопились на пристань, так как теплоход уходил в 2 ч[аса] дня. На пароходе уже были некоторые «народники» – кажется, Овсянкин³⁰ и еще кто-то.

Я по преимуществу ходил по палубе с Некр[асов]ым и говорил по разным политическим вопросам; Керенский же нацепивши какой-то красный цветок, оживленно бегал по палубе. Они нас угостили малиной или клубникой с молоком, и мы стали прощаться. Я с Алиханом едва успели отбежать с парохода: на ходу внизу вскочили на пристань. Их приезд у меня отнял почти 3 дня. В это же время приблизительно я дал 100 р[ублей] задатка Гринбергу³¹ и снял квартиру в его доме по Соборной ул.³² под № 102³³ близ Троицы³⁴.

³⁰ Личность не установлена.

³¹ Гринберг Соломон Абрамович – мещанин г. Тыкоцын Мазовецкого уезда Ломжинской губернии (в составе Царства Польского Российской империи). Крупный самарский домовладелец.

³² В настоящее время – ул. Молодогвардейская.

³³ В настоящее время – д. 98/53, ул. Молодогвардейская/Некрасовская.

³⁴ Имеется в виду Троицкая церковь.

Свидетельства и документы

Как только квартира была готова, я стал упаковывать свою библиотеку: связывал пачками; то же делали брат с письмоводителем; в купленные ящики я клал более ценные книги.

Так шло почти неделю, и я уже уложил почти все книги, бумаги и письма.

И вот, когда надобно было уже переезжать, вдруг разражается мобилизация, и переезд стал невозможен – лошадей, извозчиков не стало.

Так шло два-три дня: все было уложено, заниматься не было возможности, а переезд задерживался на неопределенное время.

Наконец, кухарка Настасья где-то наняла 2 подводы с татарами. И я начал перевозиться.

Так как подвод было слишком недостаточно – переезд занял несколько дней. Основная возня была с книгами, которых было 83–85 больших связок и 7–8 больших ящиков; затем были громоздкие вещи – буфет, несгораемый шкаф и умывальник.

Для части тяжестей татары-ломовики пригласили нескольких товарищей.

Наконец, эта перевозка окончилась. И я начал устраивать свой кабинет, чтобы иметь возможность приступить к работе; остальные комнаты оставались в хаосе.

Я ежедневно ночевал на даче и рано утром направлялся в город.

Иногда приходилось возвращаться поздно. Помню, в первое время войны было устроено совещание местных интеллигентов, кажется на квартире Кугушева В.А. (Казанская ул, д. 30 Субботина) для обмена мыслей по вопросам, связанным с войной. Совершенно не сохранилось в памяти о чем мы говорили; помню лишь: там были к[онституционные] д[емократы] и народники; с[оциал]-д[емократов] как будто не было.

Помню также, [что] с совещания несколько человек из нас направилось на дачный пароход – кажется, в том числе В.В. Кирьяков³⁵; помню – на пристани мы узнали о занятии немцами Калиша, Ченстохова и Бендина³⁶ (кажется так); помню, я был очень обескуражен этим успехом немцев и придавал серьезное значение ему. На «Головкинской» пристани³⁷ я сошел на пристань с 2–3 незнакомыми лицами; мостки у пристани были поломаны, и мы с трудом по бревнам перебрались в темноте на берег.

Придя на дачу, это было уже в 1 ч[ас] ночи, я несколько раз звал Хованского, желая сообщить свежую новость о продвижении немцев. Но он, очевидно, спал, и я отправился к себе на дачу – мы тогда занимали самую большую дачу в саду

³⁵ Личность не установлена.

³⁶ 2 (15) августа – 3 (16) августа 1914 г.

³⁷ Пристань вблизи дачи К.П. Головкина в районе 4-й просеки.

Свидетельства и документы

Хованских. В первые же дни войны я узнал, что брат принят на службу, и мы стали собирать его.

Его семья переселилась также в дом Гринберга (она жила с переездом домашних на даче в моей квартире) – в дальней комнате. За это время новых призванных стали формировать в новые полки³⁸ – в Самаре вновь сформировался 329-й Бузулукский полк³⁹, куда попал и мой брат.

В Самаре вообще было громадное скопление запасных – они заняли ряд зданий, и все-таки не помещались все; по случаю жаркого времени они спали прямо во дворах, прямо на земле и далее на улицах на тротуарах около занимаемых ими зданий.

По просьбе брата я выдал деньги на новые сапоги, купил часы-браслет, кое-что из белья и дорожных вещей. 6 авг[уста] вечером я предполагал издали проститься с ним – его эшелон уезжал 7-го утром. Он сообщил мне, что им объявили и направление – в Проскуров⁴⁰; впоследствии выяснилось, что это заведомо неверное направление было объявлено с целью ввести в заблуждение шпионов. Их отправили к Ивангороду⁴¹ и, как потом узнал из писем брата, они через несколько часов после приезда отправились в бой против австрийцев, наступавших на Холм и Люблин⁴².

Насколько помнится, первым поехал на войну гусарский Александрийский полк⁴³.

После Бузулукского поехал Рымникский полк⁴⁴; поехал и Никол[ай] Павл[ович] Торанов⁴⁵.

Я помню – почти все полагали, что война будет непродолжительна – 4–6 мес[яцев], и что некоторые части, несколько задержавшиеся в Самаре, и отдельные лица, поехавшие не в первую очередь, могут попасть «лишь к шапочному разбору».

И я помню также, как многие были чрезвычайно обескуражены сообщением о занятии немцами Ченстохова и двух других городов на самой дальней границе Польши с Германией, считая это занятие успехом германцев чуть ли не равносильным проигрышу войны. Вообще все ступали в эту эпоху необыкновенно наивными, непосредственными людьми. Никто не представлял, как много потрясений придется пережить, какие ужасы стоят и ожидают нас, и какую пустоту они внесут в наши души. Ни один мудрец не мог предсказать, что через 3–4 года

³⁸ Так в документе.

³⁹ Сформирован в июле 1914 г. в Самаре, входил в состав 83-й пехотной дивизии.

⁴⁰ В настоящее время – г. Хмельницкий, Украина.

⁴¹ Русская крепость возле города Демблин Люблинского воеводства Царства Польского.

⁴² Люблин-Холмская операция в августе 1914 г.

⁴³ Дислоцировался в Самаре в 1910–1914 гг.

⁴⁴ Полк в составе 48-й пехотной дивизии, штаб которой в 1914 г. располагался в Самаре.

⁴⁵ Личность не установлена.

Свидетельства и документы

после всего пережитого мы станем стариками, развалинами, упавшими и не вынесшими тяжести и ушибов после совершившегося.

В первые месяцы войны в газетах прошла фраза какого-то государственного деятеля запада: «победит тот, у кого окажутся нервы более крепкими». Эту фразу повторяли, но не понимали; ей не придавали настоящего значения.

И только теперь она стала понятна во всем своем реальном значении и глубоком смысле. Нам эта формула стала ближе, чем кому-либо, понятна, ибо мы оказались совершенно раздавлены событиями – мы оказались слишком маленькими людьми в сравнении с этими событиями.

Я припоминаю или стараюсь припомнить настроения первых месяцев войны.

Несомненно было одно: значительное общее оживление. Оживление, вызванное разными причинами. Большинство оживилось стремлением работать для государства – чувствовало и сознавало потребность и необходимость участвовать в общем деле.

Некоторые, по преимуществу из левонастроенной интеллигенции, были оживлены необходимостью разрешить и установить свое отношение к свершившимся событиям с точки зрения своих узкокорыстных или социалистических и интернационалистических мировоззрений.

Эта братия чувствовала себя вне государственной жизни и по своему восприятию и всему прошлому физически не могла встать на точку зрения государственных интересов. Так как события не совсем укладывались в обычные формулы, на которых была натаскана эта публика сызмальства, началась значительная разногласия в этом лагере. Часть, наиболее стремившаяся держаться своих привычных догматов и разрешавшая все явления действительной жизни вне времени и вне пространства, объявляла войну войне. Часть желала по примеру Японской войны поражения России, рассчитывая таким образом добиться ослабления государства и государственной власти и через то – возможности успешной борьбы со старым порядком и старой властью.

Это были пораженцы, и их было всего больше в социалистических группах. Некоторые не знали, как им держаться, и занимали выжидательную позицию – и были в нейтралитете.

Наконец, часть старалась показать, что война это дело господствующих классов и им чуждое, и были или в пассивном сопротивлении власти или, в лучшем случае, занимали положение людей, находящихся в нейтралитете.

Но значительная часть интеллигенции рвалась на работу, сознавая, что она фактически не может находиться вне этой ситуации, стоять за бортом жизни. И когда появились Союзы – городской и земский, а они явились очень скоро, эта интеллигенция, государственно-настроенная, бросилась в это дело. Стали появляться

Свидетельства и документы

госпитали, патронаты, стали собирать средства на шитье белья солдатам, открывались продовольственные пункты на вокзалах для проходящих эшелонов.

В Самаре быстро образовался областной комитет Союза городов и губернский комитет Земского союза. Во главе их стали уполномоченные того и другого Союза.

Потекли пожертвования. И тоже было, доходило даже до увлечений. Сам[арская] гор[одская] дума по предложению Чельшева⁴⁶ ассигновала 1 миллион, хотя было ясно, что город вследствие тяжелого финансового положения не сможет дать этих денег. И этот миллион так и остался красивым жестом, результатом порыва: он не был дан в действительности.

В областном комитете Союза городов уполномоченными были С.Е. Пермяков⁴⁷ и П.Л. Кузьмин⁴⁸; в губернском земском комитете – Иньков⁴⁹ и Н.А. Самойлов⁵⁰.

Вся осень ушла на открытие госпиталей (Гор[одского] союза) и лазаретов (Земского союза). Была организована перевозка раненых с вокзала по госпиталям, и это было поручено областному Союзу, организовавшему для этого целый обоз; к этому же обозу был привлечен целый отряд велосипедистов, организовавший по системе жандармского полковника Познанского⁵¹ перевозку тяжело раненных на велосипедах, попарно соединенных. Распределительный лазарет, куда поступали с вокзала раненые и больные, был оборудован земским комитетом.

Лично моя работа сосредоточилась по Городскому союзу: я стал членом обл[астного] комитета и оборудовал 3-й госпиталь на углу Троицкой⁵² и ул. [Л.] Толстого и в то же время был заведующим. Работа по госпиталю шла усиленно: я привлек к тому же ряд знакомых дам, сам ежедневно бывал там по нескольку часов. Госпиталем я горячо увлекался. Даже теперь приятно вспомнить хлопоты по госпиталю: как оборудовал, как делал запасы на зиму, рубил капусту, и особенно как принимал первые партии раненых; помню хлопоты по устройству

⁴⁶ Чельшев Михаил Дмитриевич (1866–1915) – крестьянин Владимирской губернии, самарский городской голова (1910–1912), депутат III Государственной Думы.

⁴⁷ Пермяков Сергей Ефремович (1863–1930) – титулярный советник, потомственный почетный гражданин, городской голова г. Самары в 1914–1916 гг.

⁴⁸ Кузьмин Петр Леонтьевич – крестьянин, гласный Самарской городской думы, председатель областного комитета Всероссийского Общегородского союза помощи больным и раненым воинам.

⁴⁹ Иньков Константин Николаевич (1857–?) – потомственный дворянин, действительный статский советник. С 1907 г. – член губернского комитета партии кадетов. В 1909–1917 гг. – председатель губернской земской управы.

⁵⁰ Самойлов Николай Алексеевич – присяжный поверенный, гласный Самарской городской думы и Самарского губернского земского собрания, уполномоченный Всероссийского земского союза.

⁵¹ Познанский Михаил Игнатьевич (1871–?) – полковник, начальник Самарского губернского жандармского управления в 1912–1917 гг.

⁵² В настоящее время – ул. Галактионовская.

Свидетельства и документы

развлечений для раненых, по заготовке и раздаче рождественских подарков раненым. Вообще эти хлопоты – приятные воспоминания.

В начале января [1]915 г. я съездил в Саратов – в Палату⁵³ – кажется, на 10 янв[аря]. И вот на обратном пути я узнаю, что движутся с Кавказа, направляясь в Сибирь, эшелоны пленных турок, взятых главным образом в бою под Саркамышем⁵⁴. Везут, по рассказам железнодорожников, в ужасном виде: больные дизентерией, тифами умирают, загрязняют пути, необутые, изможденные. Рассказывали прямо ужасы. Впоследствии все это не только подтвердилось: в действительности ужасы оказались большими, чем о них рассказывали.

По приезду в Самару пришлось почти тут же выйти в самую гущу вопроса о военнопленных, несших с собою разные эпидемии.

Помнится, было устроено совещание в гор[одской] Управе; на этом совещании уже поднимался вопрос о занятии моего госпиталя бандитами-турками. Я протестовал. И это удалось. Было решено в первую очередь занимать Дунаевский бывший завод⁵⁵.

Конечно, спешно [принялись] за флигели завода и самое заводское здание и поставить койки⁵⁶.

Но еще ничего не было готово, как стало известно, что к вечеру 18–19 окт[ября] приедут на завод турки. Флигеля лишь протопили и полы постелили соломой.

Я видел и принимал эту партию. Большинство было без верхней одежды, многие без обуви; а один даже без панталон – в одной рубашке. Их привозил[и] на наших разводках – озябшими и голодными; многие были с отмороженными конечностями, были больные. В этот вечер я распорядился привезти в больших бидонах кипяченое молоко, кружки были уже закуплены. Имелось кое-что из белья и одеяла; я распорядился раздать кому панталоны, кому рубашку, кому туфли, кому одеяла. При мне раздавали еще теплое молоко с калачом.

Много было серьезно больных, и даже не все хотели или могли есть. Впрочем, молоко пили с удовольствием.

С сегодняшнего дня из 3-го госпиталя привозили обеды – только горячее и молоко.

⁵³ Имеется в виду Саратовская судебная палата министерства юстиции.

⁵⁴ Декабрь 1914 г.

⁵⁵ Купцу Н.Ф. Дунаеву в XIX в. принадлежало 2 завода в Самаре: на углу Москательной (Л. Толстого) и Дворянской (Куйбышева), а другой – на Ильинской площади.

⁵⁶ Так в документе.

Свидетельства и документы

Через 1–2 дня была оборудована медицинская помощь: врачом там назначен был доктор Месяцев, вскоре заразившийся сыпным тифом и умерший, в то время когда я уже был болен.

Вскоре Дунаевский госпиталь оказался перенаселенным, а на станции стояли составы с больными турками.

Решено было занять ими 15-й лазарет Земского союза, его заведующим был Ярослав Сахаров; и вскоре заняли и мой госпиталь, хотя я очень сильно воевал против этого.

Числа 22 января [1]915 г. я принимал у себя 17-ю партию больных турок. Из медицинского персонала при этом участвовала лишь фельдшерица Пушистова и 2–3 сестры милосердия. Санитары некоторые тут же уволились, привезенных турок пришлось мыть в ваннах сестрам милосердия. Стриг их китаец-швейцар.

Одним словом, если бы не самоотверженность некоторых из персонала, госпиталь оказался бы не в состоянии провести прием загрязненных, голодных и больных турок.

Врачи осматривали больных лишь вечером – когда все турки чистые, одетые попали на койки.

Тут я вероятно и заразился сыпным тифом.

Я сделал еще 2 приема больных турок.

31 янв[аря] [19]15 г. вечером я почувствовал недомогание. В четверг 5 февр[аля] я слег. Настоял на переселении домашних к Тороповым⁵⁷.

В ночь с 10 на 11 февр[аля] – едва не умер: очевидно врачи считали меня безнадежным, и по городу пошел слух о моей смерти.

Провалился я до 2 марта, когда немного поседел.

8 марта переехал к Тороповым на время дезинфекции в квартире.

За время болезни моей умерла кастелянша Сиднева, фельдшер, ...⁵⁸, горничная, китаец, сестра милосердия – все заразились одновременно со мною.

Эта эпидемия сыпного тифа навела панику на город. Умерло от сыпного тифа 5–6 врачей, 11 фельдшеров и фельдшериц, человек 13–14 сестер и человек 75 низшего персонала госпиталей и лазаретов. Турок перемерло от разных эпидемий очень много, говорили не меньше 1 500 человек.

Я начал работать лишь после пасхи.

Вскоре стали поступать с фронта тревожные слухи и сообщения: говорили о полном недостатке снарядов, винтовок, снаряжения.

⁵⁷ Родственники жены Елшина, Александры Павловны Тороповой.

⁵⁸ Текст написан неразборчиво, перечисляются имена персонала госпиталя.

Свидетельства и документы

3 июня я поехал в Петроград на конференцию⁵⁹. Дорогой встреченные эшелоны раненых подтверждали громадный недостаток снарядов и пр.

Стали говорить о мобилизации нашей промышленности. Вскоре создан Военно-промышленный комитет. Затем появились Комитеты по снабжению и снаряжению армии Городского и Земского союзов.

Забыл упомянуть, что в конце апреля я исполнял обязанности уполномоченного Гор[одского] союза в Самаре и председателя Сам[арского] Областного Комитета⁶⁰.

ЦГАСО. Ф. 352. Оп. 3. Д. 3. Л. 2–18 об.

⁵⁹ Конференция конституционно-демократической партии, проходившая 6–8 июня 1915 г.

⁶⁰ Имеется в виду областной комитет Всероссийского союза городов.

**КОММУНИСТЫ ПРОТИВ ТЕРРОРА
(Анонимное письмо в Курганскую ЧК, июль 1920 г.)**

Публикация подготовлена:

Кусков Сергей Александрович, кандидат исторических наук, Объединенный государственный архив Челябинской области

Террор как инструмент господства над населением широко применялся противоборствующими сторонами во время Гражданской войны. После завершения Челябинской военной операции летом–осенью 1919 г. на Южном Урале повторно утвердилась Советская власть¹. Особые отделы наступающих частей Красной армии на прифронтной территории выявляли и расследовали факты расправ, преследования коммунистов, красноармейцев, советских работников. Большое число таких судебно-следственных дел находится в Объединенном государственном архиве Челябинской области (ОГАЧО), в фонде Челябинского губернского революционного трибунала. В одном из них найдено анонимное письмо коммуниста, протестовавшего против репрессий и мести политическим врагам². Письмо отражает существовавшие в обществе и РКП(б) настроения несогласия с политикой террора, осознание необходимости ее прекращения.

Почему среди сотен судебных дел именно дело против крестьян д. Васильки Курганского уезда побудило коммуниста напомнить своим товарищам о милосердии к мнимым и действительным врагам? Рассмотрим обстоятельства этого дела подробнее.

1 июля 1918 г., в период чехословацкого наступления, в деревню Васильки Моревской волости Курганского уезда Тобольской губернии вошел добровольческий партизанский отряд. На беду красноармейцев во время их прибытия в деревне

¹ Лучевников П.С. Гражданская война на Южном Урале. Челябинск, 1958. С. 170.

² ОГАЧО. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 348. Л. 79–80 об.

Свидетельства и документы

проходил сход. Обозленные советской политикой реквизиций крестьяне набросились на красных партизан, разоружили их, избили и отправили в волостной центр. В с. Моревском тем временем собрался съезд представителей деревень для выбора новой власти в волости. В доме волостного правления партизаны были избиты повторно. Позднее пленных отправили на суд. В результате избиений двое сторонников советской власти погибли. Следует отметить, что пострадавшие красноармейцы также были жителями с. Моревского и окрестных селений. По факту этих событий в августе 1919 г. особым отделом 27-й дивизии и было начато следствие. 15 сентября 1919 г. незаконченное дело из штаба уходящей на восток дивизии было передано в Курганскую чрезвычайную комиссию. Курганские чекисты следствие против 38 жителей д. Васильки и с. Моревского Моревской волости вели больше года. Все это время подозреваемые находились в Курганской и Челябинской тюрьмах. 22 ноября 1920 г. 29 крестьян Моревской волости предстали перед Челябинским ревтрибуналом. В обвинительном приговоре трибунал учел, что «степень виновности обвиняемых уменьшается их неосознанностью в отношении острой партийной борьбы рабочего класса с капиталом...» По приговору трибунала пятеро из них были приговорены к расстрелу, восемь – оправданы, один умер до суда, остальные получили различные сроки от 3 до 10 лет лишения свободы³.

Анонимное письмо в деле оказалось подшито рядом с жалобами арестованных, которые относились к июлю 1920 г. К этому времени арестованные в Курганской тюрьме пробыли уже более 7 месяцев и перспектива их дальнейшей судьбы не просматривалась. Учитывая, что сельское население д. Васильки и других населенных пунктов Курганского уезда было связано родственными линиями, свойством, знакомствами, и новая власть вбирала в себя не только «варягов», но и местных уроженцев, имевших родню и знакомых среди людей, подвергшихся преследованию, вполне вероятно, что письмо могло быть написано родственником кого-то из подсудимых.

Написано письмо от руки печатными буквами на двух листах тетрадной линованной бумаги. В верхнем левом углу первого листа имеется входящий номер и дата получения: 27 июля 1920 г. В первых строках автор сообщает, что он коммунист и ему приходится часто сталкиваться с разными мнениями. В основной части документа проводится мысль, что репрессии в отношении подозреваемых в политических преступлениях злят народ, а народную любовь можно приобрести не расстрелами и каторгой, но гуманным отношением. Завершается письмо призывом начать новую политику и просьбой прочесть его на заседаниях Курганской уездной ЧК и Челябинского ревтрибунала. Упоминание конкретных лиц и уголовных дел в

³ ОГАЧО. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 348. Л. 162–162 об.

Свидетельства и документы

документе отсутствует, что свидетельствует о том, что письмо имеет не прикладной (защитить или вытащить из тюрьмы одного-двух людей), а общеполитический характер.

Было ли письмо прочитано на коллегии Курганской ЧК или в Ревтрибунале – не известно. Если рассматривать письмо в качестве подтверждения понимания рядовыми коммунистами бесперспективности мести за события 1918 г. и в целом политики военного коммунизма, то ответ на него был дан государственной системой, пусть и с опозданием. В ноябре 1920 г. следственные документы были запрошены Особым отделением № 3 Первой революционной армии труда. Этот интерес смог притормозить расстрелы. Хотя никаких бумаг с решением особого отдела Первой армии в деле нет, но оно было, так как уже в феврале 1921 г. Челябинский ревтрибунал начал пересмотр приговоров в сторону их смягчения. Так, судя по всему, ведомство Л.Д. Троцкого не отменило приговор, но запустило репрессивный механизм в обратном направлении. Во втором полугодии 1921 г. этот процесс перешел в новую фазу. В судебном-следственном деле имеется выписка из протокола заседания Распределительной комиссии при Челябинском губернском отделе юстиции от 1 сентября 1921 г.⁴ На заседании комиссии было заслушано постановление Челябинского губисполкома от 21 мая 1921 г. «О сокращении срока наказания крестьянам, осужденным в 1919 и первой половине 1920 г. за преступления, совершенные в 1918 году» и принято решение затребовать из ЧК и ревтрибунала список лиц для условно-досрочного освобождения. Среди выпущенных на свободу осенью 1921 г. были и жители д. Васильки, в том числе приговоренные к расстрелу⁵.

В Кургане и в других городах Челябинской губернии карательные мероприятия не ограничивались одним или несколькими следственными делами⁶. На старые прегрешения перед властью наслаивались новые эксцессы продрозверстки, дезертирства, повстанчества⁷. В этих условиях уже не только провинциальные коммунисты, но и вожди не могли не задумываться о целесообразности репрессивных методов. На местах особенно остро чувствовалась зыбкость и ненадежность политики военного коммунизма, опасность всеобщего народного восстания. Вместе с тем партийные и государственные органы имели иерархическую структуру, в которой государственную политику определяли в центре, а от рядовых коммунистов требовалось ее дисциплинированное исполнение, что, в сущности, и

⁴ ОГАЧО. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 348. Л. 334.

⁵ Там же. Л. 336, 352.

⁶ Нарский И.В. Жизнь в катастрофе: Будни населения Урала в 1917–1922. М., 2001. С. 324.

⁷ Назыров П.Ф. Аграрные отношения на Южном Урале в годы Гражданской войны. Челябинск, 2009. С. 187.

Свидетельства и документы

отразило дело об избиении советских работников и партизан в д. Васильки. Понимание нежизненности государственного террора рядовыми коммунистами до поры не оказывало на его ход существенного влияния. Однако по мере утверждения этого понимания на более высоких иерархических уровнях компартии политика начинала корректироваться. В частности, в рассматриваемом эпизоде на ход дела мог повлиять лично Л.Д. Троцкий, либо кто-то из его ближайших помощников, курировавших деятельность Трудовой армии.

Анонимное письмо в Курганскую уездную чрезвычайную комиссию о вреде политики репрессий

*Не позднее 27 июля 1920 г.
г. Курган*

Вы все прекрасно меня знаете, поэтому я пишу таким подчерком⁸. Я состою в партии коммунистов, и мне часто приходится иметь разговоры с людьми других взглядов, и вот я слышу, что противники говорят: контрреволюцию создает сам трибунал и чека своими арестами, обысками и расстрелами. Отпусти эти учреждения на свободу подозреваемого (настоящие-то контрреволюционеры вряд ли попадутся, попадутся только неопасные болтуны), кроме благодарности к власти он ничего не будет чувствовать, а вот, когда его приговаривают на несколько лет к тюремному заключению или к расстрелу, то тут вместо одного противника правительство приобретает сотни настоящих врагов из родственников и знакомых осужденного. Это как стоголовая гидра: вместо одной отрубленной головы, появляется новая. Вот я теперь вижу, что арестованные советские служащие и служащие в чека⁹, теперь после отбытия наказания, враждебно относятся к нам, они для нас уже потеряны и если открыто не заявляют себя врагами, то это пока.

Противоположным примером может служить следующий: здесь один гражданин был посажен в тюрьму. В народе, по обыкновению, болтали много нелепостей вроде того, что он будет расстрелян. За него очень хлопотало еврейское общество и отчасти благодаря этим хлопотам, гражданина выпустили на свободу. Так теперь он и его жена всем говорят: «случись какое-нибудь несчастье с евреями, наш дом – их дом; лучше пусть нас убьют, только не выдадим ни одного еврея, все они найдут у нас безопасное убежище. Мы их неоплатные должники».

Видите, как люди ценят добро, поэтому я не от своего лица, а от всего народа прошу: не восстанавливайте народ против советской власти своими суровыми

⁸ Печатными буквами.

⁹ Так в документе.

Свидетельства и документы

приговорами, иначе погибла революция и мы снова будем лишены тех благ, которые, наконец, приобрели столькими годами страданий и реками пролитой крови за народное дело. Народ только тогда оценит нас, когда мы своим хорошим, добрым отношением заслужим его любовь и расположение. Товарищ Троцкий справедливо сказал, кажется так: «Мы только тогда победим мир, когда завоюем сердце народа и приобретем его любовь и расположение». А любовь вообще и расположение приобретается гуманным отношением, а не расстрелами и каторгой; пример: царское правительство и белые, которые своим жестоким отношением приобрели всеобщую ненависть и презрение. Это совершенно верно.

Послушайте, товарищи, моего совета, я как, искренний друг, советую доброе дело, и мы победим мир! Пусть про нас не говорят, что коммунисты – палачи и кровопийцы, а пусть видят в нас друзей и защитников. И так начнем другую политику. У меня не хватает смелости заявить вам об этом открыто.

Коммунист

Я просил бы очень письмо это прочитать и в трибунале и в чека на заседании. Необходимо это сделать, а то, пожалуй, поздно будет.

ОГАЧО. Ф. Р-96. Оп. 2. Д. 348. Л. 79–80 об. Подлинник. Рукопись.

Н.Е. Добронравов. КРОВАВЫЕ ЖЕРТВЫ. ДЕСЯТИДНЕВНЫЙ БОЙ ПОД МУКДЕНОМ

Публикация подготовлена:

Александров Алексей Вячеславович, Самарская областная универсальная научная библиотека,

Морозов Вячеслав Юрьевич, кандидат исторических наук, Самарский государственный технический университет

Публикуемая брошюра «Кровавые жертвы. Десятидневный бой под Мукденом»¹ за авторством Н.Е. Добронравова² представляет собой характерный образец массовой информационно-пропагандистской литературы периода Русско-японской войны, призванной укрепить патриотические чувства населения в условиях военных поражений России и начинавшегося революционного кризиса.

Десятидневный бой под Мукденом: составлено по последним официальным сведениям

Высочайший манифест

Божиею милостию Мы, Николай Второй, Император и Самодержец Всероссийский, Царь Польский, Великий Князь Финляндский и проч., и проч., и проч.

Объявляем всем верным нашим подданным: Неисповедимому промыслу Божию благоугодно было посетить отечество наше тяжкими испытаниями: кровопролитная война на Дальнем Востоке за честь и достоинство России и за господство на водах

¹ *Добронравов Н.Е.* Кровавые жертвы. Десятидневный бой под Мукденом: составлено по последним официальным сведениям. М.: Изд. Сазонова А.Д., 1905. 32 с. (Отдел книгохранения ГБУК «СОУНБ». Инвентарный номер издания: 91605).

² *Добронравов Николай Евгеньевич* (1849–?) – родился в семье коллежского асессора. Учился в 3-й Петербургской гимназии, был юнкером (1865). В 1867 г., во время службы в Омском пехотном полку, публиковался в «Петербургской газете», с 1870 г. выпустил более полусотни книг. Служил на железной дороге. С 1881 г. жил в Москве.

Тихого океана, столь существенно необходимая для упрочения в долготу веков мирного преуспевания не только нашего, но и иных христианских народов, потребовала от народа русского значительного напряжения его сил и поглотила многие дорогие, родные сердцу нашему жертвы. В то время, когда доблестнейшие сыны России, с беззаветною храбростью сражаясь, самоотверженно полагают жизнь свою за веру, Царя и отечество, в самом отечестве нашем поднялась смута на радость врагам нашим и к великой сердечной нашей скорби. Слепленные гордыней злоумышленные вожди мятежного движения дерзновенно посягают на освященные православной церковью и утвержденные законами основные устои государства Российского, полагая, разорвав естественную связь с прошлым, разрушить существующий государственный строй и вместо него учредить новое управление страной, на началах, отечеству нашему не свойственных. Злодейское покушение на жизнь Великого Князя³, горячо любившего первопрестольную столицу и безвременно погибшего лютой смертью среди священных памятников московского Кремля, глубоко оскорбляет народное чувство каждого, кому дорога честь русского имени и добрая слава нашей родины.

Со смирением принимая все сии ниспосланные правосудием Божиим испытания, мы почерпаем силы и утешение в твердом уповании на милосердие Господа, от века державе Российской являемое, и в известной нам исконной преданности престолу верного народа нашего. Молитвами святой православной церкви, под стягом самодержавной царской власти и в неразрывном единении с нею земля русская не раз переживала великие войны и смуты, всегда выходя из бед и затруднений с новою силою несокрушимою. Но внутренние настроения последнего времени и шатания мысли, способствовавшие распространению крамолы и беспорядков, обязывают нас напомнить правительственным учреждениям и властям всех ведомств и степеней долг службы и веления присяги и призвать к углублению бдительности по охране закона, порядка и безопасности в строгом сознании нравственной и служебной ответственности перед престолом и отечеством. Непрестанно помышляя о благе народном и твердо веруя, что господь бог, испытав наше терпение, благословит оружие наше успехом, мы призываем благомыслящих людей всех сословий и состояний, каждого в своем звании и на своем месте, соединиться в дружном содействии нам словом и делом во святом и великом подвиге одоления упорного врага внешнего, в искоренении в земле нашей крамолы и в разумном противодействии смуте внутренней, памятуя, что лишь при спокойном и бодром состоянии духа всего населения страны возможно достигнуть успешного осуществления предначертаний наших, направленных к обновлению духовной

³ Великий князь Сергей Александрович, московский генерал-губернатор, 4 (17) февраля 1905 г. был убит бомбой, брошенной эсером-боевиком Иваном Каляевым.

жизни народа, упрочению его благосостояния и усовершенствованию государственного порядка.

Да станут же крепко вокруг престола нашего все русские люди, верные заветам родной старины, радея честно и совестливо о всяком государевом деле в единомыслии с нами. И да подаст Господь державе Российской: пастырям святыню, правителям суд и правду, народу мир и тишину, законам силу и вере преуспеяние к вящему укреплению истинного самодержавия на благо всем нашим верным подданным.

Дан в Царском Селе в 18-й день февраля, в лето от Рождества Христова 1905, в царствование же наше одиннадцатое.

На подлинном собственною Его Императорского Величества рукою написано:

«НИКОЛАЙ»

Ужасный, кровопролитный бой под Мукденом⁴, продолжавшийся более десяти дней подряд, непрерывно, безостановочно, покрыл наших доблестных героев защитников неувядаемою славою; отечественный бой этот стоил нам очень дорого, но зато и врагам нашим далеко не поздоровилось.

Не прибегая ни к каким личным вымыслам, рассуждениям, мы только знакомим читателя с целым рядом телеграмм из самых достоверных источников в последовательном порядке, начиная с половины минувшего февраля.

Велик Бог христианский! – воскликнул когда-то свирепый вождь жестоких татар, разбитый нами наголову на Куликовом поле, и бежал с поля брани, увлекая за собою несметные свои свирепые полчища.

Неужели же ныне мы истинно верующие христиане, доблестные русские воины усомнимся во благодати Господа и позволим одолеть себя идолопоклонникам!

Каждый день генерал Куропаткин⁵, этот славный наш вождь на Дальнем Востоке, этот умнейший полководец, каждый день аккуратно шлет свои донесения Его Императорскому Величеству Главному Державному Вождю, соблюдая в своих донесениях одну только голую правду.

Вот эти-то донесения мы целиком и берем и предлагаем читателю. Свои слова тут излишни.

⁴ Мукден (Шэнцзин, Фэнтянь) – сейчас Шэньян, крупнейший город в северо-восточной части Китая, административный центр провинции Ляонин. Мукденское сражение состоялось в феврале–марте 1905 г. Суммарные потери превысили 160 тыс. чел. Ни одна из сторон победы не одержала.

⁵ Куропаткин Алексей Николаевич (1848–1925) – генерал-адъютант, генерал от инфантерии, военный писатель. В 1898–1904 гг. – военный министр России. С началом Русско-японской войны – командующий Маньчжурской армией, а затем главнокомандующий всех русских морских и сухопутных сил на Дальнем Востоке.

*Всеподданнейшие телеграммы генерал-адъютанта Куропаткина
на имя Его Императорского Величества*

I

Сегодня с утра японцы ведут атаку на нашу позицию у селения Убенепуза и ее правый фланг. Отряд наш сохраняет свои позиции. На позиции у деревни Кудязя ночь прошла спокойно. С утра бой снова начался, но донесений о результатах еще не получалось. На занятом вчера Тунсыхолинском перевале с вчерашнего вечера шел бой с противником, атаковавшим правый фланг, а затем сегодня наш отряд перешел в наступление на Томагушане. На Гаотулинской позиции около 3 часов дня мы овладели обратно одним из оставленных нами утром укреплений. Японская батарея стала засыпать укрепление шимозами⁶ и шрапнелью, но наша батарея заставила японскую замолчать. В направлении на деревню Кандолисан противник также обстреливал наши позиции. На всем фронте 3-й и 2-й армий сегодня велась оживленная артиллерийская стрельба; особенно сильно обстреливались Новгородская и Путиловская сопки. К вечеру обнаружено наступление неприятеля долиной р. Хунхе, а также долиной р. Ляохе на севере.

II

Отряд наш на позиции у селения Убенепуза, после упорного боя, сохранил свои позиции. Убит исполнявший должность начальника штаба подполковник Можейков. Правый фланг нашего отряда у деревни Кудязя японцы вчера энергично атаковали, но были отбиты с громадными потерями. Против левого фланга рота японцев была уничтожена перекрестным огнем. У селения Томагушан высота, командующая всей местностью, в течение ночи два раза переходила из рук в руки и после упорного боя окончательно осталась за нами. На Гаотулинскую позицию, главным образом на ее левый фланг, японцы сегодня с утра продолжают атаку большими силами. Против позиций наших у селения Кандолисан наш отряд, под общим начальством капитана Погребнякова, в 3 часа ночи выбил японцев, исключительно штыками, из ханшинного завода. Впереди правого фланга позиции около 4 часов ночи японцы повели наступление, но были отбиты и отошли. Сегодня, с 7-ми часов утра, японцы начали отступление на Путиловскую сопку, обстреливаемую сильным артиллерийским огнем. Генерал Путилов⁷ донес, что первая атака уже отбита. Потери

⁶ Шимоза – разновидность взрывчатого вещества. В тексте этим термином называется фугасный снаряд, начиненный шимозой, благодаря которой поражающий эффект, кроме осколков, давало облако удушливого дыма.

⁷ Путилов Павел Николаевич (1854–1919) – генерал-майор. 22 февраля 1905 г. был назначен командиром 2-й бригады 5-й Восточно-сибирской дивизии. В ходе Мукденского сражения одна из сопкок была переименована в Путиловскую благодаря героизму его войск.

от артиллерийского огня за вчерашний день незначительны. Движение противника долиною р. Ляохе продолжалось. Меры для отражения обхода в этом направлении приняты.

III

На нашем левом фланге атаки японцев на позиции у Мацзяндяна и на Гаотулинском перевале были отбиты. В центре японцы снова овладели мостом на р. Шахе и продолжали обстреливать укрепления на Путиловской сопке огнем осадных орудий. На правом фланге обнаружилось присутствие передовых неприятельских частей,двигающихся вверх по Ляохе. 16-го февраля действия на левом фланге продолжались для нас удачно, весь день и всю ночь велась горячая артиллерийская перестрелка в центре. Попадавшие на наши позиции бомбы давали осколки весом до четырех пудов. Решительных атак в центре не происходило. На правом фланге движение японцев на север продолжалось. Выдвинутый к Хунхе заслон имел жаркое дело с нашими стрелками. Неприятельские главные массы продвинулись вверх по Ляохе. К утру сегодня передовые их части были почти на параллели Мукдена. Ночью на 17-е февраля и весь день идет на этом фланге бой. Японский боковой авангард, по слухам, занял деревню Санлиппу. Сейчас, в девять часов вечера, бой идет по всему фронту. В центре замечается сильная японская сигнализация. Она проектируется на безоблачном звездном небе, как быстро и редко прерываемый электрический свет.

В Мукдене население спокойно. В русском поселке при станции идет горячая работа по формированию и отправлению во все пункты фронта нашего расположения теплушечных санитарных поездов для вывоза раненых, число которых до сего дня незначительно.

Из суммы всех сведений есть основание предположить, что японские армии, демонстрируя на левом фланге и в центре, ведут решительную, крайне смелую и даже дерзкую операцию против нашего правого фланга и ближайшего тыла. Принимаются меры к парированию этого их удара.

Силы японцев, обошедших наш правый фланг, определяются в 80 000 человек. Таким образом, Мукден находится в кольце.

IV

Сегодня, около 3 часов дня, наш отряд, при выходе из селения в 4-х верстах восточнее Санлиппу, встречен был огнем из последней деревни. Движение противника против нашего отряда вскоре было остановлено. Сегодня же противник энергично вел наступление в обхват нашего правого фланга на фронте селений Сахепу–Людзятунь. Японцы после сильной артиллерийской подготовки переходили несколько раз в атаку, но с большими потерями были отбиваемы. Против наших

позиций на фронте Эрдагоу–Кандолисан противник сегодня ограничился артиллерийской стрельбой. Гаотулинскую позицию японцы упорно атаковали и овладели одним из передовых укреплений, из которого были выбиты контратакой. Однако, в виду полного разрушения этого укрепления, оно, по приказанию, было оставлено нами. Левофланговый отряд нашей армии японцы сегодня несколько раз атаковали и в первом часу дня, после рукопашного боя, заняли сопки в центре позиций. Наши части, перейдя снова в контратаку, выбили японцев и утвердились на ближайшем в сопке гребне. Отряд наш у селения Кудяза, отбив, с громадными для японцев потерями, пять яростных атак на его правом фланге, перешел в наступление.

V

Начатое вчера вечером наступление против японцев, занимавших г. Санлинпу и ближайшие к югу деревни, продолжалось сегодня с утра. В то же время к Мукдену прибыли подкрепления. На фронте наших позиций сегодня днем атаки не производились. Они обстреливались только артиллерийским огнем. Позиции левого фронта в районах Янсинунь-Кандолисан японцы атаковали сегодня с раннего утра. Последней, четвертой атакой – в 10 часов утра, с их стороны введено в бой более 20 батальонов. Все атаки отбиты с большими потерями для японцев. По донесению начальника этого участка, масса их трупов осталась перед нашими позициями. В некоторых участках дело доходило до штыков. Гаотулинскую позицию противник атаковал сегодня с утра, но обе атаки отбиты с большими для японцев потерями. Передние ряды японцев, атаковавших правый фланг позиций, одеты были в форму нашего Чембарского полка, находящегося на Гаотулинской позиции. Третья атака на правый фланг позиций также отбита, причем японцы подходили к нашим укреплениям на 200 шагов. Левофланговый отряд японцы атаковали сегодня три раза: в 9 ч. утра, в 3 ч. дня и в 5-м часу. Особенно энергично велась и доходила до штыков последняя атака, но и она отбита с большим для противника уроном. Ранен, но остался в строю начальник штаба 71-й дивизии подполковник Хростицкий.

Вчера от имени Вашего Императорского Величества благодарил молодецкие войска левофлангового отряда. Потери японцев, атакующих наш левый фланг, так велики, что из своих трупов они складывают себе брустверы.

VI

На всем фронте идут бои. Ясно обнаруживается обходное движение японцев на Телин. 17-го февраля неприятельские колонны были: у деревни Синлинпу около дивизии пехоты в Сяоляндиаза два полка и при 12-ти эскадронах и три полка прошли через дорогу Мукден–Синминтин севернее Дафаншена. Весь день шел жаркий бой. К вечеру к левому флангу наших войск, атаковавших Тазыпу–Санлинпу,

подошли подкрепления. Восемнадцатого бой продолжался успешно для нас. Отряд русской пехоты, наблюдающий дорогу на Синминтин, имел дело с превосходными силами японцев, пытавшихся его окружить. Попытка эта не удалась: отряд благополучно отошел к Мукдену. Сегодня, с раннего утра, на этом фланге бой. Слышна сильная артиллерийская стрельба. К югу от Дуньше японцы заняли оставленные нами деревни Даваньганпу и Сухеняпу. Вчера они пытались наступать на фронте Вучжанин–Холентай–Леншиньпу, но были остановлены. В центре 17-го и 18-го продолжалось обстреливание Путиловской сопки и смежных с ней деревень огнем тяжелых орудий. Веденные здесь японцами 4 энергичные атаки были отбиты ружейным и артиллерийским огнем. Потери противника велики. На левом фланге нашего фронта, в районе 1-й армии, неприятелю удалось занять оставленную нами, в виду полного разрушения расположенных на ней укреплений, сопку впереди Гаутулинского перевала. Попытки японцев продвинуться дальше к северу окончились неудачей: они отброшены с огромным уроном. Отряд у Мляндяна выдержал пять атак на свой правый фланг в разрез от войск, защищающих Гаутулинский перевал, и все их отразил. Дело доходило до рукопашной схватки. По слухам, к утру 19-го февраля японцы остановили наступление против нашего левого фланга. Замечается передвижение резервов к центру. По частным сведениям, обходящие нас справа войска принадлежат к порт-артурскому осадному корпусу, значительно усиленному за счет армии Оку⁸. Состав их определяется в 80 батальонов.

Погода отвратительная. Западный сильный ветер поднимает тучи песка, за которым ничего не видно.

VII

На фронте к западу от Мукдена ночь прошла спокойно. Вчера наш отряд на дороге Мукден–Синминтин, в пяти верстах северо-западнее Дашичао, встретил противника, наступавшего с запада. Отряд принял бой. С правого фланга наших армий донесений не поступало. С утра слышна артиллерийская стрельба со стороны селения Сухудзяпу. Против позиций центра тихо, только против участка у Сахепу японцы вечером вели наступление, причем доползли до проволочных заграждений наших укреплений, бросая в них ручные гранаты, но вскоре были отбиты нашим огнем, не успев повредить заграждений. На правый фланг позиции у Кандолисана японская гвардия вчера вечером и ночью на сегодня продолжала упорные атаки. Последняя, десятая атака, отбита в 4 часа ночи. У наших редутов навалены груды японских трупов. На Гаутулинскую позицию вчера с полудня противник

⁸ Оку Ясуката (1847–1930) – барон, генерал-лейтенант, командующий 2-й японской армией в Русско-японскую войну.

приостановил атаки, но вечером ожидалось продолжение их. В отрядах, находящихся на левом фланге наших армий у Кудядзы, замечен был отход частей противника. В боях вчерашнего числа ранены генерал-майор Шатилов⁹ и подполковник генерального штаба Гурко¹⁰.

Сегодня сторожевые части противника, обходящего наш правый фланг, обнаружались между дорогой Мукден–Синминтин и р. Хунхе, верстах в восьми от железнодорожной станции «Мукден». К рассвету 19-го февраля японцами было занято селение Сухудзяпу. Дальше японцы продвигаться не пытались. После упорного боя японцы заняли также селение Ланшанпу. Наступление японцев на позиции Сахепу, начавшееся сегодня, в 5 часов утра, остановлено; неприятель отбит залпами передовых частей. Путиловскую сопку японцы атаковали вчера, в 11 часов вечера и в час ночи, но обе атаки отбиты нашим огнем. На позиции в районе Кандолисана противник возобновлял весьма энергичные атаки вплоть до утра. В 8 часов утра отбита была с большими для японцев потерями последняя, тринадцатая атака. Днем атаки прекратились. На Гаотулинскую позицию вчера около двух часов ночи произведены были две атаки, но обе были отбиты. На крайнем нашем левом фланге ночь и день прошли сравнительно спокойно. Отряд, находящийся у Кудядзы, произвел ночью частное наступление.

VIII

На фронте к западу Мукдена ночь прошла спокойно. На левом фланге этого фронта, на правом берегу Хунхе, впереди селения Мадяну, японцы сегодня утром перешли в энергичное наступление, но обе атаки были отбиты. Бой продолжается на фронте в 6 верст к северу от Мадяпу; бой ведется успешно; все бодры. Центр сохранил свои позиции на Шахе до Сахепу. На Новгородскую и Путиловскую сопки японцы вели ночью атаки, но были отбиты; утром нами произведена была частная контратака, причем захвачено с боя два пулемета. Против позиций в районе Эрдагоу противник ограничивается артиллерийской стрельбой. На позиции в районе Кандолисана японцы, начав атаки вчера, на 9 ч. вечера, вели их всю ночь, подвозя к р. Шахе горные орудия и пулеметы. До утра все атаки отбиты. Гаотулинскую позицию противник атаковал вчера, в 11 ч. вечера, по всему фронту. В 12½ ч. атака была отбита. В отрядах крайнего левого фланга ночь прошла спокойно.

С рассветом начался бой на правом фланге. Японцы наступали на фронт Мадяну–Суютунь–Шандиоза до шести часов вечера. Все атаки отбиты.

⁹ Шатилов Владимир Павлович (1855–1928) –командир 2-й бригады 1-й Сибирской пехотной дивизии (25.03 – 22.09.1904), командир 2-й бригады 9-й пехотной дивизии (22.09.1904 – 13.12.1906).

¹⁰ Ромейко-Гурко Василий Иосифович (1864–1937) – штаб-офицер для поручений при управлении генерал-квартирмейстера Маньчжурской армии. С 26 марта 1904 г. исполнял дела начальника штаба 1-го Сибирского армейского корпуса.

В центре и на левом фланге спокойнее: дело ограничивается артиллерийским состязанием.

По слухам, наша 1-я армия подалась несколько вперед. Путь на Телин не занят противником.

За вчерашний день все атаки японцев на всех пунктах нашего фронта отбиты с полным успехом. В двух случаях наши перешли в контратаку, взяли пленных и пулеметы. На юго-западе наши потери значительнее, чем в других пунктах. Сегодня ожидаются решительные действия на всем нашем правом фланге. Вчера на северо-западе неприятель упорно не отвечал на наш артиллерийский огонь. Ночь засим прошла спокойно, под утро была ружейная перестрелка. Японские передовые части на западе по-прежнему от Мукдена в расстоянии около семи верст. Сегодня артиллерийский бой только-только начался, чему нельзя не радоваться, в виду сильного утомления большинства наших войск, из коих некоторые части дерутся непрерывно почти неделю. Настроение увереннее, но положение продолжает быть крайне серьезным и напряженным. Большинство лавок близ вокзала закрыто.

Японцы, по слухам, усердно распространяют свои прокламации в Мукден.

На левом фланге все многочисленные атаки японцев блистательно отбиты. Неприятельские потери очень велики, наши также значительны. В центре, несмотря на энергичные попытки японцев прорвать его, мы удержали все наши позиции. Вильманstrandский полк произвел блестящую успешную контратаку. Отряд, действовавший у Мадяпу, оттеснил фланг неприятельского обходного корпуса на Синминтин на несколько верст. Несмотря на незажившую еще рану, генерал-адъютант Мищенко¹¹ ездил сегодня на позиции. Начальник отряда следил за ходом боя. В общем положение несколько улучшилось, настроение спокойное. Некоторые лавки торговали после полудня. Завтра ожидается продолжение стихшего теперь боя.

IX

На правом берегу Хунхе противник вел наступление на фронт к северу от селения Мадяпу до селения Нюсинтунь, но все атаки отбиты. Правофланговый наш отряд перешел в наступление севернее селения Нюсинтунь и занял его с боем, но неупорным, и несколько селений к северу от селения Нюсинтунь. На левом берегу Хунхе противник очень упорно атаковал селение Эльтхайза, в двух верстах южнее Мадяпу, но к 7 часам вечера атаки были отбиты. Упорные атаки велись противником и в районе Сахепу, но были отбиты. В районе Путиловской сопки, вслед за контратакой, было произведено частное наступление нашими войсками, взявшими

¹¹ Мищенко Павел Иванович (1853–1918) – начальник Урало-Забайкальской сводной казачьей дивизии.

около 100 японцев в плен. В районе Эрдагоу наступления не было. Несколько атак на левый фланг наших позиций в районе Кандолисана были отбиты. Ранен полковник Румшевич. Сегодня замечен был отход к югу частей противника против правого фланга наших позиций у Гаотулинского перевала, причем наши охотники дошли до селений Шуншуйцзы и Чанхизай, выбив из последнего занимавших его японцев. У деревни Убенепуза противник наседал сильно, но, встреченный перекрестным артиллерийским огнем, отошел на свою первоначальную позицию. Отбита была и атака на правый фланг позиции. У деревни Кудядзы сегодняшний день наши войска продвинулись несколько вперед, заняв с боя высоту, командующую окружающую местностью.

В центре ночь прошла спокойно. Правый фланг наших сил западнее Мукдена сегодня продолжает наступление. Вчерашний день противник направлял все усилия на овладение безымянной деревней верстах в 1½ южнее селения Гуантунь, но сосредоточенным артиллерийским огнем и ружейными залпами с 200 шагов был отброшен. Около 11 ч. вечера отбита была 10-я атака. Артиллерия наша с позиций в районе Эрдагоу своим фланговым огнем содействовала отбитию нами вчера атак в районе Путиловской сопки. Вчера, в 12 часов ночи, японцы повели атаку по всему фронту наших позиций в районе Кандолисана, но в 3 часа ночи все атаки были отбиты огнем. Гаотулинскую позицию противник не атаковал. Перед центром этой позиции исчислено оставленных убитых японцев до 30 офицеров и 2 000 нижних чинов. Часть их нами похоронена. Около 12 часов ночи японцы, после сильнейшей артиллерийской подготовки, снова атаковали наши позиции у деревни Убенепуза. Нашим отрядом у Томагушаня отбито несколько атак противника с большими для японцев потерями. Небольшой наш отряд на крайнем левом фланге, под начальством есаула князя Долгорукова, имел вчера удачное дело при занятии перевала в 10-ти верстах восточнее Кудядзы. Японский эскадрон и полурота отошли в беспорядке, бросив своих убитых и оружие.

А вот еще пишет специальный корреспондент одной распространенной большой газеты:

Сейчас вернулся с передовых позиций северо-западного фронта. Резкий восточный ветер. Части одной сибирской дивизии продвинулись на несколько верст вперед. Неприятель стреляет сравнительно мало, но очень зорко следит за всеми нашими передвижениями. Стоит лишь стрелкам подняться и начать наступать, как передвигающиеся цепи буквально осыпаются шрапнелью, шимозами и пулеметами. Японцы укрепляют каждую деревню, которую займут, насколько успевают; очищенные ими они укрепить не успели. Поэтому едва ли энергичным натиском их в настоящее время возможно будет сразу отбросить на далекое расстояние. Полагаю, что необходимость заставить вести наше наступление постепенно, с большими

трудностями и значительными потерями, особенно в виду совершенно открытой и разоренной местности, на которой ныне ведутся военные операции. Сегодня, несмотря на редкий огонь японцев, в цепи то и дело слышался крик: «Носилки». Было немало раненых и во второй линии. Вот уже десять дней, как офицеры и солдаты одного сибирского корпуса не раздевались, не снимали сапог, оружия, находясь беспрерывно или в бою, или в походе. Положение японцев, несомненно, лучше в этом отношении. Занимая укрепленные, не разоренные еще деревни, они могут держать начеку лишь дежурные части вне времени решительных столкновений. Вообще, по моему мнению, настоящее положение едва ли может разрешиться путем генерального сражения. Выход из него последует разве благодаря целому ряду упорных боев, требующих от нас выдержки, крайней выносливости и некоторого времени. Не нужно забывать большого утомления войск и тяжелых местных климатических условий, утренники доходят до десяти градусов мороза, а войска – под открытым небом.

Армии продолжают сосредоточиваться на мукденских позициях, где и произойдет, вероятно, генеральное сражение. На западном фланге без перемен. Японцы завладели было нашей деревней Юхунтан, но уже к полудню были отбиты. Приехавшего на позиции главнокомандующего приветствовали громовым «ура», выскакивая из-за прикритий, рискуя жизнью.

По слухам, по требованию китайцев, Синминтин очищен японцами.

В Мукдене распространяются японские прокламации, что 25-го числа Мукден будет взят, и война кончится.

Действительно, по последним известиям Мукден будто бы взят после ужасного кровопролитного десяти с лишком дневного боя, но окончится ли этим война – это известно лишь единому Богу!

Главнейший бой происходил к западу от Мукдена в окрестностях Ташичао, расположенного верстах в 14-ти от Мукдена по синминтинской дороге и близ Янсинтуня. К вечеру обе стороны оставались на своих позициях, понеся значительные потери преимущественно от артиллерийского огня.

В центре было сравнительно тихо. На левом фланге японцы продолжали атаковать район Кандолисана и отряд генерала Ранненкампа¹². Сегодня на рассвете обстреливались батареи под Мукденом; артиллерийский огонь достигает большой силы.

Начавшийся с утра артиллерийский бой близ Мукдена на линии Мадяпу–Нюсинтунь продолжался до заката. Равнины, прорезанные неглубокими оврагами,

¹² Ранненкампф (Ренненкампф) фон Павел-Георг Карлович (1854–1918) – генерал-лейтенант, начальник Забайкальской казачьей дивизии. В ходе Мукденского сражения возглавлял Цинхеченский отряд на левом фланге Маньчжурской армии.

могильные холмы, рощи, разрушенные села – все засыпалось шрапнелью и гранатами. Стрельба ясно слышна в Мукдене, а верстах в четырех от него она переходит в сильный гул выстрелов. Состязаются батареи поодиночке и группами. Над батареями рой белых шаров шрапнелей. Целые площади засыпаются шимозами, нащупывающими наши батареи. Сегодня сильный огонь у деревни Янсынтунь; сама деревня горит, зажженная снарядами. Она переходит сегодня из рук в руки. Днем атака была только здесь, в других же местах бой только артиллерийский. Почти все раненные поражены шрапнелью. Местами лежат трупы лошадей с громадными ранами от гранат.

В центре и на левом фланге ночные атаки были отбиты. Особенно упорно японцы атаковали позиции, прилегающие с востока к железной дороге, в районе Кандолисана и в отряде Ренненкампа. Перед Гаотулинским перевалом осталось около двух тысяч японских трупов.

Атаки против русского центра и левого фланга отбиты. На правом фланге положение не выяснено. Генерал Линеви¹³ 21-го февраля отбил 13 атак генерала Куроки¹⁴. Потери японцев более 40 000 человек.

Из последнего донесения генерала Куропаткина видно, что наших доблестных воинов во время страшного десятидневного боя легло больше сорока шести тысяч человек!

Конец

¹³ Линеви¹³ Николай Петрович (1838–1908) – генерал от инфантерии (1903), генерал-адъютант (1905). На Русско-японской войне был командиром 1-й Маньчжурской армии, а затем сменил генерала А.Н. Куропаткина на посту главнокомандующего.

¹⁴ Куроки Тамэмото (1844–1923) – граф, генерал армии, командовал 1-й японской армией.

Тютюкин Станислав Васильевич

**ПРОБЛЕМЫ МОДЕРНИЗАЦИИ РОССИИ В XIX – НАЧАЛЕ XX СТОЛЕТИЯ.
(Материалы к курсу)**

Тютюкин Станислав Васильевич, доктор исторических наук, профессор. В 1958 г. закончил исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова. До сентября 2015 г. работал в Институте истории/истории СССР/российской истории РАН, пройдя за полвека путь до главного научного сотрудника. В 1967 г. защитил кандидатскую диссертацию, в 1983 г. – докторскую. Область основных научных интересов – история России конца XIX – начала XX века, история российского пролетариата, история большевизма и меньшевизма. Автор более 220 научных работ, в том числе семи монографий. В 1995–2007 гг. был главным редактором журнала «Отечественная история», в 1997–1998 гг. исполнял обязанности председателя Научного совета РАН по истории революций в России, с 2013 г. – заместитель председателя Научного совета РАН по истории социальных реформ, движений и революций.

От автора

В основу публикации положены лекции, прочитанные автором на историческом факультете Института переподготовки и повышения квалификации преподавателей гуманитарных и социальных наук при МГУ им. М.В. Ломоносова в 1990-е годы. Были близки к этим лекциям и разделы, подготовленные в начале 2000-х годов по соглашению с Дирекцией Института всеобщей истории РАН для пятого тома «Истории Европы»¹. В 2015 г. данные тексты были значительно дополнены и заново отредактированы автором, который сознательно не касался в указанных лекциях и в «Истории Европы» вопросов военной и внешнеполитической истории, идеологических течений и революционного движения в России в XIX – начале XX в.

Осознание значимости и интереса поднятой в них проблемы для всех, кто занимается историей России указанного периода (это время нередко теперь трактуется, как «Долгий XIX век в российской истории»), побудило автора к завершению начатой полтора десятилетия назад работы и размещению ее в целях широкого доступа в сети Интернет.

Список наиболее интересной литературы по проблемам модернизации России XIX – начала XX в. помещен в конце публикации.

¹ См.: История Европы. М., 2005. Т. 5. С. 132–138, 207–212, 475–484, 553–563.

Преподавателю на заметку

1. Россия к началу XIX века

К началу XIX в. Россия представляла собой огромное полиэтничное евро-азиатское государство имперского типа с населением примерно 40 млн человек, из которых более 90 % жили в сельской местности. При этом Европейская Россия, на долю которой приходилось лишь чуть более четверти территории страны, обладала неизмеримо большим демографическим, экономическим и культурным потенциалом, чем ее азиатская часть. За первую четверть XIX в. границы России еще более раздвинулись за счет завоевания Финляндии, Бессарабии, части Польши и добровольного присоединения Грузии.

В многоукладной экономике страны были представлены примитивно-патриархальные, феодально-крепостнические и раннекапиталистические формы хозяйства. Главной его отраслью было в целом малопродуктивное из-за неблагоприятных природно-климатических условий в основном зерновое (рожь, овес, ячмень) сельское хозяйство, базировавшееся, как и животноводство, на малоэффективном крепостном крестьянском труде (15 млн чел.). В промышленном секторе экономики России преобладало текстильное производство мануфактурного типа, сырьем для которого служили лен, шерсть и привозной хлопок. Характерно, что даже так называемые «вольнонаемные» рабочие той поры представляли собой тех же крепостных крестьян, отпущенных барином на оброк. На металлургических же заводах вообще применялся почти исключительно принудительный труд крепостных и так называемых посессионных (т. е. приписанных казной к данному предприятию) рабочих. Всего в России к началу XIX в. было уже чуть более 2 тыс. различных предприятий, где работали без малого 50 тыс. рабочих, включая 15 тыс. оставшихся в крепостной зависимости от своих помещиков.

На внешний рынок традиционно шли зерно, лес, лен, пенька, а какое-то время и русский чугун, причем особенно интенсивно развивалась торговля с Англией.

По уровню жизни основной массы населения Россия традиционно уступала более развитым странам Запада, что было с древности уже как бы запрограммировано. Виной тому были не очень благоприятная для интенсивного развития земледелия природно-климатическая ситуация на Восточно-Европейской равнине, опустошительные набеги восточных кочевников, длительная недоступность для России выходов к северным и южным морям и затруднительность связей центра страны с ее зауральскими восточными регионами. Даже ссылка на богатство России природными богатствами тоже начала положительно сказываться гораздо позже – в основном в XIX–XX веках.

Не случайно даже за происходившими практически почти во всех странах вспышками социального протеста «низов» против «верхов» общества и самого государства в России давно закрепилось (и сохраняется до сих пор) специфическое

Преподавателю на заметку

название «русского бунта», причем якобы всегда «бессмысленного и беспощадного» (А.С. Пушкин), что далеко не во всех случаях было оправдано.

Перелом во всей ситуации в России наметился лишь в самом конце XVII в., но особенно уже в XVIII в. при Петре I и Екатерине II. Однако догоняла Россия, ставшая уже империей, более цивилизованный Запад по-прежнему довольно медленно и в сложной, очень противоречивой международной обстановке. К тому же не будем забывать, что дело было не только в неблагоприятных природных условиях России, но и в многонациональном и многоконфессиональном составе населения, многоукладном характере ее экономики, что еще более осложняло всю ситуацию.

К началу XIX в. Россия явно запоздала хотя бы с частичной отменой крепостного права и предоставлением всем россиянам (независимо от их национальности) основных гражданских прав. В стране не было веротерпимости, а многочисленное еврейское население западных районов империи находилось в особо унижительном положении, хотя могло бы дать империи немало крайне необходимых специалистов. Кричащим диссонансом с бедностью и почти поголовной неграмотностью населения выглядела роскошь царского, а потом и императорского Двора. Это неравенство в условиях жизни считалось в России чуть ли не естественным, вполне оправданным и даже «вечным».

К началу XIX в. в России еще сохранялась уже явно становившаяся на Западе анахронизмом сословная система, при которой каждый социальный слой (дворянство, духовенство, купечество, мещанство, крестьянство, казачество – всего 68 социально-имущественных групп) обладал определенными правами и обязанностями. «Первенствующим» сословием было дворянство, имевшее привилегию на государственную службу (которая, однако, с 1762 г. уже не была для него обязательной), монополию на владение землей и крепостными крестьянами, право иметь свои корпоративные организации и сословный суд. Наконец дворяне были освобождены от уплаты податей и от телесных наказаний.

Имели свои привилегии также духовенство и купечество. Что же касается государственных и особенно частновладельческих крестьян, составлявших более 80 % населения империи, то они, напротив, имели только обязанности и практически никаких прав. На них ложилась вся тяжесть содержания государственного аппарата и вооруженных сил. Последние состояли в основном из тех же крестьян, на которых прежде всего падало тяжелое бремя рекрутской повинности, на целых 25 лет отрывавшей их от дома, семьи и мирного труда. Подушная подать, взимавшаяся в пользу государства с каждой «души» мужского пола, косвенные налоги, некоторые трудовые повинности, например поддержание в порядке проезжих дорог, но особенно барщина и оброк с помещичьих крестьян, – вот лишь основные виды крестьянских повинностей в пользу государства или их помещиков. Последние

Преподавателю на заметку

имели право практически бесконтрольно наказывать крестьян за любую провинность. Теоретически крестьяне имели право жаловаться на своих господ вплоть до верховной власти, но практически при полном отсутствии в России законов, охраняющих права низших сословий, единственными возможными формами крестьянского протеста оставались побеги, бунты и расправа с наиболее ненавистными помещиками путем самосуда.

Таким образом, нарисованная выше картина положения в России к началу XIX в. была достаточно сложной и противоречивой. В истории империи сочетались огромные размеры и отсталость, прогресс и застой, блеск и нищета. Россия уже в XVIII в. стала остро нуждаться во всесторонней экономической, политической и культурной модернизации и европеизации, без чего ей грозило превращение в страну «второго сорта» и прямая или косвенная зависимость от других, обогнавших ее в цивилизационной гонке европейских стран и США. Проще говоря, России нужно было покончить с крепостничеством и неграмотностью населения, провести глубокую демократизацию страны, радикальную аграрную реформу национального масштаба и индустриализацию империи, не забывая о десятках больших и малых народов, связавших с ней свою судьбу. Об этом и пойдет речь в настоящем очерке.

2. Борьба либеральных и консервативных тенденций в политике российского самодержавия в первой четверти XIX века

Новый век начался в России со становившегося уже редкостью государственного переворота, в результате которого 12 марта 1801 г. императором стал сын Павла I Александр (1777–1825). Не любивший, мягко говоря, отца Александр был любимым внуком Екатерины II, которая сразу же взяла в свои руки его воспитание и даже хотела видеть своим преемником на российском престоле в обход Павла I. Приглашенный из Швейцарии в качестве воспитателя великого князя Ф.С. де Лагарп был по своим убеждениям республиканцем и знакомил будущего российского императора с идеями европейского просвещения и Великой французской революции. Но первое же соприкосновение его воспитанника с российской действительностью, аморальностью екатерининского Двора, взаимной ненавистью бабушки и отца привели к трагическому раздвоению личности Александра, под знаком которой прошла вся его жизнь.

Он получил хорошее, хотя в основном и чисто книжное образование, рано прерванное по желанию бабушки его женитьбой на немецкой принцессе Луизе Баденской. Но счастья юным молодоженам этот брак Амура и Психеи, как их называли при Дворе, не принес, и со временем у Александра I даже появилась вторая семья с замужней польско-российской аристократкой красавицей М.А. Нарышкиной.

Преподавателю на заметку

После довольно неожиданной смерти в 1796 г. Екатерины II, не успевшей провозгласить Александра своим наследником, тот, не найдя с самодуром-отцом общего языка, но хорошо зная об антипавловских настроениях столичного дворянства и заговоре против Павла гвардейских офицеров, фактически санкционировал переворот, оговорив лишь отказ его участников от убийства императора. Однако это условие выполнено ими не было, и Павла задушили, причем вся эта кровавая история, безусловно, нанесла наследнику серьезную психическую травму, так как он стал считать себя косвенным виновником гибели отца. При этом в душе Александра навсегда поселилось чувство страха за собственную жизнь, мешавшее и его государственной деятельности. Характерно, однако, что когда в ту же судьбоносную мартовскую ночь 1801 г. у матери Александра Марии Федоровны вдруг проснулось желание самой царствовать в России, сын решительно пресек все ее попытки в этом направлении.

Накануне коронации Александра, назначенной на сентябрь 1801 г., его не раз посещала мысль, что если он в своем манифесте о вступлении на престол пообещал управлять Россией «по закону и сердцу» бабки – Екатерины II, то не опубликовать ли еще и «Всемиловнейшую грамоту, русскому народу жалуюмую», где будет прямо сказано о защите личности и собственности всех сословий, свободе печати, справедливом суде и т. д., назвав все это «коренным законом страны»? Но природная осторожность императора взяла верх, став на всю жизнь его фирменной чертой, и грамота опубликована не была.

Главными его советниками после восшествия на престол стали «молодые друзья» Александра – русские аристократы В.П. Кочубей, Н.Н. Новосильцев, П.А. Строганов и поляк А. Чарторыйский, составившие так называемый «Негласный комитет» и быстро охладившие реформаторский пыл нового императора, внушив ему, что Россия – это дворянская Россия и торопиться с нововведениями здесь небезопасно. Поэтому при решении коренного в то время вопроса о крепостном праве Александр ограничился полумерами: он прекратил широко практиковавшуюся до него раздачу земель с крестьянами частным лицам, запретил печатать в газетах объявления о продаже крепостных людей и подписал в 1803 г. указ о «вольных хлебопашцах». Указ этот в принципе разрешал помещикам добровольно отпускать на волю за выкуп своих крепостных (поодиночке или целыми деревнями) с обязательным наделением их пашенной землей. Характерно, однако, что за все время царствования Александра I «вольными хлебопашцами» стали менее 50 тыс. крестьян мужского пола. К этому нужно добавить и его разрешение на покупку земель (без крестьян), данное лицам недворянского происхождения.

Бесспорно, до радикального решения крестьянского вопроса в России, т. е. до полной отмены крепостного права, здесь было еще очень далеко, да и сами

Преподавателю на заметку

15 миллионов крепостных крестьян, их господа и государство в целом еще не были в начале XIX в. готовы к этому ни в морально-психологическом, ни в организационном, ни в финансовом плане. Но уже один тот факт, что Александр I нарушил вековое молчание российской власти по этому крайне больному для России вопросу, имело огромное значение. Указы Александра I пробуждали надежды у самих крестьян, будили совесть у части их образованных господ и заставляли о многом задуматься тех, кто стоял тогда во главе государства и без чего сама эта реформа совершиться просто не могла. Сам же император хорошо запомнил урок, преподанный ему его «молодыми друзьями»: проблему крепостного права в России нужно решать только осторожно и постепенно, ни в коем случае не задевая базисных интересов российского дворянства.

Из других первых реформ Александра I отметим преобразование в 1802 г. по европейскому образцу прежних петровских коллегий в министерства, создание Непременного совета из 12 высших сановников империи и некоторое расширение полномочий Сената. Очень важны были и преобразования в области народного образования и просвещения. Речь идет о создании довольно стройной трехуровневой системы учреждений начальной, средней и высшей школы – одноклассных приходских и трехклассных уездных училищ, шестиклассных губернских гимназий и кадетских корпусов. Были также открыты новые Казанский и Харьковский университеты, три лицея (в том числе знаменитый Царскосельский, где учился Пушкин и его друзья), Институт инженеров транспорта и Московское коммерческое училище. В 1804 г. университеты получили внутреннюю автономию, а их профессора – функции квалифицированных и достаточно либеральных цензоров для других печатных изданий.

В целом же осторожный политический курс молодого Александра I в начале его царствования был очень положительно встречен большинством российского дворянства, как бы от имени которого А.С. Пушкин даже назвал первые годы XIX в. в России «дней Александровых прекрасное начало». Однако уже в 1805 г. Александр I крайне самонадеянно ввязался в войну ряда европейских держав, включая Англию, с Наполеоном, быстро ставшим из Первого консула Французской Республики императором Наполеоном I, который буквально рвался к победе над Россией, чтобы превратить ее в своего сателлита в борьбе за полную гегемонию Франции в европейской и мировой политике. Два разгромных поражения российской армии в битвах под Аустерлицем (1805) под командованием самого Александра I и Фридландом (1807) навсегда развеяли мечты российского императора о собственной полководческой карьере и заставили его пойти на заключение летом 1807 г. Тильзитского мира о «дружбе» с Францией. В России же многие увидели в нем национальное унижение и позор своей родины, причем из него вытекала

Преподавателю на заметку

необходимость ее автоматического присоединения к антианглийской континентальной блокаде, что серьезно било по внешнеторговым российским интересам. Поэтому после второго, Эрфуртского свидания двух императоров в 1808 г. дальнейшие отношения России и Франции были уже заморожены, а летом 1812 г. дело дошло до большой войны между ними.

Пока же Александр I, под которым несколько закачался после Тильзита трон, решил, чтобы укрепить свои позиции, использовать полученную там передышку в своих внешнеполитических делах для продолжения начатых и прерванных войной 1805–1807 гг. реформ в России, возложив на этот раз свои главные надежды на нового талантливом помощника – М.М. Сперанского.

Сын провинциального священника, Сперанский вначале пошел по стопам отца, блестяще закончив две духовные семинарии во Владимире и Петербурге. В последней он был оставлен даже в качестве преподавателя, но уже через три года, пережив настоящий духовный кризис, перешел сначала на частную светскую службу, а в 1797 г. стал работать в Сенате. Его исключительные способности, трудолюбие, исполнительность и скромность быстро привлекли внимание тех, кто окружал императора, и с 1802 г. Сперанский перешел на службу в МВД, став там директором департамента. В 1806–1807 гг. произошло и его быстрое сближение со своим главным патроном: Александр I искренне восхищался новым помощником, а тот, в свою очередь, увидел в императоре единомышленника и покровителя, готового, казалось, осуществить все его самые смелые замыслы.

Формально Сперанский, выслуживший к тому времени потомственное дворянство, не поднялся по служебной лестнице выше довольно неопределенной по своим функциям и обязанностям должности статс-секретаря, но фактически стал главным советником императора и вторым лицом в системе государственного управления. Результатом этого недолгого «служебного романа» стало в 1809 г. «Введение к Уложению государственных законов», написанное Сперанским с ориентацией на некоторые западные образцы и с учетом ставших уже более умеренными, чем в молодости, взглядами 32-летнего Александра I.

Сперанский исходил из целесообразности разделения законодательной, исполнительной и судебной власти в Российской империи на всех четырех уровнях – волостном, окружном, губернском и общероссийском. Избирать депутатов в представительные учреждения – Думы – предполагалось лишь в волостях, тогда как Думы более высоких уровней должны были формироваться путем делегирования в них депутатов из Дум нижестоящих. В выборах разрешалось участвовать лишь владельцам земли и недвижимости, включая не только дворян, но и купцов, мещан и даже казенных крестьян. Государственная дума, согласно этому проекту, не обладала правом законодательной инициативы (оно принадлежало только

Преподавателю на заметку

императору) и во многом оставалась по плану Сперанского лишь декоративным украшением абсолютистской системы. Другим – парным к Государственной думе – законосовещательным органом должен был стать Государственный совет, назначаемый лично императором. Власть последнего фактически оставалась, таким образом, неограниченной, но должна была опираться на закон, общественное мнение и уважать их. Эта странная смесь абсолютизма и элементов правового государства в лучшем случае могла бы стать лишь исходной точкой для весьма длительного процесса перехода России от самодержавия к конституционной монархии.

Вместо громоздкой и архаичной сословной системы Сперанский предложил разделить всех россиян лишь на три группы – дворянство, среднее сословие (купцы, мещане, государственные крестьяне) и «народ рабочий» (частновладельческие крестьяне, слуги, ремесленники, «работные люди»). По мнению автора, никто из подданных императора не мог быть наказан без суда, каждый имел право на приобретение собственности, а все повинности россиян подлежали строгой регламентации. Реформатор считал, что крестьяне в принципе, конечно, должны получить личную свободу, но конкретный механизм ликвидации крепостного права и решения земельного вопроса разработан Сперанским с учетом особой осторожности императора так и не был. Конечно, документ Сперанского и в таком виде мог бы сыграть немалую роль в деле модернизации государственного строя России, хотя преувеличивать его радикализм, наверное, не стоит, ибо автор уже твердо решил, что «обгонять» императора в данном вопросе нельзя, так как без него сам он – в сущности ничто. Так или иначе, вопрос об отмене крепостного права в России в 1809 г. решен не был.

Никаких принципиальных замечаний по поводу проекта Сперанского император не сделал, и казалось, что через какие-нибудь пять минут у России уже будет, наконец, первая в ее истории конституция. Однако подписать ее уже готовый проект Александр I без всяких объяснений тогда отказался, причем этой исторической минуте стране пришлось ждать еще почти целое столетие – до весны 1906 г., когда в разгар Первой российской революции это историческое событие все же совершилось.

Пока же 1 января 1810 г. в России указами императора был создан только Государственный совет из 35 членов, а сам Сперанский заслужил должность государственного секретаря и стал директором Комиссии по составлению законов при Госсовете. Дело в том, что он все больше раздражал консервативные дворянские круги, недовольные необоснованным, как им казалось, возвышением этого «выскочки», позволявшего себе критиковать даже императора. Большую роль играл при этом историк и писатель Н.М. Карамзин, знакомый с самим Александром I,

Преподавателю на заметку

его сестрой великой княгиней Еленой Павловной, их матерью императрицей Марией Федоровной и другими членами императорской фамилии. В 1811 г. по инициативе Елены Павловны Карамзин написал и подал императору записку «О древней и новой России», прославляющую идеи Православия и самодержавия как высшей формы власти, поистине спасительной для России. К тому же дворянство, особенно столичное, было недовольно введением Сперанским «экзамена на чин», что больно било и по части государственных служащих, а также особого налога на владельцев крепостных. В итоге отношение к Сперанскому становилось в «верхах» все более враждебным. Да и сам император с подачи завистников и врагов Сперанского часто бывал уже недоволен его якобы «излишней» самостоятельностью (через 100 лет подобные же претензии предъявлялись Николаем II и особенно его женой П.А. Столыпину, «заслонявшему» собой государя).

Скорее всего, однако, главную роль в подготовке падения Сперанского все же играло обострение международной обстановки и появление на внешнеполитическом горизонте все новых и новых грозных туч, говоривших о приближении войны. Поэтому становилось ясно, что соединять дальнейшие реформы и подготовку к войне более чем рискованно. Не случайно уже в феврале 1811 г. проницательный Сперанский сам собирался уже подать в отставку, но император ее тогда не принял. Однако через год, в марте 1812 г., без всякого предупреждения с его стороны Сперанский был отстранен от дел и сослан сначала в Нижний Новгород, потом в Пермь, а затем в свое новгородское имение (в этом случае ему помог сосед по имени Аракчеев). Никаких ясных объяснений монаршего гнева дано Сперанскому при этом не было, а все его попытки как-то письменно оправдаться перед Александром оставались без ответа. Скрашивало ситуацию только то, что вместе с отцом была его дочь.

Молва приписывала Сперанскому чуть ли не шпионаж в пользу Наполеона, что было абсолютной выдумкой, но накануне войны с Францией Александр I действительно предпочел удалить его от своего Двора. Как хороший психолог император понимал, что в противном случае ставшее уже подозрительным для многих россиян одно имя Сперанского, союз России с Францией и оставшиеся лишь на бумаге конституционные реформы в России бросят тень уже и на него.

Что касается причин его ссоры со Сперанским, то не будем забывать о том, что сначала они работали над конституционным актом для России совместно, становясь как бы соавторами этого важного документа, хотя и с далеко не равными правами – «заказчика» (император) и просто талантливого исполнителя (Сперанский). Стоило последнему немного расслабиться и забыть об этом, как Александр I начинал показывать свое неудовольствие, не объясняя при этом его причин. Поэтому Сперанскому нужно было внимательно следить за сложнейшей международной и

Преподавателю на заметку

внутриполитической обстановкой в России, за своими соперниками, недоброжелателями и врагами, а также за настроениями самого Александра I, ибо ничего постоянного и прочного между ними быть не могло. Между тем великий реформатор в этом отношении далеко не всегда был на высоте, позволяя себе в отношениях с императором много лишнего и забывая при этом, что последний – блестящий актер, который может легко очаровать собеседника, но до конца верить которому нельзя. Между тем император сначала стремился во что бы то ни стало привлечь Сперанского на свою сторону, но вскоре как бы спохватываясь, не выглядит ли он по сравнению со своим помощником «круглым нулем» и не нужно ли ему вовремя поставить последнего на место, что он с ледяной вежливостью и делал, не раз обдавая Михаила Михайловича презрительным холодом.

Между тем Отечественная война 1812 г. во многом сильно изменила поведение Александра I по сравнению с войной с Наполеоном 1805–1807 гг., когда он так неудачно лично вмешивался в руководство русской армией. Теперь он по достоинству оценил военный талант и Барклая-де-Толли, и Багратиона, и Кутузова, не пересматривал решения последнего как главнокомандующего, смирился с оставлением русской армией Москвы французам и с ее печально знаменитым пожаром 1812 г., в значительной степени обязанным своим происхождением патриотическим действиям самих ее жителей. Наотрез отказался Александр I от каких бы то ни было мирных переговоров с Наполеоном и довел войну до капитуляции Парижа. Действия российского императора в 1812–1814 гг. в полной мере были подчинены задаче достижения военной и дипломатической победы России, сделавшей лично его на некоторое время «царем царей» во всей Европе.

С выполнением его новой задачи превращения в чисто «русского царя» была во многом связана и кадровая политика Александра I того времени. Он неожиданно для многих назначил на вакантный после отставки 40-летнего Сперанского пост государственного секретаря 58-летнего отставного адмирала и поклонника Карамзина А.С. Шишкова, который как известный ученый-славист должен был готовить для императора документы патриотического содержания, адресованные народу. А в 70 лет тот же Шишков стал в 1824 г. министром народного просвещения, обязавшись воспитывать молодое поколение россиян в «правильном» духе.

Другой же новый фаворит Александра I А.А. Аракчеев был по крайней мере не старше Сперанского, но сравнивать их по уровню интеллекта и таланта было бы просто наивно. Это был небогатый и достаточно ограниченный тверской помещик, который окончил артиллерийский и инженерный шляхетский корпус и начал службу в Гатчине у великого князя Павла Петровича – будущего императора Павла I. Там он и познакомился с его сыном Александром, которого подкупила какая-то «собачья» преданность ему Аракчеева («Без лести предан» гласила надпись на его графском

Преподавателю на заметку

гербе, пожалованном ему за верную службу Павлу, хотя тот дважды увольнял его, однако, со службы). Став императором, Александр I вернул Аракчеева в армию, а в 1808 г. даже назначил военным министром, сделавшим немало полезного для развития русской артиллерии. Наконец с 1810 г. этот временщик возглавил Департамент военных дел Госсювета.

Аракчеев не принимал личного участия в Отечественной войне, так как не переносил подобного физического и нервного перенапряжения всех своих сил (многие, однако, трактовали это как элементарную трусость), но зато стал в Госсювете докладчиком по всем обсуждавшимся там вопросам. Воспользовавшись отсутствием Александра I в Петербурге (он был в заграничных походах русской армии, затем на Венском конгрессе), Аракчеев постепенно сосредоточил в своих руках с согласия императора также руководство работой Комитета министров и императорской Канцелярии, что, видимо, устраивало Александра I, так как он не искал фавориту замены.

Еще до войны Аракчеев получил свыше поручение начать работу по организации в России военных поселений из государственных крестьян, что позволило бы им соединить мирный сельский труд и несение военной службы. Сначала Аракчеев был против этой затеи, правильно считая ее нереальной, но упорство императора взяло верх, и после войны с 1816 г. работа по созданию поселений, несмотря на сопротивление самих поселенцев, была продолжена. Доводов за этот план было несколько: возможность удешевить содержание миллионной российской армии, предоставление поселенцам права заводить семьи и иметь детей, строительство для поселений дорог и мостов, которых в России всегда катастрофически не хватало, и намерение устраивать поселения поближе к западной границе России, откуда ей угрожала наибольшая внешняя опасность. В итоге к концу царствования Александра I в России было уже около 400 тыс. военных поселенцев. При этом Аракчеев неожиданно стал одним из главных приверженцев создания этого вида войск, и когда в 1819 г. в двух полках поселенцев начались волнения, он лично их усмирлял. Существовали же военные поселения до 1857 г., служа лишь для обеспечения армии продовольствием, а кавалерии – фуражом.

Из заграничных походов Александр I привез увлечение мистицизмом и спиритическими сеансами, вызывая, например, даже дух Иисуса Христа (в окружении императора появились и такие фигуры, как баронесса Юлия фон Крюденер). Еще в конце 1812 г. в России стало действовать под покровительством императора Библейское общество, распространявшее книги Священного Писания. Личный друг Александра I князь А.Н. Голицын, который прежде был обер-прокурором Синода, в 1817 г. возглавил Министерство духовных дел и народного образования, просуществовавшее в таком виде до 1824 г. Оно буквально громило за

Преподавателю на заметку

вольнодумство Казанский университет, уволив часть профессоров и установив казарменную дисциплину для студентов, чтобы покончить с их вольнодумством и преподавать все учебные дисциплины на основании истин Священного писания. Гонения на некоторых профессоров прошли также в Харьковском и Петербургском университетах.

Политика веротерпимости начального периода царствования Александра I сменилась жесткой политикой запрещения в 1822 г. в России всех масонских лож и тайных обществ, изгнания из страны иезуитов и т. д. Однако в 1824 г. император сам упразднил министерство Голицына, вернулся к существовавшему прежде Министерству народного просвещения и отправил Голицына в отставку. Это явилось отражением идеологического наступления ревнителей Православия во главе с фанатичным архимандритом Фотием, угодившим на этот раз Александру. Вновь в фавор вошел и упоминавшийся выше Шишков.

Отражением явного поправения взглядов Александра I в последние годы его царствования явилась и дальнейшая судьба Сперанского. С одной стороны, как бы доказывая тем самым вздорность прежних обвинений в его адрес, явились назначения его в 1816 г. Пензенским гражданским губернатором, в 1819 г. – Сибирским генерал-губернатором, а в 1821 г. (видно, не без протекции Аракчеева) он вернулся в столицу. Там он стал чем-то вроде секретаря этого временщика, причем возобновившиеся были личные встречи Сперанского с императором в 1823 г. прекратились. Занимался же Сперанский и руководством Комиссии по составлению законов, и делами, связанными с военными поселениями, но прежнего положения при Дворе он уже больше не занимал.

Совсем не либеральный характер внутренней политики Александра I в 1820-е годы проявился, например, в подавлении беспорядков в гвардейском Семеновском полку, где солдаты отказались служить под командованием нового командира полковника Шварца. Он стал применять телесные наказания даже к ветеранам полка, запретил зарабатывать солдатам деньги на улучшение своего питания и т. д., что вызвало в полку нездоровую атмосферу. В итоге полк был раскассирован, солдат разослали по другим гарнизонам на Кавказе и в Сибири, а ряд офицеров даже арестовали, причем все это было сделано с ведома самого Александра I.

Возникает законный вопрос: неужели император начисто забыл в те годы о своих прежних реформаторских начинаниях? Истины ради отметим, что время от времени Александр как будто сбрасывал с себя какое-то оцепенение и вспоминал о необходимости некоторых нововведений. Но бывало это редко и оставалось обычно только на уровне проектов. Так, в 1815 г., чувствуя ненормальность польско-российских отношений после разделов Польши при Екатерине II и закрепления этого решения на международном Венском конгрессе 1814–1815 гг., Александр I

Преподавателю на заметку

решил наконец дать «своим» полякам довольно либеральную по тем временам конституцию. Это и было сделано им в ноябре 1815 г., причем в марте 1818 г., выступая при открытии Сейма в Варшаве, император публично намекнул, что собирается сделать то же самое и по отношению к другим подвластным ему областям империи. Это породило многочисленные надежды российских демократических и либеральных кругов на то, что в их число войдет и сама Россия, но реально Александр I опять ничего так и не сделал.

Вторым примером того же рода является секретное поручение, данное Александром I в 1818 г. двенадцати русским сановникам (П.Д. Киселеву, Аракчееву и др.), разработать проекты отмены крепостного права в России с соблюдением двух главных условий – постепенности проведения реформы и отказа от ущемления интересов помещиков. Аракчеев, в частности, – а его проект был одним из самых интересных – предлагал произвести поэтапный выкуп помещичьих крестьян казной с землей (2 десятины на ревизскую душу на условиях аренды с возможностью в дальнейшем выкупа в собственность и других участков). Выкуп позволил бы помещикам избавиться от долгов и наладить свое хозяйство на рациональных началах. Однако никаких объяснений своего отказа от проведения реформы авторам указанных проектов императором дано даже не было.

Правда, в Прибалтике (Эстляндия, Курляндия, Лифляндия), которая для Александра I давно уже была неким «полуевропейским» испытательным полигоном при решении в России крестьянского вопроса, крестьяне в 1816–1819 гг. получили личную свободу, но только смехотворный надел в 2 дес. земли, к которым в дальнейшем можно было прикупить у помещика еще и дополнительный участок, что позволило бы продлить существование зависимости крестьян от бывших владельцев еще на неопределенное время.

Наконец третьим примером аналогичных колебаний Александра I был его отказ от подписания фундаментальной «Государственной Уставной грамоты Российской империи», тщательно разработанной в 1819–1820 гг. в Варшаве по его поручению под руководством еще одного «друга юности» Новосильцева. Она представляла собой некую Конституционную хартию Российской империи, где провозглашались основные права россиян и равенство всех ее граждан перед законом. Этот важный и гораздо более детализированный по сравнению с упоминавшимся выше проектом Сперанского документ, составленный без предварительной огласки тайно в Варшаве под руководством товарища министра юстиции Новосильцева при участии французского юриста Першар-Дешана, предусматривал превращение России в конституционную парламентскую монархию, все граждане которой получали свободу слова, совести, печати, а их личность считалась неприкосновенной. Частная собственность тоже торжественно

Преподавателю на заметку

объявлялась в России священной и неприкосновенной. Предполагалось, что территория империи будет разделена на несколько наместничеств, объединенных на федеративных началах. Однако ко времени окончания работ над проектом ситуация в Европе и в самой России опять изменилась в худшую сторону. Революции в Испании, Португалии и Италии, а также уже упоминавшийся бунт в гвардейском Семеновском полку быстро отрезвили Александра I. К нему стали поступать и доносы о возникновении в российской офицерской среде тайных обществ будущих декабристов. И хотя император не торопился с репрессиями, хорошо понимая, что заговорщики в сущности хотели бы осуществить лишь то, что было раньше задумано, но не сделано им же самим, его реформаторский пыл снова угас.

События 1825 года – последнего года в жизни Александра I – породили легенду о том, что он тайно и добровольно отрекся от престола и ушел в частную жизнь под именем «старца» Федора Кузьмича. После смертей в 1824 г. любимой сестры Екатерины и единственной остававшейся в живых взрослой дочери Софьи (от его многолетней связи с М.А. Нарышкиной) и ноябрьского наводнения на Неве Александр уехал летом 1825 г. из Петербурга в небольшой городок Таганрог у Азовского моря, где после несколько таинственного примирения со своей упоминавшейся выше официальной супругой Елизаветой Алексеевной они поселились вместе в небольшом домике, который он сам заранее выбрал для них. Жена была тяжело больна, нуждалась в лечении вблизи моря и в интересах экономии средств (!) выбрала Таганрог вместо дорогостоящей поездки в Италию.

Однако Александр, выезжая по делам из Таганрога в Крым, подхватил лихорадку и, вернувшись опять к жене, слег в постель и скончался 19 ноября 1825 г. Похоронен же он был только через 4 месяца в Петербурге в Петропавловском соборе, как и полагалось в России императору. Елизавета Алексеевна тоже направилась из Таганрога в столицу, но по дороге умерла в г. Белеве и была похоронена в Петербурге. Эксгумация останков Александра I никогда не производилась, и его физический внешний облик по этим останкам не воспроизводился. Сходство «старца» Федора Кузьмича с императором Александром I было весьма отдаленным, и к легенде о нем интерес был в конце концов потерян, тем более что в последующем ходе российской истории эта легенда большой роли уже не играла.

Финалом 25-летнего царствования Александра I и прологом к воцарению его брата Николая стала неудачная попытка военного переворота, предпринятая в декабре 1825 г. группой патриотически настроенных молодых русских офицеров, командовавших несколькими тысячами солдат. Их выступления сначала 14 декабря на Сенатской площади Петербурга, а затем в конце декабря 1825 – начале января 1826 г. на Украине были последним актом их многолетнего оппозиционно-

Преподавателю на заметку

революционного движения, получившего у современников и в историографии название движения декабристов.

Они хотели установить в России конституционную монархию или даже республику, ввести гражданские свободы и отменить крепостное право. Помимо их лидеров и идеологов, прямое или косвенное участие в движении декабристов приняли около 600 военных и примкнувших к ним гражданских лиц, не считая многочисленных сочувствующих («декабристов без декабря»), количество которых, естественно, определить просто невозможно. При этом сами декабристы в интересах конспирации и не стремились слишком расширять свои ряды и тем более вовлекать в движение народные массы, будь то солдаты или крестьяне. Совершенно очевидно, что пресловутый «русский бунт» с его непредсказуемыми последствиями пугал их не меньше властей и основной массы дворянства.

Идеология декабризма складывалась под влиянием идей европейского и русского Просвещения и Великой французской революции XVIII в. Его сторонники гордились ведущей ролью России в разгроме Наполеона и одновременно возмущались той нищетой и бесправием, в условиях которых жило большинство россиян, особенно крестьяне. Учитывали они также опыт российских масонских лож и тайных антиправительственных организаций 1820-х гг. в Испании, Португалии, Греции, Италии и некоторых других европейских странах.

Первая, еще преддекабристская организация «Орден русских рыцарей» возникла в 1814–1816 гг. среди участников заграничных походов русской армии. Затем уже в самой России последовательно сменяли друг друга «Союз спасения», «Союз благоденствия» и наконец оформившиеся в 1821–1822 гг. Южное и Северное тайные общества. Первое было более радикальным по своей программе и тактике и состояло из офицеров, проходивших службу на юге России. Возглавлял его полковник П.И. Пестель. К южанам присоединилось затем и Общество соединенных славян. Северное общество объединяло главным образом гвардейских офицеров столицы, но накануне декабрьского выступления 1825 г. самой яркой фигурой среди его руководителей стал поэт К.Ф. Рылеев.

Характерно, что правительство знало из доносов о существовании этих тайных заговорщических организаций, но вплоть до самого последнего момента не принимало против их участников репрессивных мер, то ли опасаясь неблагоприятного для себя общественного резонанса, то ли потому, что сам император чувствовал определенную моральную ответственность за то, что своим либерализмом в начале царствования пробудил у россиян так много не сбывшихся надежд и ожиданий свободы.

Политические взгляды декабристов варьировались от крайнего радикализма, республиканских убеждений и готовности к цареубийству до умеренного

Преподавателю на заметку

либерализма, от интернационализма до великорусского национализма и от полного атеизма до ортодоксального Православия. Существенные оттенки были и в программных документах декабристов, хотя им были присущи и общие антисамодержавные и антикрепостнические черты.

«Конституция» Н.М. Муравьева (Северное общество) предусматривала провозглашение в России конституционной монархии с делением территории страны на 15 крупных регионов, объединенных в федерацию. В общероссийском масштабе власть должна была осуществляться двухпалатным парламентом и императором, обладавшим правом вето в отношении любых принятых парламентом решений. «Русская правда» Пестеля, работа над которой закончена так и не была, декларировала создание в стране парламентской республики (члены императорской фамилии подлежали уничтожению), где все россияне, достигшие 18 лет, получали равные избирательные права. Но сначала России, по плану Пестеля, предстояло пережить переходный период революционной диктатуры, осуществляющей «цензуру нравов» и опирающейся на огромный полицейский аппарат. Единственной религией для всех россиян объявлялось Православие, а евреев, по мнению автора, следовало бы выселить из пределов России либо заставить отказаться от своей религии и обычаев. Однако диктаторские замашки и неразборчивость Пестеля в средствах достижения поставленной цели вызвали резкий протест со стороны многих его товарищей и в конечном счете помешали намечавшемуся слиянию Южного и Северного обществ. Это негативно сказалось на судьбе всего движения, закончившегося казнью пятерых его руководителей и ссылкой в Сибирь более сотни других участников, а также наказанием солдат, вышедших 14 декабря 1825 г. на Сенатскую площадь в Петербурге.

Что касается решения аграрного вопроса, то Муравьев сначала предлагал освободить крестьян вообще без земли, а потом дать им надел в размере всего 2 десятин. Пестель пытался соединить принцип уравнительного распределения земли между всеми желающими на ней работать (для этого подлежали конфискации поместья царской семьи и крупнейших помещиков, а также земли монастырей). Предполагалось вместе с тем создание земельного фонда для «достижения изобилия», причем он базировался бы на принципе частной собственности на землю, которую могли сохранить и помещики. Характерно, что о «черном переделе», о котором мечтали крестьяне, никто из идеологов декабризма не говорил.

Выступление заговорщиков в декабре 1825 г. было искусственно ускорено неожиданной смертью в ноябре в Таганроге бездетного императора Александра I. По неизвестным причинам он не сделал при жизни достоянием гласности факт отказа от престола своего брата Константина и перехода всех прав на императорскую корону к следующему по старшинству брату Николаю. Когда же

Преподавателю на заметку

завещание Александра было все-таки вскрыто, то группа находившихся в Петербурге генералов заставила Николая принести присягу Константину, мотивируя это тем, что гвардия Николая не любит и не поддержит. Однако Константин настаивал на своем отречении, власти в стране фактически не было, и в результате возникла ситуация, когда декабристы получили некоторый шанс выступить как бы в поддержку Константина, а на самом деле самим захватить власть.

Когда же дело дошло до попыток реализации их замысла, то декабристы из Северного общества сделали это наспех, без тщательной подготовки и, столкнувшись с сильной волей и жестокостью Николая Романова, защищавшего себя, свою семью и весь самодержавный режим, быстро капитулировали, погрузив мыслящую Россию в состояние глубокого шока, для выхода из которого стране понадобились многие десятилетия.

В связи с этим нужно сказать, что достаточно неожиданная смерть Александра I да еще вдали от Петербурга в Таганроге, отсутствие в России четко прописанного закона о престолонаследии, бездетность императора, отсутствие оперативной связи между Таганрогом, Петербургом и Варшавой, где находился великий князь Константин Павлович (остававшийся официальным наследником престола, но не желавший принять корону Российской империи), отсутствие в военной и государственной элите страны единой точки зрения по вопросу о том, кто будет следующим российским императором, и, наконец, наличие революционной организации (Северного и Южного обществ заговорщиков) – все это затрудняло в ноябре–декабре 1825 г. решение вопроса о преемнике Александра I и означало определенный временный кризис власти в России, так как тогда в императорской семье не оказалось человека, которого заранее готовили к роли будущего венценосца, что очень затрудняло на первых порах положение нового императора Николая I.

3. Апогей самодержавия во второй четверти XIX века

Третьему сыну Павла I Николаю (1796–1855) из-за отказа старшего брата Константина, женатого морганатическим браком на польке, предстояло стать после Александра I следующим российским императором, хотя практически он не был заранее к этому подготовлен. Николай отличался очень красивой внешностью немецкого типа, отменным здоровьем, прекрасной военной выправкой и почти двухметровым ростом. Поскольку его не готовили к принятию монаршего сана, на образование великого князя не обращалось большого внимания, что лишь частично восполнялось у него природным умом, смелостью, твердым характером и глубоким религиозным чувством.

Преподавателю на заметку

Николай с малых лет был определен в военную службу и в полтора года стал уже полковником, а в 29 – командовал гвардейской дивизией. При этом особые способности Николай проявлял в инженерном деле, иногда сам называя себя инженером. Но он не пользовался популярностью в войсках ни среди офицеров, ни среди солдат, не отличаясь ни чувством искреннего товарищества среди первых, ни заботливостью о вторых. Николай держал себя с подчиненными довольно высокомерно и сухо, что находило отражение и в общественном о нем мнении.

Будущего императора отличали высокое самомнение, самоуверенность и командный тон при общении с окружающими, хотя он был действительно смел и решителен в острых и опасных жизненных ситуациях. Достаточно напомнить, как в 1831 г. Николай в одиночку подавлял холерный бунт на Сенной площади в Петербурге.

Великому князю Николаю предстояло стать в дальнейшем в династии Романовых лишь одним из ее второстепенных членов, но судьба уготовила ему совсем другую участь вершителя судеб многих миллионов россиян в качестве их верховного коронованного вождя и видного политика международного уровня. Таков был тот человек, который утром 14 декабря 1825 г., уходя на Сенатскую площадь, даже не был уверен, что вернется вечером к своей семье, а наутро следующего дня неожиданно для себя оказался первым человеком в Российской империи.

Несмотря на то, что между Николаем и Александром Романовыми никогда не было теплых братских отношений (сказывалась их разница в возрасте в 19 лет), младший брат никогда открыто не критиковал старшего, видимо, считая, что это подорвет престиж династии в целом. Больше того, в 1834 г. на Дворцовой площади Петербурга был водружен существующий и поныне грандиозный памятник Александру I, увенчанный бронзовой фигурой Ангела, как называли Александра I в семье (Александрейский столп).

Однако в 1826 г. в руках Николая I после смерти вдовы брата Александра Елизаветы Алексеевны (о ее сложной судьбе уже говорилось выше) оказался ее дневник на французском языке с подробным описанием, в частности, и ее романа 1826–1827 гг. с красавцем-кавалергардом Алексеем Охотниковым. Он закончился трагической гибелью последнего и рождением их дочери, которую Александр I вынужден был во избежание огласки и неизбежного скандала признать своим ребенком (уже в 1808 г. девочка умерла). Охотников же был ранен неизвестным мужчиной ударом кинжала и через несколько дней умер, причем Елизавета Алексеевна перед смертью трогательно с ним еще успела проститься. Инициатором же убийства Охотникова был, по всей видимости, великий князь Константин Павлович, тоже влюбленный в Елизавету, но отвергнутый ею.

Преподавателю на заметку

Эта трагическая история, рассказанная в дневнике Елизаветой Алексеевной, неожиданно вызвала гнев Николая I, который сжег дневник (пересказав перед этим содержание всех любовных эпизодов собственной жене), чтобы не дискредитировать династию Романовых в глазах возможных будущих читателей этого документа. Тем не менее сам факт романа императрицы и Охотникова все же дошел до нас, не вызвав, однако, той возмущенной реакции читателей, которой напрасно так опасался Николай I.

Став императором, Николай I должен был решить вопрос о своей команде для управления Россией и, в частности, о судьбе М.М. Сперанского. Еще утром 14 декабря кто-то из заговорщиков на случай успеха восстания успел сообщить последнему о желании декабристов видеть его в составе будущего Временного революционного правительства, но никакого определенного ответа тогда на это рискованное предложение от Сперанского не получил, страшно заинтриговав этим Николая I. Когда же с попыткой восстания было покончено, новый император все же решил выяснить у самого Сперанского, замешан ли он был в заговоре или нет? Сперанский предпочел начисто отречься от своей идейной близости с декабристами, а император решил поверить на слово нужному ему талантливому советнику, хотя и то, и другое было верно лишь отчасти. В итоге же Николай I дал Сперанскому важное поручение – составить текст манифеста по случаю казни пятерки декабристов, назначенной на 13 июля 1826 г., когда следствие по их делу было закончено.

В день казни руководителей декабристов был издан написанный Сперанским манифест, где осужденные были прямо названы преступниками, смерть которых достойна их преступления. «Отечество очищено от следствия заразы, столько лет среди его таившейся... В государстве, где любовь к монархам и преданность престолу основаны на природных свойствах народа, где есть отечественные законы и твердость в управлении, тщетны и безумны всегда будут усилия злонамеренных... Не в свойствах, не в нравах российских был сей умысел... Сердце России для него было и будет неприступно. Не посрамится имя русское изменою престолу и Отечеству». Употреблялись Сперанским и такие выражения, как «мятеж», «изверги» (применительно к декабристам) и т. д. В итоге подозрения Николая I были со Сперанского окончательно сняты, и он получил поручение (а точнее приказ) императора систематизировать все прежнее и текущее российское законодательство, но не готовить никаких новых законов.

Формируя свою управленческую команду, Николай I в угоду общественному мнению сразу же отправил в отставку Аракчеева, хотя к основным принципам его политики относился вполне сочувственно. Решил он оставить в правительстве двух главных министров-немцев – руководителя внешней политики К.В. Нессельроде и министра финансов М.Х. Рейтерна, выдвинувшихся еще при Александре I. Доверием

Преподавателю на заметку

Николая пользовались и еще несколько заслуживших благосклонность покойного императора деятелей – В.П. Кочубей, А.С. Шишков и др. Но характерно, что когда в конце 1826 г. был сформирован тайный особый комитет для разборки бумаг покойного императора на предмет их использования в практике работы по управлению государством, то оказалось, что ничего заслуживающего внимания Николая I среди них якобы не нашли, хотя там были и документы об отмене в России крепостного права, чего новая российская власть делать явно не собиралась.

Поэтому у нового российского императора, который интуитивно начал руководствоваться известной формулой французского короля Людовика XIV «Государство – это я» (хотя возможно, что он ее точно и не знал, но додумался до чего-то подобного и сам), возникла мысль использовать для контроля за работой госаппарата императорскую Канцелярию, существовавшую в России еще со времен Павла I и Александра I. Ее первое Отделение было призвано следить за сбором прошений россиян своему императору, их передачей по назначению и ответами на них самодержца. Теперь же сотрудникам этого отделения предстояло еще ежедневно собирать отчеты всех ведомств об их текущей работе и в случае необходимости оперативно докладывать обо всем императору. Поручения при этом давались генерал- и флигель-адъютантам, которым император доверял больше, чем другим. По результатам следствия над декабристами он приказал составить перечень всех наиболее важных критических замечаний заговорщиков в адрес власти и их конкретных предложений, к которым сам Николай собирался так или иначе прислушиваться.

Большое значение придавал он и второму Отделению Канцелярии (руководитель М.А. Балугьянский), где ее молодым сотрудникам под руководством Сперанского предстояла гигантская работа по составлению к 1830 г. «Полного собрания законов Российской империи» в 45 томах, а к 1832 г. – «Свода действующих законов Российской империи» за время от 1649 до 1825 г. в 15 томах, что Сперанский считал «главным делом своей жизни». В 1839 г. он был возведен императором за все его труды в графское достоинство, а сам император очень гордился работой, проделанной в отделении.

Но наиболее серьезной частью всей работы по совершенствованию структуры и расширению обязанностей императорской Канцелярии было создание в ней в июле 1826 г. по инициативе и докладу императору участника Отечественной войны и заграничных походов 1813–1814 гг. боевого генерала А.Х. Бенкендорфа ее III Отделения, занимавшегося вопросами государственной безопасности и руководством тайной полицией в России. При этом Бенкендорф занял совершенно особое положение при Николае I, заслужив его полное доверие и даже став личным другом императора. Ведь Николай I не забыл, кто был рядом с ним на Сенатской

Преподавателю на заметку

площади при подавлении восстания декабристов, а после их ареста вел вместе с А.И. Чернышевым следствие по делу важнейших заговорщиков.

Простой перечень потенциальных нарушителей российских порядков, как это представлялось Бенкендорфу, был довольно большим и разнообразным. Он включал не только революционеров, но также писателей и ученых, которые легче могли проникнуться прозападными настроениями, сектантов, фальшивомонетчиков и т. д. Специально выделялась задача следить за «народным духом» в империи, не забывать о недостатках российской бюрократии и особо обращать внимание на настроения крестьянства и состояние цензуры в России. III Отделение должно было составлять ежегодные отчеты о положении дел в империи лично для императора. При этом в распоряжении III Отделения была целая сеть тайных агентов как внутри России, так и за границей.

Бенкендорф примерно 15 лет занимал вплоть до своей смерти в 1844 г. особое место в николаевской бюрократии. Чего стоят одни только его неоднократные поездки в коляске вместе с императором по России. Лишь очень редко Николай I позволял себе пенять другу за некоторые упущения по службе. Так, в 1837 г., ценя А.С. Пушкина как «умнейшего человека» в России, он упрекнул Бенкендорфа за то, что тот и его люди допустили дуэль поэта с иностранцем Ж. Дантесом с ее трагическим исходом.

Элита российской творческой интеллигенции закономерно пользовалась повышенным вниманием со стороны III Отделения. Несмотря на его строгий «присмотр» за отечественными сочинителями, к российской читающей публике все же прорывались многие достаточно смелые литературные и научные сочинения того времени, например «Ревизор» и «Мертвые души» Н.В. Гоголя, критические статьи В.Г. Белинского, а также философские и художественные произведения А.И. Герцена, которого Николай I в конце концов все же «выпустил» из России за границу. Император лично «опекал» и любил давать советы чисто творческого характера А.С. Пушкину и великому художнику Карлу Брюллову, подолгу беседовал с известными архитекторами К. Росси, О. Монферраном, К. Тоном, лично слушал с семьей русские национальные оперы М.И. Глинки: патриотического «Ивана Сусанина» и сказочную «Руслан и Людмила» (последняя опера почему-то не понравилась Николаю I).

Тем не менее поэт М.Ю. Лермонтов за свое распространявшееся в списках по Петербургу в 1837 г. ультрасмелое стихотворение «На смерть поэта» был сразу же выслан на Кавказ, где и погиб на дуэли. А философ П.Я. Чаадаев за резкий отзыв о Православии, освятившем, по его мнению, своим авторитетом «ужасную язву» – крепостное право, был объявлен лично Николаем I «сумасшедшим», а публикация его произведений впредь запрещена, причем журнал «Телескоп», где в 1836 г.

Преподавателю на заметку

появилось первое «Философическое письмо» автора, был закрыт. При этом Чаадаеву Николай I припомнил и то, что тот был членом Северного общества декабристов и избежал наказания за это только благодаря своему отъезду еще до восстания из России за границу.

В штате III Отделения первоначально числились в 1827 г. всего 16 сотрудников, а в 1856 – 30, что вызывало у многих чувство настоящего восхищения. Кроме того, в апреле 1827 г. при III Отделении был создан Корпус жандармов численностью сначала в 4,1 тыс., а в 1856 г. – в 6 тыс. человек, ибо речь шла не только о наблюдении за противоправными действиями, но и об их оперативном пресечении. Вся Россия (за исключением Польши, Финляндии, Области Войска Донского и Закавказья) делилась на 5–8 жандармских округов, которыми командовали генералы, а каждый округ – на отделения во главе со штаб-офицерами. Шефом Корпуса жандармов, как и начальником III Отделения, был все тот же Бенкендорф, которого после смерти сменил граф А.Ф. Орлов – сын одного из 5 братьев Орловых, попавших в фавор при Екатерине II за помощь в ее воцарении.

IV, V и VI Отделения императорской канцелярии, возникшие соответственно в 1828, 1835 и 1843 гг., ведали воспитательными и благотворительными учреждениями, подготовкой реформы в государственной деревне и следили за ходом Кавказской войны.

Обращает на себя внимание и тот факт, что Бенкендорф со всей прямоотой не раз предупреждал императора в 1830-х гг., что «весь дух народа» направлен только к одной цели – освобождению, что крепостное право – это пороховой погреб под государством, что войско тоже состоит из крестьян и это может быть использовано «беспоместными дворянами из чиновников», т. е. революционерами. Все эти места в отчетах III Отделения Николай I постоянно брал на заметку, так как Бенкендорф без всякого страха писал ему, что «что-то» с крепостным правом в России делать надо, но что и когда – должен решать сам «хозяин».

Была и еще одна форма подготовки решений императора по наиболее сложным вопросам российской жизни – рассмотрение их в Секретных комитетах с участием самого Николая I или наследника престола, а также наиболее опытных государственных деятелей. Выше уже шла речь о Секретном комитете 6 декабря 1826 года, материалы которого Николай I использовал для выработки своей политической линии в начале царствования. Но особенно часто в дальнейшем император собирал Секретные комитеты по крестьянскому делу, заседавшие в 1828, 1830, 1835, 1839, 1840, 1844, 1846 и 1848 гг.

Между тем Бенкендорф, к которому в III Отделение стекалась подробнейшая информация о всех крестьянских волнениях и открытых антипомещичьих выступлениях, в 1839 г. прямо в годовом отчете своего ведомства императору

Преподавателю на заметку

предупреждал: «Простой народ ныне не тот, что был за 25 лет перед сим. Вообще крепостное состояние есть пороховой погреб под государством, и тем опаснее, что войско составлено из крестьян же». Правда, многого от работы Секретных комитетов с годами уже Николай I не ждал, так как в 1842 г. на заседании Госсовета сам откровенно признал: «Нет сомнения, что крепостное право в нынешнем его положении есть зло для всех ощутительное и очевидное, но прикасаться к нему теперь было бы делом еще более гибельным, и всякий помысел о даровании свободы крепостным людям был бы преступным посягательством на спокойствие государства». В итоге крепостное право в России Николаем I отменено так и не было.

Тем не менее практика созыва Секретных комитетов продолжалась, и император, видимо, хотел периодически получать подтверждения правильности своей стратегической линии, суть которой состояла в том, чтобы главный вопрос о судьбе крепостного права в России не затрагивать, прикрываясь для этого более частными, производными от него вопросами, связанными с некоторым «ремонтом» существующего положения в деревне. Намечен был и ближайший объект реформы – казенная деревня – и исполнитель императорской воли – генерал П.Д. Киселев.

Выбор императора оказался удачен: Киселев был боевым генералом, героем войны 1812 г. и флигель-адъютантом Александра I, которому он еще в 1819 г. представил записку о путях решения крестьянского вопроса в России. Духовно он был тогда близок к декабристам, хотя и не состоял в их революционных организациях. Разгром же декабристского движения сразу отбросил Киселева на сторону власти, и с 1835 г. он уже входил в состав всех Секретных комитетов по крестьянскому вопросу, заслужив от императора Николая I даже шуточный «титул» начальника его штаба по крестьянской части. Поэтому даже решение по предложению министра финансов Е.Ф. Канкринна довольно ограниченной задачи – наведение порядка в одной только государственной деревне с несколькими миллионами крестьян мужского пола, т. е. примерно трети всего податного сельского населения России, имело немалое значение и для всего российского крестьянства, и для бюджета страны, куда поступали подати.

Киселев начал в 1836 г. с ревизии положения государственных крестьян в 5 разных губерниях, по результатам которой Николай I создал в самом конце 1837 г. Министерство государственных имуществ во главе с Киселевым, ставшее попечителем «свободных сельских обывателей» (т. е. государственных крестьян) в масштабе всей России. В задачу задуманной реформы входили: дополнительное наделение таких крестьян землей из государственного земельного фонда или организация в случае необходимости их переселения в другие губернии для

Преподавателю на заметку

«разрядки» сельского населения на старых местах их проживания; упорядочение оброчного обложения государственных крестьян; улучшение приемов земледелия.

Государственные крестьяне не могли не почувствовать, что 200 тыс. совсем безземельных из них получили 1,5 млн десятин земли, более 230 тыс. крестьян были переселены в другие губернии с предоставлением им 2,5 млн десятин земли. Кроме того, малоземельным было прирезано до 3,4 млн десятин, что было достаточно ощутимо. Довольно быстро была создана и новая система управления государственной деревней, вводилось выборное сельское и волостное самоуправление, были созданы судебные «расправы» для разбора мелких крестьянских тяжб. Для опеки над государственными крестьянами в каждой губернии, где они жили, создавались Палаты государственных имуществ. Сохранялась крестьянская община и периодические переделы земли, а оброчная повинность государственных крестьян стала строго соотноситься с реальной доходностью их наделов, так как прежде нередко имевшее место несоответствие размеров надела его доходности и налагаемого оброка сильно возмущали Киселева.

В государственной деревне создавались кредитные кассы для крестьян, выдававшие нуждающимся ссуды на льготных условиях. В деревнях вводилась общественная запашка для создания зерновых резервов на случай неурожая – всего по России их было больше 3 300, но самим крестьянам это не нравилось, как и принудительные посадки картофеля, которые после массовых крестьянских волнений даже пришлось затем отменить. За 20 лет в государственной деревне были созданы 2,4 тыс. сельских приходских училищ, причем по настоянию Киселева открывали училища и для крестьянских девочек. Под присмотром государственных чиновников создавались также образцовые государственные фермы, где крестьяне могли получать новые агрономические навыки. Однако первоначальные надежды Киселева на то, что вслед за успехами указанных преобразований в государственной деревне их начнут распространять и в деревне частновладельческой, не оправдались. Тем не менее Киселев очень ответственно подошел к решению поставленной ему императором задачи, так что его реформаторская деятельность в 1837–1841 гг. была отнюдь не напрасной.

Дополнительно принятые правительством указы об «обязанных крестьянах» (1842 г.), предоставлении помещичьим крестьянам права выкупа при продаже имений их хозяев за долги с публичных торгов (1847 г.), введение так называемых инвентарей в западных губерниях (1847–1848 гг.), где преобладали польские помещики, существенного влияния на положение российского крестьянства, однако, в целом не оказали. Ведь власть помещиков как основного владельца земли оставалась незыблемой, что явно противоречило объективно складывавшейся по всей Европе, кроме России, ситуации в экономике и социальной политике,

Преподавателю на заметку

приобретавшей новый, все более пробуржуазный характер. В России же как раз в 1848 г. последний Секретный комитет по крестьянскому вопросу, наоборот, заявил, что «основанием России было и должно быть самодержавие, а власть помещика как поземельного владельца есть орудие и опора самодержавной власти».

Сам же Николай I как раз в 1848–1849 гг. тоже сделал решительный поворот вправо и в своей внешней политике, и в отношении к левому крылу российской интеллигенции. В 1848 г. он ввел войска в Молдавию и подавил революцию в Валахии, а в 1849 г. российские войска вступили в Венгрию и быстро покончили там с сопротивлением национальных революционных войск. В самом Петербурге в 1848 г. был разгромлен кружок чиновника М.В. Петрашевского – выпускника Царскосельского лицея и вольнослушателя юридического факультета Петербургского университета, у которого собирались в 1845–1848 гг. по пятницам студенты, молодые офицеры, чиновники и литераторы (Ф.М. Достоевский к тому времени был уже автором повестей «Бедные люди» и «Белые ночи»). Их интересовали положение дел в России и других странах, теория социализма, вопросы истории и философии, новые литературные произведения. Учитывая воинственные антиреволюционные настроения Николая I, III Отделение привлекло к следствию по этому делу более 250 человек, хотя кружок посещали не более 20, да и взгляды их не отличались особым радикализмом. Тем не менее 21 человек был приговорен к расстрелу, замененному лишь в самый последний момент каторжными работами. Среди них был и Достоевский, возвратившийся в Петербург только в 1854 г.

В 1845–1847 гг. в Киеве существовала тайная организация – Кирилло-Мефодиевское общество, в котором были и либералы типа сторонника культурно-национальной автономии Украины историка Н.И. Костомарова и писателя, поэта и историка П.А. Кулиша, и знаменитого украинского поэта и художника из бывших крепостных крестьян Т.Г. Шевченко, на 10 лет забритого в солдаты и сблизившегося потом в Петербурге с Н.Г. Чернышевским и Н.А. Добролюбовым. Отношение Николая I к обществу было резко отрицательным и враждебным, особенно к Шевченко.

Очень противоречиво складывалась в те годы биография министра народного просвещения (1832–1848 гг.) крестника Екатерины II и президента Академии наук С.С. Уварова. Сначала он был одним из фаворитов Николая I, завоевав его расположение созданием теории официальной народности как стержня всей идеологии самодержавия (Православие, самодержавие, народность, причем последнее понятие не имело четкого толкования, но зато очень хорошо сопрягалось с понятием «самодержавие»). Сам Уваров рассматривал теорию официальной народности как «последний якорь спасения» для самодержавия и «умственную

Преподавателю на заметку

плотину» против проникновения с Запада и распространения в России «разрушительных идей», которых было очень много – революция, демократия, республиканизм, социализм и т. д. Разумеется, сам Уваров был искренним поклонником самодержавия как идеальной формы правления для такой страны, как Россия.

При этом Уваров как министр был проводником таких полезных для того времени новшеств, как заграничные командировки для молодых русских профессоров, заботился о повышении их заработной платы и др. Характерно, что когда Николай I впал в ярость по поводу европейской революции 1848–1849 гг., то Уваров с большим достоинством вышел в отставку, считая, что гнев императора российские ученые и он сам не заслужили. Показателем того, чего хотел император от Уварова, но что проделал уже его преемник П.А. Ширинский-Шахматов, были ограничение преподавания политэкономии, философии и правовых дисциплин, поощрение занятия богословием, резкое сокращение числа студентов и повышение платы за обучение.

Конечно, Россия тоже постепенно продвигалась к новым, капиталистическим отношениям, но происходило это слишком медленно. Правда, численность ее населения к середине XIX в. выросла примерно с 40 до 70 млн человек, т. е. на 75 %, а промышленность и транспорт достигли гораздо больших успехов, чем сельское хозяйство. В 1854 г. в России было уже 10 тыс. промышленных предприятий и 800 тыс. рабочих, из них 80 % вольнонаемных. Показателем ее успехов стало и начало строительства железных дорог: Царскосельской пассажирской пригородной в 1837 г. и первой большой магистрали Петербург–Москва в 1851 г.

Однако совершенно неожиданно серьезная угроза для николаевской империи пришла в ходе Крымской войны 1853–1856 гг. с участием не только Турции, но и вставших на ее сторону Англии и Франции. Одно дело было для России выиграть в 1826–1829 гг. две локальные войны с Персией и Турцией, от которых зависела, в частности, и ситуация вокруг Черноморских проливов и на Северном Кавказе, где уже много лет активно шла война российских имперских властей с местными нерусскими народами, но совсем по-другому стала складываться ситуация, когда бездарному, по общему признанию, российскому главнокомандующему в Крыму адмиралу князю А.С. Меншикову пришлось воевать против высадившихся на полуострове хорошо вооруженных современным оружием англо-французских войск. Николай I тяжело, как свою личную неудачу (а может быть, и вину) переживал тревожные и неутешительные вести из Крыма. Поздно вечером его одинокую фигуру в военной шинели можно было видеть на ветру на набережной Невы возле Зимнего дворца, где он пытался отвлечься от тревожных мыслей, к которым за четверть века своего правления так и не привык после 14 декабря 1825 г.

Преподавателю на заметку

Николай I умер в разгар этой военной кампании в начале марта 1855 г., причем тогда пошли даже слухи о его самоубийстве, что для крайне религиозно настроенного императора было совершенно невыносимо. Так или иначе, кончать эту странную, бездарно начатую и еще более бездарно проигранную Крымскую войну пришлось уже не Николаю I, а новому российскому императору Александру II.

4. Время больших реформ и начала политического терроризма (1860–1870-е годы)

В середине XIX в. настроения в российском обществе во многом напоминали атмосферу самого начала этого столетия – та же резкая и уже достаточно свободная критика всего и вся («Сверху блеск, внизу гниль», – как говорил видный государственный деятель П.А. Валуев) и те же надежды и ожидания, как всегда связывавшиеся в России с новым царствованием. К чести нового императора Александра II, который почитал отца, но хорошо понимал, что война в Крыму проиграна, к силовому соревнованию с Англией Россия пока не готова и вопроса о том, заключать или не заключать мир после Крымской войны, каковы бы ни были условия врага, просто не существует, так как затягивать это позорное для россиян кровопролитие бессмысленно. Кроме того, новый император считал совершенно неоправданным вновь оттягивать и решение другого кардинального для России вопроса об отмене в стране крепостного права.

На Александра II (1818–1881) многие в России возлагали особые надежды. Его заранее готовили к роли наследника престола, причем поэт-романтик В.А. Жуковский был назначен Николаем I воспитателем цесаревича, чтобы сбалансировать традиционную для молодых Романовых военную подготовку с широким гуманитарным образованием. Александр обучался по широкой программе, рассчитанной на целых 12 лет и включавшей даже изучение польского языка, так как Царство Польское входило в состав России. Среди его учителей были еще Сперанский, многолетний министр финансов А.Ф. Канкрин, историк К.И. Арсеньев и др. Обучение завершилось в 1837 г. поездкой цесаревича по 29 губерниям Европейской и Азиатской России, включая Сибирь и Закавказье, а затем в 1838–1839 гг. – посещением Западной Европы. Николай I привлекал сына Александра к работе высших государственных учреждений, давал возможность командовать гвардейскими и армейскими частями и даже принять участие в Кавказской войне. При этом интересно отметить, что как будущий реформатор-либерал наследник престола проявил себя далеко не сразу, выступая даже, например, против смягчения цензуры печати.

В 23 года Александр женился на немецкой принцессе Марии Гессенской – тихой, болезненной и ничем не примечательной девушке, родившей будущего

Преподавателю на заметку

наследника престола и еще несколько мальчиков, но с 1860 г. заболевшей туберкулезом, что вызвало явное охлаждение мужа.

Ситуация в России резко изменилась после вступления Александра II на престол: он снял ограничения с поездок россиян за границу, разрешил появление ряда новых периодических изданий и др. В своем коронационном манифесте 1856 г. он объявил амнистию декабристам, участникам польского восстания 1830–1831 гг. и другим политическим ссыльным. Уже в марте 1856 г. в речи перед московскими дворянами Александр II заявил о своем твердом намерении освободить крестьян от крепостной зависимости и ввести гласность и свободу книгопечатания. При этом там, где отец – Николай I – явно пасовал перед необходимостью освободить наконец крепостных крестьян, сын был убежден: лучше дать им волю «сверху», чем ждать, когда они сделают это «снизу», т. е. возьмут свободу силой сами.

Известный русский поэт и дипломат Ф.И. Тютчев очень точно назвал начальный период царствования Александра II «оттепелью», ибо это состояние весенней природы напоминало надежды россиян на давно уже ожидавшееся обновление России. Вторым подобным словом-символом наступившей новой эпохи стало слово «гласность», причем чем чаще его вспоминали, тем больше было теперь шансов на успех давно назревших, но многократно откладывавшихся преобразований. Интересно отметить, что и позже эти слова не раз звучали в России, когда вековое терпение ее народов из блага превращалось в величайшее зло.

Варианты освобождения крестьян, гласно обсуждавшиеся даже в печати, были многочисленны и разнообразны. При этом сталкивались как откровенно и ярко социально окрашенные проекты (в абсолютном большинстве в пользу помещиков) и проекты с трезвым анализом разнообразных природных условий в различных районах России, с разной продолжительностью переходного периода от несвободы крестьян к их свободе и далеко не одинаковым количеством земли, которую могли получить крестьяне в новых, во многом еще неясных условиях после отмены крепостного права. При этом чем больше углублялись «проектанты» в детали, тем труднее было привести их мнения к общему знаменателю.

В черноземных губерниях главную ценность представляла земля, и помещики хотели максимально сохранить ее в своих руках, а крестьяне за личную свободу, по их мнению, должны были заплатить небольшой выкуп, но зато вся операция растягивалась на значительный срок. В губерниях нечерноземных ситуация была прямо противоположной: крестьяне могли быстро получить максимум малоплодородной земли при большом выкупе своей личной свободы. В степной полосе, где не хватало рабочих рук, предлагалось на десять лет сохранить барщину. А революционер Н.Г. Чернышевский вообще выступал за освобождение крестьян с

Преподавателю на заметку

землей и без всякого выкупа. Так же думали и те крестьяне, которые не скрывали свой взгляд на предстоящую реформу.

После длительного обсуждения 19 февраля 1861 г. в специальном манифесте император объявил, что крепостные люди получают «в свое время» полные права «свободных обывателей». На два года, получив свободу, бывшие крепостные оставались, однако, «временнообязанными» до перехода на выкуп, причем сроки последнего даже не устанавливались (закончился этот период лишь к концу XIX в.). Все это снижало и до сих пор снижает впечатление от этой важнейшей реформы. С морально-этической точки зрения, она действительно была для России Великой, но с учетом длительных сроков ее подготовки и проведения в полном объеме становятся понятными возражения оппонентов, которые раздаются и до сих пор. Портили впечатление от реформы и «отрезки» в пользу помещиков от «избыточных» (по сравнению с установленными в данной местности высшими нормами) дореформенных крестьянских наделов, а также около 500 тыс. случаев, когда помещики дарили своим крестьянам по их просьбе так называемые «дарственные наделы» в размере лишь четвертой части предусмотренных условиями реформы в данной местности (к этому прибегали в основном крестьяне-бедняки). Все это разрушает «идеальный» образ Великой крестьянской реформы 1861 г., когда правительство думало прежде всего об интересах помещиков, а не крестьян.

Если расположить реформы Александра II в хронологическом порядке, то после отмены крепостного права нужно будет поставить университетскую и отмену телесных наказаний (1863 г.), земскую и судебную (1864 г.) и проведенную лишь через 10 лет военную (1874 г.). При этом для крестьян, рядовых военнослужащих, ссыльных и каторжан телесные наказания сохранялись, в области финансов не удалось установить в России золотой стандарт, были отвергнуты предложения о введении подоходного налога, сохранялась подушная подать и вырос государственный долг. Вместе с тем были созданы Госбанк и целая сеть коммерческих акционерных банков, отменена система винных откупов и началась публикация данных о доходах и расходах государства.

Наибольшее впечатление производит судебная реформа, разработанная юристами С.И. Зарудным и др. Она гарантировала всем гражданам «суд скорый, правый и милостивый», хотя старые элементы социального неравенства и следы сословности были сохранены и в этой области. В основу реформы были положены западноевропейские принципы судопроизводства. Уголовный суд должен был стать теперь единым для людей всех званий и сословий, независимым от администрации и гласным, а сам судебный процесс – состязательным (это достигалось участием в нем адвоката и 12 общественных присяжных заседателей, определявших виновность или невиновность подсудимого). Однако в реальной действительности

Преподавателю на заметку

все шло отнюдь не так гладко, как выглядело в этой внешне очень демократичной и разумной схеме: политические дела рассматривались в особом порядке и без участия присяжных, для духовенства и военнослужащих существовали свои закрытые суды, крестьян судил особый волостной суд, а все мелкие проступки и преступления рассматривались избиравшимися в земствах и городских думах мировыми судьями. Кроме того, судебная реформа не распространялась на окраины империи, где было много так называемых «инородцев», плохо знавших (или вообще не знавших) русский язык.

По значимости на третье место можно поставить реформу военную. После 10-летней подготовки военный министр Д.А. Милютин заменил в России в 1874 г. прежнюю ненавистную народу рекрутчину всесословной воинской повинностью. Ее должны были нести все мужчины в возрасте от 21 года до 40 лет. В сухопутной армии служба продолжалась 6, а на флоте – 7 лет с последующим пребыванием солдат и матросов в запасе соответственно 9 лет и 3 года, а затем с переводом в государственное ополчение (видимо, в случае возникновения войн типа Отечественной 1812 г.). Чтобы стимулировать молодежь продолжать образование и вступать в законный брак, устанавливались еще и многочисленные льготы в зависимости от уровня образования призывников и их семейного положения (наличие высшего образования позволяло вообще служить только полгода). Значительно улучшился и качественный состав офицерского корпуса. Вместо большой даже в мирное время численности армии в России появилась возможность быстро увеличивать ее состав с началом военных действий за счет резервистов и ополчения, а в мирное время иметь сравнительно небольшое количество военнослужащих. За счет реформы военного образования улучшался и качественный состав офицерского корпуса.

Очень важна была и реформа всех звеньев российского образования. В 1863 г. был принят самый либеральный за все время существования Российской империи университетский устав. Каждый из 4 университетов (Петербург, Москва, Харьков, Киев) должен был иметь четыре факультета (медицинский, физико-математический, юридический и историко-филологический); их профессора и преподаватели избирались; обучение было платным; в университетах была собственная цензура, а проступки студентов рассматривались особым университетским судом.

Начальная школа (2–4 класса) была теперь земской, казенной (в ведении министерства народного просвещения), церковно-приходской (в ведении Синода) и частной. Мужские гимназии в городах были всесословными и семиклассными, причем после их успешного окончания гимназисты могли без экзаменов поступать в университеты. Начало складываться в России и женское образование. Появились женские училища (потом это были уже гимназии) и высшие женские курсы, а

Преподавателю на заметку

поскольку государственные университеты были для девушек по-прежнему закрыты, они нередко получали высшее образование за границей.

В 1865 г. начал действовать и новый цензурный устав, освободивший от предварительной цензуры петербургскую и московскую периодическую печать, а также большинство книг, что, впрочем, не исключало судебной ответственности их авторов и редакторов, если затем в уже вышедших из печати книгах обнаруживались какие-либо политические «ошибки», а точнее сознательные попытки издателей и авторов прорваться через надзор слишком бдительных читателей, а главное – самих властей.

Гораздо более сложное впечатление складывалось от земской реформы. Создание земств (а с 1870-х годов и городских самоуправлений) можно было только приветствовать для активизации общественного мнения и социальной активности как помещиков, так и крестьян в масштабе каждой губернии и каждого уезда. Обсуждение проекта реформы шло несколько лет, причем в 1862 г. он даже предварительно публиковался в печати. Согласно закону 1864 г. основополагающими принципами земской реформы были выборность и гласность. Раз в три года избирались публично земские собрания и их распорядительные органы – земские управы, создававшиеся на губернском и уездных уровнях на основе состязательных выборов по трем куриям. В первую входили местные помещики, имевшие не менее 200 десятин земли или крупную недвижимость, во вторую – гильдейские купцы и в третью – все крестьяне, имевшие свой двор, причем в последней кандидаты проходили тройное «сито» и от помещиков избиралось столько же гласных, сколько и от двух других курий вместе взятых.

В компетенцию земств входили благоустройство городов и сел, народное просвещение и здравоохранение, социальное призрение, страхование и установление сборов на текущие и особые нужды. Земства ведали местной торговлей и промышленностью, дорогами и мостами, постройкой церквей, тюрем и т. д.

Нетрудно заметить, что интересы различных социальных и имущественных групп сельского и городского населения далеко не совпадали. При этом особенно внимательно центральные и местные власти следили за земскими служащими (так называемым «третьим элементом», поскольку первыми двумя были земские гласные и члены губернских и уездных управ). Служащие (врачи, учителя, ветеринары, статистики) составляли в земствах их наиболее многочисленное демократическое крыло и больше всего сделали для крестьянского населения тех средне- и слабо развитых 34 великорусских губерний, где преобладало русское дворянство. Сибирь и национальные районы империи в их число не входили. Там же, где земства были созданы, в губернских управах было около 90 % дворян и только 1,5 % крестьян.

Преподавателю на заметку

Поэтому любые политические инициативы земств в первые десятилетия их существования пресекались. И тем не менее создание земств при всем несовершенстве их структуры было очень важно и нужно России, если подходить к этому с позиций дальнейших перспектив интеграции ее населения в современное буржуазное общество.

В апреле 1877 г. Россия объявила очередную войну Турции, стараясь на этот раз разыграть сербскую антитурецкую карту, поскольку турки расправились с двумя восстаниями против них в Болгарии, чем вызвали огромное сочувствие европейской интеллигенции, в том числе и русской (И.С. Тургенев и др.). Российская армия, в которой был и Александр II, хотя главнокомандующим стал его брат Николай Николаевич, доказала, что успешно может действовать в условиях горной местности даже в зимний период. В январе 1878 г. она могла бы уже взять Константинополь, но когда в Проливы вошла эскадра британских броненосцев, стало ясно, что возможна новая англо-русская война, и Россия отступила. В феврале после 10 месяцев военных действий ею был заключен Сан-Стефанский мир с Турцией. Сербия и Черногория получили независимость, а Болгария, Босния и Герцеговина – автономию в пределах Турецкой империи с христианским правительством. России же возвращались Южная Бесарабия, 4 крепости на Кавказе и контрибуция в размере 310 млн руб. Однако на Берлинском конгрессе летом 1878 г. прежние условия окончания войны были пересмотрены, и идея единой, совершенно независимой от Турции Болгарии была фактически похоронена. Ее разделили на две части и ограничились их автономией в пределах Турции (они соединились только в 1885 г.), влияние России на Балканах и в Болгарии стало падать и в 1886–1896 гг. русско-болгарские отношения были даже временно разорваны.

При этом нужно напомнить, что в 1877 г. экономическое положение России находилось далеко не в лучшем состоянии, но Александр II тем не менее не отказался тогда от объявления войны Турции во имя идеи славянского единства, но был обманут правительствами Англии, Германии и Австро-Венгрии, еще раз убедившись (второй раз после Крымской войны), что его западные партнеры зорко стоят на страже своих, сугубо корыстных интересов. И хотя в 1879 г. Александру II удалось провести кандидатуру офицера германской армии и его племянника по линии жены Александра Баттенберга на роль болгарского князя, верным союзником России тот не стал (свергли его болгарские офицеры только в 1886 г.).

Но были в жизни Александра II и такие сугубо личные, казалось бы, стороны, имевшие, однако, уже прямое отношение к его дальнейшей судьбе, жизни и смерти. Напомним, что 47-летний Александр II страстно влюбился в 1865 г. на всю оставшуюся жизнь в 18-летнюю княжну Екатерину Долгорукую и создал с ней в Зимнем дворце фактически вторую семью, в которой у него было от нее четверо

Преподавателю на заметку

детей. После смерти в 1880 г. долго болевшей туберкулезом жены императрицы Марии Александровны он быстро женился морганатическим браком на светлейшей княгине Е.М. Юрьевской (так по его воле стала именоваться Долгорукая по допетровской фамилии Романовых), собираясь в дальнейшем официально обвенчаться с ней и провозгласить ее императрицей Екатериной III. Лишь события 1 марта 1881 г., когда народовольцы смертельно ранили Александра II, помешали совершиться этому скандальному акту, против которого были все члены династии Романовых, включая нового будущего императора Александра III, которого мог бы даже отодвинуть в сторону его сводный брат и новый великий князь Георгий Юрьевский. Поэтому Е.М. Юрьевская с детьми покинула Россию с несколькими миллионами рублей на беззаботное «прожитие» за рубежом, так как иного выхода из этой ситуации уже не было.

Но наибольший сюрприз преподнесла Александру II под конец его жизни поистине фантастическая эволюция в 1870-е годы его отношений с радикальной частью российской образованной молодежи, быстро воспринявшей западноевропейские идеи революционного терроризма как наиболее эффективного средства политической борьбы за социальную справедливость и политическую свободу. В России из нее сложилась в 1879 г. численно небольшая, но смелая и наделавшая много политического шума организация «Народная воля». В ее Исполнительный комитет входили профессиональные революционеры, причем не только мужчины, но и женщины – А.Д. Михайлов, А.И. Желябов, С.Л. Перовская, В.Н. Фигнер, Н.А. Морозов, рабочий С.Н. Халтурин, Л.А. Тихомиров (изменивший вскоре свои взгляды на прямо противоположные), М.Н. Ошанина и др. Выпускала «Народная воля» с перерывами, объяснявшимися преследованиями полиции, с октября 1879 по октябрь 1885 г. одноименную газету или вместо нее «Листок Народной воли».

В августе 1879 г. Исполком «Народной воли» вынес Александру II смертный приговор, после чего эта организация развернула настоящую «охоту» на императора, которого презрительно и незаслуженно называли тогда «Сашкой». 19 ноября под Москвой был взорван царский поезд, но Александра II в нем не оказалось, а 5 февраля 1880 г. прогремел мощный взрыв в Зимнем дворце в Петербурге. Рабочий Степан Халтурин поступил туда работать столяром, тайно долго проносил мимо охраны взрывчатку и 5 февраля 1880 г. осуществил в дворцовой столовой мощный взрыв, в результате которого 11 человек были убиты и 40 ни в чем не повинных солдат-охранников ранены, но самого императора в тот момент в зале еще не было.

Тем не менее резонанс от этого события и в России, и за границей был огромен. Александр II очень быстро пошел на создание в стране «Верховной

Преподавателю на заметку

распорядительной комиссии по охране государственного порядка и общественного спокойствия» во главе с боевым генералом М.Т. Лорис-Меликовым, с 1 августа 1880 г. занявшим пост министра внутренних дел, который был тогда равнозначен премьерскому, и ставшим вторым лицом в государстве после императора. Его Комиссия просуществовала лишь до 1 мая 1880 г., но пришла к выводу о необходимости создать при Госсовете комиссию в составе 10–15 выборных от земств и городов с правом совещательного голоса при обсуждении предлагаемых императором законопроектов по совершенствованию управления страной. Это предложение и получило претенциозное название «конституции Лорис-Меликова». Намечались им и более частные мероприятия, оставшиеся в основном на уровне проектов. Правда, предложенная им ликвидация III Отделения императорской Канцелярии, функции которого передавались МВД, была все же в 1880 г. осуществлена.

Лорис-Меликов относил себя к людям «благomyслящим» и призывал население столицы объединить собственные усилия с усилиями власти в борьбе с терроризмом, завоевав своему правлению как главы МВД неофициальное название «диктатуры сердца». Накануне последнего покушения на Александра II тот готовился обсуждать вопрос о создании двух подготовительных комиссий – административно-хозяйственной и финансовой, чтобы попробовать, как пойдут дела с участием правительственных чиновников и «сведущих людей» из дворянства и земцев. Император эту идею своего нового любимца одобрил, но считал нужным ее предварительно обсудить в Совете министров. Но состоялось это обсуждение уже при следующем императоре – Александре III, о чем речь пойдет ниже.

Дело в том, что 1 марта 1881 г., когда еще утром Александр II сообщил наследнику и другим великим князьям, что скоро в России будет конституция, император был смертельно ранен после взрывов двух бомб, которые бросили в него на Екатерининском канале в Петербурге народовольцы во главе с Перовской. Ответственность за это несла частично и небрежно организованная охрана императора. Он умер в тот же день в Зимнем дворце, а все «первомартовцы» (участники покушения) были очень скоро казнены. Исполком «Народной воли» обращался с письмом к следующему уже императору Александру III с условиями, на которых народовольцы готовы были прекратить террор: созыв представителей от всего русского народа для пересмотра существующих форм государственной русской жизни, общая амнистия по политическим преступлениям, всеобщее избирательное право, свобода слова, печати, сходок. Письмо осталось, однако, без ответа, а «Народная воля» в 1884 г. прекратила свое существование из-за арестов и провокаций.

Преподавателю на заметку

Так закончилась в России эпоха реформ 1860–1870-х гг., показавшая их сильные и слабые стороны, в частности недостаточность индивидуального политического террора для радикального переворота в общественно-политической жизни России. Александр II во многом продвинул вперед дело ее перестройки с учетом активного продвижения страны по пути капитализма, но теперь было уже очевидно, что одних только реформ и революционного террора в России было явно недостаточно, причем к подобному варианту обновления страны не были готовы ни власть, ни общество, ни его «низы».

5. Мирная «передышка» России в конце XIX – начале XX века

Если учесть, что 1 марта 1881 г. Россия, исключая самих террористов, как будто оцепенела от ужаса, вызванного убийством Александра II и ожиданием новых терактов, тем более что 80 лет в ней не было ничего подобного, то все последующее недолгое правление Александра III (1881–1894) совершенно неожиданно хотя бы на короткое время принесло России некоторое успокоение.

Над образованием и воспитанием Александра (1845–1894) тоже трудилась целая бригада высокообразованных наставников, среди которых были историк С.М. Соловьев (великий князь любил занятия с ним, неплохо знал его предмет), соученик Пушкина в Царскосельском лицее, а потом директор Публичной библиотеки в Петербурге Модест Корф, профессор Московского университета правовед К.П. Победоносцев. Последний вложил в ученика мощный заряд уважения к русскому самодержавию и Православию, быстро распростившись со своим либерализмом 1860-х годов и став безоговорочным консерватором.

Сначала у Александра II был другой наследник – старший сын Николай (в семье его звали Никсом), но совершенно неожиданно для абсолютного большинства россиян 22-летний цесаревич скончался в 1865 г. от туберкулезного менингита в Ницце (Франция). Для него уже была даже выбрана достойная невеста – датская принцесса Дагмар. Но через год после смерти Никса его младший брат Александр (будущий Александр III) сделал предложение Дагмар, чему был бы рад и Николай, оно было принято, и возникла одна из счастливейших в династии Романовых новая императорская семья. Дагмар в Православии стала называться Марией Федоровной, она пережила и мужа, и сына Николая II, выбралась после Октябрьской революции в 1919 г. из Крыма в Данию и прожила там до 1928 г., оставив о себе в России хорошую память.

Таким образом, вопрос о престолонаследии был в России вновь счастливо решен, причем в распоряжении будущего Александра III оказалось после свадьбы в запасе еще больше 15 лет для подготовки к принятию императорского сана, включая даже участие в русско-турецкой войне 1877–1878 гг. За это он был награжден

Преподавателю на заметку

Георгием 2-й степени и получил небольшой опыт работы в высших государственных учреждениях России.

Наследник престола не одобрял равнодушное отношение отца к его матери и наличие у него второй семьи, принципиально отрицал необходимость в России революций и «избыток» еще не «переваренных» страной в 1860–1870-е годы реформ и их слишком радикальный характер, не говоря уже о ненужности в России любой конституции. По его мнению, Александр II слишком распустил народ и особенно интеллигенцию и студенчество, которые явно нужно было бы «приструнить».

Будущий новый император был физически здоровым, очень сильным и скромным в быту человеком. Уже став императором, он во время железнодорожной катастрофы в 1888 г. с императорским поездом, произошедшей из-за превышения его скорости, долгое время держал на плечах крышу целого вагона, пока его семья и другие пострадавшие выбирались из-под обломков, что, вероятнее всего, и послужило позже причиной его смертельной болезни (умер он в возрасте всего 45 лет). Тогда же во время этой железнодорожной катастрофы погиб 21 человек.

Был Александр III и неплохим ценителем искусства, сам собирал картины русских художников, любил музыку, балет, материально помогал П.И. Чайковскому. Он участвовал в создании Русского музея императора Александра III в Петербурге, передав ему и личную коллекцию картин, а также активно участвовал в создании Исторического музея на Красной площади в Москве. Любимым его поэтом был М.Ю. Лермонтов – случай в императорской семье довольно редкий.

Новый император не блистал остроумием и интеллектом, но зато был тверд в своих убеждениях, решителен и последователен в поступках. В общем и целом это был не злой человек, в царствование которого в России были казнены всего 17 человек, включая революционеров. К этим последним Александр III, как и все Романовы, был беспощаден. Напомним, что в 1887 г. были казнены Александр Ульянов и его товарищи, готовившие покушение на императора. Не будем забывать, что это во многом предопределило и выбор жизненного пути младшим братом Ульянова Владимиром, ставшим позже всемирно известным Лениным.

Александр III по-настоящему показал себя как монарх уже 8 марта 1881 г. во время обсуждения на заседании Совета министров программы дальнейших действий Лорис-Меликова. Говоря проще, новый император и его уже сложившаяся новая команда хотели коллективно решить, что делать с этим претендентом в диктаторы, который самому Александру III при всей умеренности и расплывчатости его программы явно не нравился.

Главным контроктором на этом заседании правительства был Победоносцев, которого еще в 1880 г. Александр II назначил (как оказалось на целых 25 лет)

Преподавателю на заметку

обер-прокурором Св. Синода. Его кредо – антиконституционализм и критика «либеральных болтунов». Решение о судьбе Лорис-Меликова 9 марта еще не принималось, и ему даже дали возможность еще раз изложить свою программу, что он и сделал 12 апреля 1881 г., сохранив в целом свои старые позиции. Александр III тоже твердо стоял на своем, пообещав Победоносцеву не допустить осуществления программы Лориса, хотя ее обсуждение еще продолжалось. Наконец 29 апреля Александр III выпустил написанный Победоносцевым манифест к населению, получивший в обществе название манифеста «об охране самодержавия». Из него стало ясно: самодержавие в России с твердой верой в его «силу и истину» будет сохранено, после чего Лорис-Мелков подал прошение об отставке.

Новым главой МВД после Лорис-Меликова стал человек довольно консервативных взглядов, бывший дипломат Н.П. Игнатьев. При нем было принято «Положение о мерах к охранению государственной безопасности и общественного спокойствия», просуществовавшее вместо объявленных 3 лет вплоть до 1917 г. Оно предусматривало возможность объявления любого района империи на положении усиленной или чрезвычайной охраны, что давало местным властям право без суда преследовать всех подозрительных лиц, закрывать печатные органы и учебные заведения, приостанавливать работу земских собраний и городских дум. В том же духе был выдержан и университетский устав 1884 г. (инициатором его введения был ультраконсерватор М.Н. Катков), уничтоживший практически все прежние «вольности» профессорско-преподавательского состава. В пять раз была повышена плата за обучение, а от абитуриентов стали требовать предоставления характеристики из гимназии, удостоверяющей их политическую благонадежность. Начальная же школа была отдана под полный контроль Церкви. Появился в 1887 г. при министре народного просвещения И.Д. Делянове и его знаменитый циркуляр с фигуральным названием циркуляра о «кухаркиных детях», запретивший принимать в гимназию детей из низших социальных слоев. Настоял министр и на закрытии большинства высших женских курсов. Вновь была ужесточена и цензура. Однако в целом ситуация в стране оставалась все же противоречивой и неустойчивой.

К началу 80-х гг. XIX в. основная промышленная продукция в России производилась уже на фабриках и заводах с использованием машин и механизмов, приводимых в движение силой пара. В эксплуатацию в 80–90-е годы XIX в. были введены 10,5 тыс. км казенных железных дорог, строительство которых было обусловлено в первую очередь военно-стратегическими соображениями. Таким образом, капитализм делал в России все новые и новые успехи, причем в железнодорожном строительстве был взят курс на огосударствление этого важного нового вида транспорта, так что к 1894 г. в казенном управлении находилось уже 52 % всех железных дорог страны.

Преподавателю на заметку

При министре финансов Н.Х. Бунге удалось увеличить доходную часть госбюджета и добиться превышения в нем доходов над расходами. А еще раньше при министре финансов миллионере И.А. Вышнеградском был создан в России золотой запас в размере 500 млн руб. Характерно, что перед его назначением министром финансов в 1887 г. (тот был до этого профессором столичного Технологического института) император лично распорядился оставить его финансовые «проделки» без внимания. Характерно, что именно Вышнеградскому, когда в 1891–1892 гг. в России был сильный голод, принадлежит ставшая исторической циничная фраза: «Не доедим, а вывезем».

При Александре III на российском политическом небосклоне возшла звезда такого крупного деятеля новой формации, как Сергей Юльевич Витте (1849–1915). Он имел в своей родословной голландские (по отцу) и древнерусские (по матери) корни, причем мать происходила из знатного рода князей Долгоруких. Отец же Витте был чиновником в канцелярии царского наместника на Кавказе. Получив хорошее домашнее образование, Сергей Юльевич закончил затем в 1870 г. физико-математическое отделение Новороссийского университета в Одессе. Отказавшись по настоянию родных от непрестижной, по их мнению, профессорской карьеры, он поставил своего рода эксперимент в духе эпохи раннего российского капитализма и стал совмещать государственную службу со службой сначала на казенной, а потом на частной железной дороге. При этом Витте показал себя хорошим управленцем и специалистом в области железнодорожных тарифов. В 1887 г., когда царский поезд, направлявшийся из Крыма в Петербург, потерпел крушение у станции Борки Харьковской губ., Витте, заранее предупреждавший о необходимости строго соблюдать скоростной режим его движения, попал в поле зрения Александра III и в 1889 г. был приглашен им на государственную службу в столицу. С тех пор этот монарх стал для Витте идеалом императора, тогда как Николай II, наоборот, всегда раздражал его своим безволием и нерешительностью (тот же, в свою очередь, не любил своего министра за явное превосходство при решении всех деловых вопросов).

В 1892–1903 гг. Витте как новый министр финансов последовательно проводил политику индустриализации России, укрепления финансовой системы (введение в 1894 г. государственной винной монополии, а в 1897 г. – золотого червонца), интенсивного железнодорожного строительства и выкупа в казну частных железных дорог. В итоге из противника капитализма, каким Витте был в начале своей карьеры, он превратился в его искреннего апологета и пропагандиста, делая это во имя укрепления самодержавия. Однако наиболее драматичный период в его жизни и деятельности пришелся уже на начало 1900-х годов, о чем будет рассказано ниже.

Преподавателю на заметку

Сложнее было положение в сельском хозяйстве. Разорительные последствия войны 1877–1878 гг. с Турцией, неурожаем и голодом 1878–1880 гг., а также мировой экономической кризис конца 1870-х гг., захвативший и Россию, потребовали от правительства принятия ряда мер, призванных облегчить положение крестьянства, так как число волнений в деревне 1880–1884 гг. вдвое превышало показатели предшествовавшего пятилетия. В 1882–1887 гг. была отменена подушная подать, несколько понизились выкупные платежи, были созданы в 1882–1883 гг. Крестьянский и Дворянский банки, окончился период временнообязанных отношений крестьян с помещиками, что способствовало некоторому смягчению социальной напряженности в деревне.

Продворянский характер социально-экономического курса Александра III отчетливо виден на примере щедрых субсидий помещикам из Дворянского банка под залог их земель, превысивших к концу XIX в. 1 млрд руб. В 1890 г. был введен новый в России институт земских начальников из местных потомственных дворян вдобавок с определенным имущественным и образовательным цензом. Они должны были следить за поведением участников сельских крестьянских сходов и деятельностью волостных учреждений вплоть до отмены их решений, подвергать крестьян телесным наказаниям, арестам и штрафам, причем обжалованию их решения не подлежали. Дворяне преобладали в губернских земских собраниях и управах, за этим следил лично губернатор.

От участия в городском самоуправлении в 1892 г. были устранены все «низы» горожан, причем в выборах участвовал лишь незначительный их процент (в Петербурге и Москве менее 1%), что противоречило бурному процессу урбанизации, развернувшемуся в конце XIX в. Были отстранены от выборов прислуга и мелкие торговцы. Шел, хотя и в ограниченных размерах, и процесс «обрусения» окраин – Привисленского края (Польша), Великого княжества финляндского и Прибалтики.

В промышленности было ограничено применение детского и женского труда, а также введены расчетные книжки для рабочих и введена фабричная инспекция, регламентировавшая, в частности, взимание штрафов с рабочих. Эти меры были вызваны не только «попечением» власти о нуждах простого народа, но и усилением рабочего движения (Морозовская стачка в Орехово-Зуеве в 1885 г. и др.). Сложнее обстояло дело с решением в России еврейского вопроса. Последствия введения «черты оседлости» не распространялись на: 1) купцов 1-й гильдии, что в значительной мере обеспечивало развитие торговли, 2) лиц с высшим образованием, 3) ремесленников (тем самым обеспечивалось развитие мелкой кустарной промышленности) и 4) солдат. В 1882 г. даже в «черте оседлости» евреям было запрещено селиться вне городов и местечек, а также приобретать и брать в

Преподавателю на заметку

аренду недвижимое имущество. В 1887 г. была введена процентная норма приема евреев в высшие и средние учебные заведения (3 % в столице и 5 % вне черты оседлости), а в 1889 г. приостановлен прием евреев на должность присяжного поверенного.

Тем не менее во внутренней политике Александра III тоже были свои противоречия, как и в настроениях российского общества в целом. После романтических и поистине драматических перипетий царствования Александра II с его бурным реформаторством, пароксизмом революционаризма и терроризма народофильства, оживлением славянофильства и неоконституционализма (Лорис-Меликов) и т. д. настроения в российском обществе невозможно было, тем более сразу, привести к одному знаменателю. В «верхах» общества были настроения как в пользу определенных «контрреформ» в противовес реформам царя-«Освободителя», как называли Александра II, так и продолжения уступок «духу времени», заданному еще в 1860-е гг. Да и в самом правительстве тоже были колебания и разногласия, связанные, с одной стороны, с желанием укрепить несколько пошатнувшееся к концу царствования Александра II самодержавие, так и с желанием развивать капиталистическую экономику страны, идти на определенные уступки крестьянам и рабочим и завершить реформы в вооруженных силах. В итоге нового «апогея самодержавия» у Александра III так и не получилось. Верх взяла все же политика лавирования между старым и новым.

Нельзя не упомянуть еще два неоднозначных, но по-своему очень важных событий в царствование Александра III – голод 1891–1892 гг., вызвавший большой общественный резонанс и стремление демократической и либеральной интеллигенции помочь особенно страдавшему от него крестьянскому населению Поволжья, а также рождение в начале 1880-х гг. в Швейцарии в среде бывших народников-эмигрантов русского марксизма, оказавшего затем в 1900–1920 гг. огромное влияние на ход отечественной и мировой истории. Большую роль в этом процессе сыграли Г.В. Плеханов и возникшая в 1883 г. в Швейцарии его группа «Освобождение труда», а затем возникшая на рубеже XIX–XX вв. Российская социал-демократическая рабочая партия.

Позиции России на международной арене были в 1880–1890-х гг. как никогда прочны и соответствовали статусу страны как великой мировой державы. Характерно, что Александр III не вел ни одной войны и даже мог позволить себе внешнеполитическую переориентацию России с бисмарковской Германии на республиканскую Францию, полагая, что она больше соответствует национальным интересам его родины. Эту важную акцию можно целиком отнести на личный счет российского императора, который не слишком доверял западным партнерам России. Когда же началось постепенное охлаждение русско-германских отношений, он

Преподавателю на заметку

решил в 1893 г. сблизиться с Францией, «забыв» о глубоко чуждых ему Великой французской революции, Парижской коммуне и Французской республике. Это значит, что Александр III мог быть и неплохим дипломатом. Таким образом, именно при его непосредственном участии в Европе в 1891–1893 гг. стали складываться международные комбинации, проявившиеся в полной мере в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг.

Когда в октябре 1894 г. в Ливадии безвременно умер Александр III, его преемником стал старший сын 26-летний Николай II (1868–1918). Во время Февральской революции 1917 г. он вынужден был отречься от престола, в июле 1918 г. расстрелян без суда вместе со всей семьей в Екатеринбурге, причем в 2000 г. уже в постсоветской России они были канонизированы Русской Православной церковью.

Ники, как звали его с детства родные, отличался ровным, спокойным, хотя и довольно скрытным характером, внешней невозмутимостью, которую легко было принять и за равнодушие, и отсутствием как явных недостатков, так и больших способностей. Будущий император был довольно хорошо физически развит, играл на фортепьяно и скрипке, знал 4 иностранных языка, но в то же время по романовской традиции любил заниматься военным делом и в 1892 г. был уже полковником. Среди его наставников были министр финансов отца Н.Х. Бунге и министр иностранных дел Н.К. Гирс, а также известный нам Победоносцев. «Я не подготовлен быть царем. Я не могу управлять империей. Я даже не знаю, как разговаривать с министрами», – читаем мы, однако, в дневнике Николая II. При этом, сделав в анкете Первой Всероссийской переписи населения 1897 г. в графе «род занятий» ко многому обязывающую запись: «Хозяин земли Русской», Николай явно польстил себе, так как качествами «хозяина» он как раз ни тогда, ни позже и не обладал.

В отличие от отца, Николай II уже с момента своей свадьбы в 1894 г. находился под сильным влиянием жены Алисы Гессенской, а в Православии – Александры Федоровны: по рождению она была немкой, а по воспитанию – англичанкой, так как приходилась внучкой королеве Виктории и воспитывалась при английском королевском дворе. Она самонадеянно считала, что ее ум более приспособлен для занятий политикой, чем ум мужа, и чем дальше, тем чаще убеждала мужа быть сильным и непреклонным, опасаясь, что иначе министры типа Витте, а позже Столыпина подчинят его себе и сумеют «заслонить» собой в общественном мнении. Император и императрица очень любили друг друга, и Николай ради молодой жены даже еще до свадьбы прекратил свою прежнюю связь с балериной Мариинского театра полькой по национальности Матильдой Кшесинской, с помощью которой родители хотели сделать из сына «настоящего мужчину». Начиная же с 1904 г., когда

Преподавателю на заметку

после появления у супругов на свет четырех девочек подряд родился, наконец, долгожданный наследник престола Алексей, больной с рождения неизлечимой болезнью крови гемофилией, жизнь его родителей превратилась в настоящую трагедию. Это объясняет, в частности, и появление при Дворе с 1905 г. сибирского крестьянина, малограмотного Григория Распутина, который благодаря своим экстрасенсорным качествам мог облегчать страдания их сына, оказывая огромное влияние на императорскую чету и сильно компрометируя ее этим в общественном мнении. Настоящих друзей у Николая II не было, если не считать жены.

Как известно, Николай II впервые проявил себя как политик уже в январе 1895 г., публично назвав «бессмысленными мечтаниями» надежды либералов на их участие в управлении страной. При этом он добавил, что будет охранять начала самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял их его «незабвенный родитель». Естественно, консерваторы с восторгом приняли это заявление молодого монарха, тогда как либералы, наоборот, назвали его речь глубоко их разочаровавшей. Победоносцев же и его единомышленники с удовлетворением могли весьма положительно оценить дебют Николая II перед всей страной, когда он убедительно продемонстрировал свой глубинный, завещанный отцом антиконституционализм. И такой диапазон в оценках этой речи Николая II был вполне естественен и даже закономерен. В глазах же простого народа своего рода символом только что начавшегося правления нового императора стала Ходынка – московское поле за чертой города, где в мае 1896 г. по случаю коронации Николая II во время раздачи подарков тем, кто пришел туда, чтобы выразить радость по случаю начала нового царствования, в ходе возникшей давки погибли по официальным данным 1 389 человек, а еще сотни людей были искалечены. При этом Николай II, взявший себе за правило никогда не терять самообладания, в тот же вечер участвовал в приеме у французского посла, хотя и принял втайне все случившееся за дурное предзнаменование, но решил и дальше искусно скрывать свои истинные чувства.

Будучи наследником престола, Николай II был избавлен любящим отцом от необходимости глубоко вникать в проблемы государственного управления, поскольку тот справлялся с ними сам вместе со своими ведущими министрами. Теперь же особо интересующая нас проблема модернизации и европеизации России потребовала от его сына хотя бы в самых общих чертах разбираться и в серьезных социально-экономических проблемах, включая вопросы налогообложения, составления госбюджета, иностранных займов, железнодорожного строительства, общинного строя крестьянства, политики власти по новому для нее «рабочему вопросу» и т. д. Причем здесь Александр III был часто хорошим прагматиком, прекрасно понимающим интересы вверенного его попечению самим Богом

Преподавателю на заметку

Государства Российского. Над всеми этими вопросами работали при Александре III такие светлые умы, как Рейтерн, Бунге, Вышнеградский и любимец императора Витте, отношение к которому Александра III было весьма положительным, а Витте, в свою очередь, считал его идеальным монархом.

В 1894 г. Витте ввел в России винную государственную монополию – эту своего рода «палочку-выручалочку» для любого министра финансов, испытывающего затруднения при составлении очередного госбюджета. Значение для государства подобной меры нашло отражение в бытовом названии виттевского госбюджета в России «пьяным», причем винная монополия не способствовала снижению пьянства в стране.

Еще одним массовым источником госбюджета стал ежегодный промысловый налог с фабрично-заводских заведений, ремесленных предприятий и торговых заведений при покупке их хозяевами промысловых свидетельств. За время пребывания Витте на посту министра финансов в 1892–1903 гг. госбюджет России вырос до более чем 2 млрд руб. против около 1 млрд руб. в 1892 г.

Довел Витте до конца и инициативу своего предшественника Вышнеградского по свободному обмену бумажных денег на золото, что способствовало стабилизации финансов и накоплению золотой валюты. Наконец в 1897 г. указом императора была объявлена денежная реформа, понизившая на треть золотое содержание рубля и вес золотого рубля, а кредитный рубль приравнивался к 66 и $\frac{2}{3}$ коп. золотом. Это была скрытая девальвация рубля, не вызвавшая существенного изменения товарных цен и недовольства населения. Денежная реформа поставила Россию в один ряд с развитыми европейскими странами. В 1899 г. иностранные капиталы были допущены и к участию в развитии отечественной обрабатывающей промышленности, что означало новый шаг к сближению с иностранным капиталом.

Витте активно проводил и целенаправленную государственную железнодорожную политику, включавшую в себя: строительство железных дорог в азиатской части России (Транссибирская магистраль) и дорог, имевших военно-стратегическое значение, а также выкуп в казну частных магистралей и монополизацию государством выработки железнодорожных тарифов. Всего при Витте было построено 25 тыс. верст железнодорожного полотна. Важное значение имела и его политика протекционизма по отношению к отечественной промышленности (высокие таможенные пошлины, щедрая господдержка ряда промышленных предприятий, размещение госзаказов на отечественных заводах и т. д.). По инициативе Витте были открыты в России почти 150 коммерческих училищ и 3 коммерческих института, проводились промышленные выставки.

В 1897 г. был законодательно установлен 11 $\frac{1}{2}$ -часовой рабочий день (накануне праздников и ночью 10-часовой) в промышленности, подчиненной

Преподавателю на заметку

надзору фабричной инспекции, т. к. «рабочий вопрос» в целом и активизация стачечного протеста пролетариата против своего тяжелого экономического и правового положения, а также тяжелейшие условия использования предпринимателями рабочей силы на их предприятиях уже требовали от власти вмешательства во взаимоотношения этих двух классов. Как дальновидный политик Витте понимал: медлить с этим уже нельзя. Поэтому он был готов узаконить экономические стачки и создание профсоюзов, а также ввести страхование рабочих от несчастных случаев и последствий болезней. Но осуществить это ему тогда не удалось.

На рубеже XIX–XX вв. очень недовольны своим положением были и помещики, и тем более крестьяне. Первые настойчиво требовали от правительства снижения процентов по ссудам Дворянского банка, повышения хлебных цен, расширения казенных закупок зерна, строительства элеваторов и т. д. Крестьянство же до 1902 г. еще не переходило к открытым выступлениям против помещиков и власти, и их интересы защищала неонародническая интеллигенция и, в частности, журнал «Русское богатство» во главе с его главным редактором Н.К. Михайловским. Но едва ли не больше всего беспокоила власть «домашняя ссора» внутри правительственного лагеря между сторонниками крестьянской общины из МВД и позицией Витте и нового поколения российской бюрократии, выступавших за радикальную смену самого подхода к этой проблеме.

Витте по западному образцу поддерживал идеи частной собственности на землю и предоставления крестьянам свободы частной инициативы и свободной конкуренции как с помещиками, так и особенно между собой, рассчитывая на то, что наиболее сильные из деревенской верхушки выведут и аграрный сектор, и всю страну в целом из состояния затяжного кризиса и застоя. Поэтому он не мог не поднять перед императором, российской бюрократией, интеллигенцией и самим поместным дворянством кардинальные вопросы о собственности крестьян на землю, судьбе крестьянской общины, месте российской деревни в сельскохозяйственном производстве страны и перспективах дальнейшего развития этого самого крупного в России социального слоя, во многом определяющего и лицо всей страны в мире.

Но было бы, наверное, странно, если бы курс Витте не имел тогда альтернативы, основанной в лучшем случае на варианте постепенного улучшения экономической, политической и общекультурной ситуации в России при обязательном сохранении основ существующего самодержавного строя и поддержки властью позиций дворянства. Оно по-прежнему стояло высоко над простым народом, который должен был подчиняться ему, кормить и защищать от врага. Россия, по мнению консерваторов, должна была по-прежнему осторожно идти вперед своим особым, традиционным, религиозно-монархическим путем, сохраняя

Преподавателю на заметку

все права и привилегии дворянства, и в первую очередь дворянства поместного, без которого Россия, по их мнению, перестала бы быть Россией.

Этот лагерь возглавляли сам Николай II, Победоносцев, председатель Комитета министров И.Н. Дурново, статс-секретарь, а затем министр внутренних дел В.К. Плеве и др. Однако среди участников созданного в 1902 г. Особого совещания о нуждах дворянского сословия были не только консерваторы, но и либералы или либерал-консерваторы, стоявшие на более умеренной точке зрения, которые поддержали и превратили затем в законы идеи насаждения дворянского землевладения в Сибири, сохранения заповедных дворянских имений, учреждения касс взаимопомощи для дворян и др.

Для преодоления противоречий в самом правительственном лагере между Витте и Плеве им дали в 1902 г. возможность возглавить первому Особое совещание о нуждах сельскохозяйственной промышленности, которое опиралось на 600 губернских и уездных местных дворянских комитетов, а второму – держать под контролем Редакционную комиссию по пересмотру законодательства о крестьянах. Последняя признала, что все новые явления в крестьянской жизни, о которых говорит Витте, действительно, имеют место, но еще не получили такого развития, чтобы из-за них менять уже всю правительственную политику в деревне. В рекомендациях же Совещания 1902 г. уже более определенно говорилось о необходимости помощи государства возникающим хуторам и отрубам и облегчении выхода крестьян из общины, но все это осталось тогда только на бумаге, тем более что Витте с августа 1903 г. уже не был больше министром финансов и возглавил Комитет министров, у которого фактически не было власти, а Плеве, который советовал пресекать «игру в конституцию» и утверждал, что реформы в России может проводить только император-самодержец, был убит эсером-террористом летом 1904 г.

Вокруг документов Редакционной комиссии и Особого совещания складывалось уже и вполне определенное общественное мнение: о первой говорили, что она хочет окончательно закрепостить крестьян, а второе, наоборот, смотрит в будущее России. В 1904 г. была опубликована «Записка по крестьянскому вопросу», автором которой был Витте, и в ней подводились предварительные итоги работы Особого совещания о нуждах сельскохозяйственной промышленности. Предлагалось освободить крестьян от опеки общины, уравнять их в правах с другими сословиями и предоставить им возможность свободного перехода к личному землевладению. Однако начавшаяся в 1904 г. война России с Японией заставила правительство сделать перерыв в работе Особого совещания и в конце концов закрыть его в 1905 г., уже после начала Первой российской революции. В итоге противоборство Витте и Плеве, убитого летом 1904 г. эсером-террористом, так

Преподавателю на заметку

и осталось незаконченным, хотя из-за позиции лично Николая II Витте вынужден был уйти на время в тень.

Новый, XX век начался с подъема массового рабочего и крестьянского движения в России, когда власть получила, но так и не учла данный ей намек на будущее самодержавного режима. За время оживления рабочего движения в 1895–1903 гг. в России произошло 6,7 тыс. забастовок, в которых участвовали 1,2 млн рабочих. В 1895 г. бастовали 80 тыс. рабочих, в 1900 г. – 100 тыс., в 1901 г. – 176 тыс., а в 1903 г. – 365 тыс. человек, участвовавших в более чем 2,2 тыс. забастовок, среди которых преобладали пока еще протестные выступления на экономической почве, хотя цифры сами по себе были еще невиданными в России.

Появилась марксистская, пролетарская, Российская социал-демократическая рабочая партия (РСДРП) с левым (большевистским) и правым (меньшевистским) крылом, еврейский Бунд, Социал-демократия Королевства Польского и Литва, Армянская социалистическая рабочая партия и Революционная украинская партия, ориентировавшиеся на II Интернационал, но легализованных профсоюзов в России тогда еще не было.

В 1902 г. в основном на Украине и в Грузии произошло более 200 крестьянских волнений. Среди части крестьян вела работу неонародническая революционная партия социалистов-революционеров, которая вела также работу и среди рабочих, студентов и военнослужащих. При этом крестьяне тогда верили Николаю II еще больше, чем городские рабочие.

Как уже говорилось, в конце января 1904 г. в жизнь россиян ворвалась новая война – на этот раз с напавшей на Россию Японией. Ее руководящие милитаристские круги, равнявшиеся к господству своей империи над Дальним Востоком и к расширению японской территории, задевали и геополитические интересы России в этом регионе. При этом авантюристическая, крайне неосторожная политика вошедшего в доверие к Николаю II ротмистра А.М. Безобразова и целой группы «безобразовцев», а также Плеве, говорившего: «Нам нужна маленькая победоносная война» (целей которой ни солдаты, ни население страны просто не понимали), способствовали обострению отношений России с Японией, закончившихся войной двух держав в очень невыгодных для России условиях и ее оглушительным поражением.

Японская агрессия вызвала у россиян целую гамму очень противоречивых чувств, далеких, однако, от примитивного псевдопатриотического экстаза и забвения антинародной сущности правящего в России романовского режима. Социал-демократы, расколовшиеся еще на II съезде РСДРП в 1903 г. на ультралевых большевиков и более умеренных меньшевиков, были в основном «пораженцами», никогда не доходя, однако, до призывов к уклонению рабочих и крестьян от

Преподавателю на заметку

мобилизации в армию, организации саботажа на военных предприятиях и т. д. Один из лидеров РСДРП меньшевик Ю.О. Мартов писал в 1904 г. в газете «Искра»: «Мы достаточно патриоты, чтобы пальцем о палец не ударить, дабы помочь самодержавию победой над Японией укрепить свое бесчестящее Россию владычество над нашей Родиной. Но в то же время мы интернационалисты, а потому не наше дело помогать правящим классам Японии разгромить реакционную Россию».

Характерно, что когда осенью 1904 г. в Париже состоялось совещание российских революционеров и либералов для выработки совместной тактики поведения во время войны России с Японией, то и большевики, и меньшевики отказались в ней участвовать, так как стало известно, что финансирует ее проведение японское правительство, считая это для настоящих революционеров недопустимым.

В самой России Николай II вынужден был в августе 1904 г. назначить главой правительства слывшего либералом бывшего виленского губернатора П.Д. Святополк-Мирского, пытавшегося смягчить политику политических преследований в России, снять со своих постов некоторых крайних реакционеров, допустить некоторую гласность в печати и т. д.

С 20 ноября 1904 г. в ряде крупных городов империи началась банкетная кампания либералов, приуроченная к 40-летию судебной реформы Александра II. До конца года прошло не менее 120 банкетов примерно с 50 тыс. участников, что свидетельствовало о явном возрастании роли в России либеральной оппозиции. Она предлагала власти ввести в стране «сверху», по воле императора все демократические свободы, провести реорганизацию всего государственного строя империи на конституционных началах, созвать Учредительное собрание, провести полную политическую амнистию и т. д. Таким образом, градус либеральной оппозиционности явно все повышался и повышался, причем этот процесс шел и в столице, и на окраинах России.

Тем не менее Николай II по-прежнему считал, что его империя к принятию конституции все еще не готова, Святополк-Мирский с досады подал в отставку, а в опубликованном указе императора Сенату от 12 декабря 1904 г. обо всем этом опять ничего конкретного сказано не было. Шанс снять социально-политическое напряжение в России был, таким образом, опять властью упущен. В такой обстановке достаточно было искры, чтобы в России вспыхнул настоящий социально-политический пожар, продолжавшийся, как оказалось, целых два с половиной года.

6. Первая революция в России

Первая в истории России революция неожиданно началась вечером

Преподавателю на заметку

9 (22) января 1905 г. В тот день в Петербурге было варварски и безрассудно расстреляно более чем 100-тысячное мирное шествие к Зимнему дворцу столичных рабочих и членов их семей во главе со священником Георгием Гапоном, официально разрешенное городскими властями. Его организовала национально-религиозная патриотическая и просветительская организация «Собрание русских фабрично-заводских рабочих г. Санкт-Петербурга». В своей петиции к императору, заранее составленной с участием представителей либеральной, социал-демократической и рабочей интеллигенции, участники шествия заявили о своем желании немедленно закончить войну с Японией, получить гражданские свободы и «свободу борьбы труда с капиталом», а также право участвовать в выборах в национальное Учредительное собрание. При этом они писали, что готовы умереть у стен Зимнего дворца, если император не захочет выслушать их – своих «детей».

Характерно, что Николай II с семьей совершенно сознательно покинул столицу, передав решение вопроса о шествии рабочих в руки военных во главе с 62-летним дядей царя великим князем Владимиром Александровичем. Не помогло и обращение к властям делегации столичной либеральной и демократической интеллигенции с участием известного писателя Максима Горького. Встретившиеся с ней 8 января 1905 г. представители высшей бюрократии, включая председателя Комитета министров С.Ю. Витте, решили предоставить событиям идти своим чередом.

Что касается Гапона, то после «Кровавого воскресенья», как стали называть в России день 9 января, его сторонники помогли ему тайно перебраться в Западную Европу. Там, в Швейцарии, он встречался, в частности, с Плехановым и Лениным, агитируя их за создание широкого блока революционных социалистических партий, хотя из его многообещающей агитации ровным счетом ничего не вышло. Ввязался Гапон и в подготовку к транспортировке на закупленном в Англии пароходе «Джон Графтон» большой партии самого разного оружия для русских революционеров, включая большевиков и эсеров, но при загадочных обстоятельствах, связанных с участием в этой операции известного эсера-провокатора Е. Азефа, корабль сел на мель в Балтийском море, и лишь незначительную часть оружия удалось потом спасти и доставить в Россию.

В советское время в очень солидных изданиях, например в многотомной «Истории КПСС», сообщалось о том, что Гапон был провокатором, но из современной историографии эта версия уже исчезла, так как никаких подтверждений этого в документах нет. Действительно, молодой Г.А. Гапон был связан одно время с отцом «полицейского социализма» в России жандармским полковником С.В. Зубатовым и его довольно неглупым, но рискованным для власти детищем – «зубатовщиной». К концу 1904 – началу 1905 г., когда Гапон переживал

Преподавателю на заметку

апогей своей гуманитарно-политической карьеры в Петербурге, эксперимент с «зубатовщиной» правительством был уже прекращен, и священник оказался под влиянием эсеров, больше подходивших ему в попутчики по темпераменту и довольно неопределенным левым политическим взглядам. После «Кровавого воскресенья» они и переправили Гапона за границу, откуда он летом перебрался сначала в Финляндию, а позже в Петербург. Но в разгар революции было уже ясно, что время Гапона безвозвратно прошло. Он не был уже особенно нужен ни рабочим, ни тем более революционерам, вновь завязал какие-то темные связи с полицией, и в марте 1906 г. был убит рабочими под Петербургом в Озерках как провокатор. Однако его неординарная и большая, хотя и неоднозначная роль в подготовке и проведении рабочего шествия 9 января 1905 г. от этого не уменьшается, так как влияние революционных партий на массы рабочих было тогда еще невелико, а уже сам тот факт, что во главе шествия к Зимнему дворцу в тот день шел священник, лишь окружало это шествие в глазах религиозно настроенных рабочих ореолом полной законности. Для их окончательного политического просвещения требовалось еще время, причем немалое.

9 января 1905 г. в Петербурге было убито по меньшей мере около 5 тыс. человек, хотя точнее число жертв так и осталось неизвестным. Это было ничем не спровоцированное кровавое преступление власти против собственного народа, который ответил на него стачками протеста рабочих, многочисленными митингами и собраниями с участием студентов и интеллигенции, охватившими Петербург, Москву, Царство Польское, Украину и Кавказ. Так в России началась революция, о которой я рекомендую прочитать подготовленную в Институте российской истории РАН большую коллективную монографию «Первая революция в России: взгляд через столетие»².

Процесс модернизации в России в XX в. очень сильно отличается от аналогичного процесса в XIX в., когда народные массы практически в нем не участвовали, так как на политическом игровом поле были лишь император (и его правительство) и в лучшем случае реформаторы из дворянского класса типа Сперанского, Киселева, Витте и др. Теперь в Большую игру вступили целые политические партии, их вожди и идущие за ними миллионные массы россиян, что в корне меняло весь ее рисунок, накал борьбы и даже ее исход.

Уже к 18 февраля 1905 г. власть дозрела до решения призвать «лучших, доверием народа обремененных» людей к участию в обсуждении будущих имперских законов. Одновременно россиянам было предоставлено право обращаться непосредственно «наверх», высказывать свое мнение о ситуации в стране и давать

² Первая революция в России: взгляд через столетие / А.П. Корелин, И.М. Пушкарева, Н.Г. Королева, С.В. Тютюкин, И.А. Христофоров. М., 2005.

Преподавателю на заметку

предложения, связанные с вопросами управления государством. При этом общественность живо откликнулась на этот призыв власти. А еще через полгода, 6 августа 1905 г. был обнародован более детально разработанный проект созыва законосовещательной булыгинской (по имени тогдашнего министра внутренних дел А.Г. Булыгина) Думы. Выборы в нее должны были проводиться по цензовой сословно-имущественной куриальной системе, что автоматически отстраняло от участия в них женщин, молодежь, учащихся, военнотружущих, рабочих и значительную часть населения национальных окраин. Характерно, что для крестьян, имевших свой двор и земельный надел, были предусмотрены более благоприятные условия для участия в выборах в расчете на их консерватизм и религиозность. В итоге из 140–145 млн россиян на получение права голоса могли рассчитывать не более 4 млн человек.

Правительство с тревогой ожидало начала осеннего политического сезона в стране, в котором активно должны были принять участие рабочие и студенты. 27 августа университеты получили временную автономию, использованную для организации в их зданиях политических митингов с участием двух наиболее активных социальных групп россиян – рабочих и студентов. В сентябре центр движения под лозунгами «Долой самодержавие!», «Да здравствует революция!», «Да здравствует республика!» переместился в Москву, причем вузовские аудитории превратились в места проведения революционных митингов студентов и рабочих. В московском университете на митинги ежедневно собирались до 10 тыс. человек. Тогда правительство закрыло в сентябре в стране все университеты, но добилось только одного – студенты тоже вышли вместе с рабочими прямо на улицы.

События в Москве стали прологом Всероссийской октябрьской политической стачки (7–22 октября 1905 г.) с участием около 2 млн рабочих и служащих. Благодаря активному участию в ней железнодорожников она практически парализовала на несколько недель экономическую, политическую и культурную жизнь всей огромной страны. В результате Николай II оказался практически в безвыходном положении.

Развитие массового протестного движения в 1905 г. представляло собой сложный волнообразный процесс с рядом подъемов и спадов. Главную роль в нем играли экономические и политические стачки, митинги и демонстрации рабочих и антипомещичьи аграрные выступления крестьян, нередко дополнявшиеся и их столкновениями с войсками и полицией. В это движение включались также и другие социальные слои – интеллигенция, студенты, солдаты и матросы, служащие и городское мещанство. Народный протест захватывал и национальные районы империи, где выдвигались как минимум требования культурно-национальной, а как

Преподавателю на заметку

максимум – и политической их автономии в рамках единого Российского государства.

После «Кровавого воскресенья» наиболее яркими революционными событиями первой половины 1905 г. стали: первомайские стачки и маевки в более чем 120 городах и рабочих поселках страны, 72-дневная майско-июньская забастовка рабочих-текстильщиков в Иваново-Вознесенске, которой руководил Совет рабочих уполномоченных, а также июньская стачка-восстание текстильщиков в Лодзи (Царство Польское). Тогда же произошло восстание на самом мощном броненосце Черноморского флота «Князь Потемкин Таврический» с экипажем в 750 человек, который не сдался царским властям и был интернирован в Румынии, а его команда рассеялась по всей Западной Европе. Наконец летом 1905 г. развернулась настоящая крестьянская война против помещиков по всей территории Европейской России.

Что касается российской власти, то она вынуждена была защищаться силами полиции и регулярной армии, а также использовать своих идеологов. При этом для самодержавия сложилось поистине безвыходное положение, из которого его спас вновь появившийся осенью 1905 г. на политической арене России Витте, вернувший себе после заключения им в августе 1905 г. Портсмутского мира России с Японией расположение императора. Витте хорошо понимал, что без серьезных уступок революционным силам в сложившейся ситуации уже не обойтись. Поэтому он подготовил текст манифеста Николая II, адресованного народу, и добился его принятия императором в той редакции, которую сам Витте посчитал в данный момент единственно возможной, чтобы разрядить кризисную ситуацию. Николай II «даровал» россиянам «незыблемые основы гражданской свободы на началах действительной свободы слова, собраний и союзов». Император заявил также о предоставлении будущей Государственной думе законодательных прав и отблагодарил Витте за его услуги монархии назначением на пост Председателя постоянно действующего Совета министров России (раньше его в нашей стране не было).

В России была объявлена политическая амнистия, а российские политэмигранты получили право вернуться на родину. Подобными «возвращенцами» в 1905 г. стали социал-демократы Ленин, Мартов, Потресов. Лишь болезнь помешала тогда сделать это и Плеханову. Вместе с тем активизировались и так называемые «черносотенные» элементы, выступавшие в защиту царизма и физически расправлявшиеся с революционерами (убийство большевика Н.Э. Баумана и др.), стремясь оказать этим поддержку монархии.

Три последние месяца 1905 г. часто называют периодом Высшего подъема Первой российской революции. Законодательные акты, принятые властью в этот

Преподавателю на заметку

период, дают конкретный ответ тем, кто считает, что революция в России начисто была лишена каких-либо элементов позитивного влияния на жизнь страны. Помимо названных только что октябрьских документов, родившихся в результате прямого воздействия революции на российские «верхи», можно назвать еще и новые «Временные правила о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г., упразднявшие предварительную цензуру для периодических изданий (в конце апреля 1906 г. она была отменена и для неперIODической печати – книг и брошюр). Это не означало однако полную отмену цензуры и контроля, а также разного рода наказаний издателям и журналистам за различные нарушения, обнаруживавшиеся уже после выхода в свет тех или иных неперIODических изданий вплоть до их закрытия.

Октябрьская политическая стачка в России и Финляндии оказала большое влияние и на судьбу финнов, так как 22 октября 1905 г. появился Манифест Николая о восстановлении автономии Великого княжества Финляндского. В Царстве Польском, наоборот, было объявлено в октябре военное положение. В октябре крестьянскими волнениями и восстаниями были охвачены 240 уездов – почти половина их в Европейской России, а в ноябре–декабре 1905 г. там произошло почти 1 400 поджогов помещичьих усадеб с разгромом их имущества и вооруженными столкновениями крестьян с войсками, массовыми порками сельчан и т. д. Быстро росла и численность Всероссийского крестьянского союза: к концу 1905 г. он объединял не менее 200 тыс. членов и имел около 500 волостных и сельских организаций.

Уже 3 ноября 1905 г. оперативно был издан в ответ манифест Николая II об уменьшении выкупных платежей с крестьян за их наделную землю наполовину и о полном прекращении их взимания с 1 января 1907 г., ставший императорским ответом на мощный подъем в России крестьянского движения осенью 1905 г.

За три последних месяца 1905 г. произошло также около 200 революционных выступлений в армии и на флоте. Восстанием в Севастополе руководил капитан 2-го ранга П.П. Шмидт, создавший «Союз офицеров – друзей народа». В середине ноября Шмидт поднял в Севастополе восстание большинства военных кораблей Черноморской эскадры (крейсер «Очаков» и др.) и частей севастопольского гарнизона. Восстание было подавлено, Шмидт на суде произнес пламенную революционную речь и вместе с рядом других руководителей восстания был расстрелян.

Однако постепенно правительство собралось с силами и перешло в контрнаступление (арест 3 декабря 1905 г. Петербургского Совета рабочих депутатов под руководством Л.Д. Троцкого и А.Л. Гельфанда (Парвуса), закрытие 8 столичных газет и др.). Чувствовалось, что в России назревает что-то очень серьезное.

Преподавателю на заметку

На протяжении всего 1905 г. революционеры, особенно большевики (Ленин и др.), многократно угрожали правительству тем, что в России в ходе революции обязательно произойдет вооруженное восстание. На III (большевистском) съезде РСДРП в Лондоне в апреле–мае 1905 г. вопрос о нем прямо стоял в повестке дня (доклады А.В. Луначарского и А.А. Богданова). Большое место его практическая подготовка занимала и в работе члена ЦК Л.Б. Красина. При этом нужно было добыть разными путями оружие, попробовать организовать собственное его изготовление, научить владеть им рабочих, студентов и радикальную часть интеллигенции, освоить тактику уличного боя с правительственными войсками, а также наладить взаимодействие с боевыми дружинами эсеров и другими революционерами. Решались эти задачи нелегко, медленно и в полной мере решены большевиками в 1905 г. так и не были. При этом первый настоящий бой власти было решено дать не в столице, буквально наспигованной войсками, а в Москве.

4 декабря МК РСДРП принял решение о проведении в Москве всеобщей стачки и переводе ее в восстание. Эта идея была поддержана на митингах и собраниях московских рабочих, а также на городской конференции РСДРП (большевики и меньшевики к концу 1905 г. уже действовали совместно). Была достигнута договоренность и о единстве действий с эсерами. Мирная забастовка в Москве началась 7 декабря, а на следующий день там бастовали уже 150 тыс. рабочих. 9 декабря была расстреляна полицией демонстрация на Страстной площади, затем вечером обстреляно из орудий училище Фидлера на Чистых прудах – центр революционной деятельности большевиков, а в ночь на 10 декабря по всему городу началось строительство баррикад. Днем 10 декабря столкновения с войсками происходили уже в разных районах Москвы. При этом повстанцы, действуя попартизански группами в 3–4 человека, начали теснить правительственные войска. Свидетели отмечали и участие в боях наряду с мужчинами женщин, хотя против повстанцев уже применялись пулеметы и артиллерия. Всего в Москве в дни восстания погибли 1 059 человек, включая женщин и детей.

Ситуация изменилась, когда московский генерал-губернатор Ф.В. Дубасов, который уже 7 декабря ввел в городе военное положение, доложил 13 декабря по телефону императору, что не ручается более за «целость самодержавия», а тот, в свою очередь, решил послать в Москву Семеновский и Ладужский полки. Утром 16 декабря они прибыли туда, что и решило судьбу всего восстания.

Руководящий боевой штаб восстания в Москве отсутствовал, действия повстанцев носили в основном стихийный, хаотичный характер, причем восстание быстро распалось на ряд не связанных между собой очагов. Боевая большевистская организация при МК РСДРП рекомендовала повстанцам действовать не толпой, а небольшими отрядами, не занимать укрепленных мест, а действовать там, откуда

Преподавателю на заметку

легко стрелять и легко уйти, т. е. вести фактически партизанскую войну, а не защищать баррикады.

Точных данных о количестве дружинников в Москве в декабрьские дни 1905 г. нет, и оно колеблется, по разным воспоминаниям, от 700–800 до 1 600–1 700 человек. В городе действовали большевистская, меньшевистская, эсеровская, студенческая, кавказская, железнодорожная, типографская, профсоюзная и ряд фабрично-заводских дружин. Организованно прошел в Москве и выход дружинников из боев. 19 декабря только 29-летний машинист эсер А.В. Ухтомский вывез из Москвы по Казанской железной дороге на поезде более 100 дружинников. Сам он после этого был арестован и расстрелян. Его именем до сих пор называется одна из пригородных станций Московско-Казанской железной дороги.

16 декабря в Москву прибыл Ладожский полк из Польши, а на следующий день – Семеновский полк из столицы (всего 1900 штыков). Последние бои с революционерами происходили 16–21 декабря на Пресне, где среди ее защитников преобладали эсеры.

Такой авторитетный марксистский политик и теоретик, как Г.В. Плеханов, заявил в своем «Дневнике социал-демократа» № 4 (конец декабря 1905 г.) в очень резкой и обидной для московских социал-демократов, в первую очередь большевиков, форме: «Несвоевременно начатая политическая забастовка (в декабре 1905 г. – С.Т.) привела к вооруженному восстанию в Москве, в Сормове, в Бахмуте и т. д. В этих восстаниях наш пролетариат показал себя сильным, смелым и самоотверженным. И все-таки его сила оказалась недостаточной для победы. Это обстоятельство нетрудно было предвидеть. А потому не нужно было и браться за оружие».

Это заявление вызвало настоящую бурю в российских марксистских кругах: немалая доля истины в словах Плеханова, несомненно, была, но сделанный им вывод звучал как приговор всей современной РСДРП и особенно ее большевистским руководителям. Между тем «отец русского марксизма» сбрасывал со счетов настроения самих московских рабочих в пользу восстания, достигнутое большевиками, меньшевиками и эсерами соглашение о единстве действий в его ходе, выработанные большевиками совершенно правильные рекомендации московским рабочим об их поведении в ходе боев с правительственными войсками и порядке отступления из мятежной Москвы, когда восстание было уже революционерами проиграно, что позволило им избежать ненужных жертв.

Да, значительный перевес сил был на стороне царских солдат и офицеров, несвоевременно уехали на партийную конференцию в Таммерфорсе (Финляндия) Ленин, Красин и другие большевики, очень нужные во время восстания в Москве, не удалось сорвать прибытие в Москву подкреплений для царских войск, москвичи не

Преподавателю на заметку

получили своевременной поддержки со стороны революционеров и рабочих из других районов России и т. д. Но вряд ли все это можно было предвидеть заранее. Плеханов и сам упоминал в «Дневнике» несколько других городов, где тоже произошли в декабре 1905 г. восстания, причем их было значительно больше (Харьков, Екатеринослав, Ростов-на-Дону, Нижний Новгород, Новороссийск, Красноярск, Чита, станции на Транссибирской железнодорожной магистрали). Характерно, что Плеханов позже никогда больше не вспоминал об этом ставшем печально знаменитым своем высказывании, вызвавшем настоящее возмущение его товарищей по партии.

Московское восстание в декабре 1905 г. ускорило и публикацию 11 декабря 1905 г. закона о выборах в Государственную думу. Избирательных прав были лишены военнослужащие и чины полиции. Выборы оставались многоступенчатыми (сначала избирались уполномоченные, а потом сами депутаты, и лишь в 26 крупных городах России последние избирались непосредственно) и неравными для разных сословий (крестьяне избирали 43 % депутатов, землевладельцы – 32 %, а рабочие – лишь 3 %).

20 февраля 1906 г. Госсовет царским манифестом был преобразован в коллегию, часть членов которой назначалась императором, а другая – избиралась. Крупные землевладельцы избирали 74 членов из 98, духовенство и Академия наук совместно с университетами – по 6, а торгово-промышленная буржуазия – 12. Члены Госсовета избирались на 9 лет, причем каждые 3 года треть состава обновлялась. При этом Госсовет мог утверждать или не утверждать решения Государственной думы.

Тогда же появился регламент работы Государственной думы. Император, в частности, мог распускать ее и по своему усмотрению, не отчитываясь о причинах этого своего шага. Для запроса депутатов министру необходимо было, чтобы под ним стояло как минимум 50 подписей.

23 апреля 1906 г., за четыре дня до открытия I Государственной думы (выборы в нее прошли в феврале) на совещании в Царском селе с участием Николая II были приняты «Основные государственные законы», призванные как бы подвести итог тем изменениям, которые произошли в государственном строе России во время революции к концу 1905 г. При этом сам Николай II решил на этот раз не оставаться в стороне от их обсуждения, так как речь шла о его собственных императорских правах – «главнейшем вопросе во всем этом деле». Лицемерно заявив, что акт 17 октября был дан им якобы «вполне сознательно», император тут же добавил, что «не убежден в необходимости при этом отречься от самодержавных прав», причем 80 % русского народа, по его мнению, будут на его стороне. Это была вполне определенная заявка на сохранение своих традиционных верховных прав,

Преподавателю на заметку

прозвучавшая фактически как приказ остальным участникам обсуждения, причем крайняя противоречивость всей этой ситуации в расчет императором больше даже не принималась.

С одной стороны, ни один закон в России не мог теперь согласно «Основным государственным законам» вступить в силу без одобрения его Думой, а затем и Госсоветом, но при этом он обязательно должен был быть утвержден еще и императором. Депутаты Думы присягали на верность не народу и государству, а «Его величеству императору и самодержцу всероссийскому». Министры были ответственны только перед ним, он их назначал и смещал, а также заключал договоры с другими государствами. Прерогативы Думы не распространялись на вопросы внешней политики России. Формально император не мог издавать законы без согласия Думы, но по ст. 87 «Основных государственных законов», он все же мог это сделать в перерывах между думскими сессиями, хотя и с последующим их утверждением все той же Думой. Но смущаться подобным несуразностями было не в обычае у Николая II, когда им прочно овладевала какая-нибудь идея.

Очень долгое время данный документ не считался фактической Конституцией Российской империи, но теперь его уже обычно признают таковым, хотя он явно проигрывает конституциям основных западных стран. Да и принят этот документ был даже не Государственной думой Российской империи, а узким совещанием государственных деятелей с участием самого императора. Естественно революционеры никогда не признавали его Конституцией России, так как его проект никогда не ставился на всенародное голосование, а Государственная дума воспринимала его позже уже как некую данность, не подлежащую обсуждению, и в этом своем качестве он признавался до 1917 г. и свержения в России монархии также и другими государствами.

Первая Государственная дума работала с 27 апреля по 8 июля 1906 г. и просуществовала всего 72 дня вместо положенных ей пяти лет. На составе и поведении ее депутатского корпуса, состоявшего из 496 человек, лежал еще отпечаток бурных событий 1905 г. Это во многом предопределило появление во главе I Думы левого, кадетско-трудовического (крестьянского) блока, в который входили 178 кадетов и 110 трудовиков, составлявших соответственно 35 и 20 % всего депутатского корпуса. Именно этот блок и задавал тон в работе всей I Думы. Фактическим лидером кадетов был бывший профессор Московского университета историк П.Н. Милюков, трудовиков в I Думе возглавлял ставший профессиональным политиком из крестьян А.Ф. Аладьин. При этом Милюков даже не был членом Думы и руководил фракцией кадетов из ложи прессы или из буфета Таврического дворца. Кроме кадетов и трудовиков, в I Думе были еще 65 «автономистов» (польское, коло, украинцы, эстонцы, латыши, литовцы и др.), 16 октябристов и 105 беспартийных.

Преподавателю на заметку

Социал-демократами в I Думе «записались» (так разрешалось делать по закону) всего 18 депутатов, так как сначала вся РСДРП решила еще в 1905 г. вообще бойкотировать Думу и лишь на IV (объединительном, большевистско-меньшевистском) апрельском 1906 г. съезде РСДРП в Стокгольме членам партии там, где выборы в Думу к тому моменту еще не закончились, было разрешено все же послать туда своих депутатов. Этим и воспользовались 18 меньшевиков – грузинские социал-демократы Н.Н. Жордания (фактически лидер группы, профессиональный революционер), И.И. Рамишвили и еще трое их товарищей, в том числе очень популярный в пролетарской среде рабочий с екатеринославщины М.И. Михайличенко и др. Большевики и эсеры I Думу вообще бойкотировали, хотя последние и народные социалисты (энесы) негласно были в Думе среди трудовиков.

Председателем I Государственной думы был избран московский кадет профессор С.А. Муромцев, а его заместителями тоже кадеты П.Д. Долгоруков (Курск) и Н.А. Гредескул (Харьков) – оба по образованию юристы, но первый – земский деятель, а второй – университетский профессор.

В день открытия I Думы Николай II устроил в Тронном зале Зимнего дворца короткий торжественный прием, стараясь поразить депутатов, особенно крестьян и представителей национальных меньшинств, роскошью дворцовой обстановки, близостью к императору, императрице и членам правительства, а также своей краткой приветственной речью, где он, в частности, назвал присутствующих «лучшими людьми» России. Но говорить торжественные речи император не умел, и большого впечатления на депутатов она не произвела. Затем на пароходе они отправились по Неве к екатерининско-потемкинскому Таврическому дворцу, где им предстояло заседать, причем путь их лежал мимо знаменитой тюрьмы «Кресты», из зарешеченных окон которой их приветствовали политзаключенные.

Накануне начала работы I Думы император наконец распрощался с премьером Витте, добившимся под занавес своей карьеры получения Россией большого заграничного займа, ставшего его последним «подарком» Николаю II. А тот в ответ распорядился, чтобы Витте, писавший очень интересовавшие монарха мемуары и содержащиеся в них оценки его личности и государственной деятельности, до самой смерти (1915 г.) оставался под негласным надзором полиции, хотя никакого компромата на династию Романовых в его мемуарах, как выяснилось, и не было. Преемником же Витте оказался типичный бюрократ старой школы 66-летний И.Л. Горемыкин, даже не пытавшийся потом спасти I Думу от досрочного роспуска. Именно с ним и предстояло сначала иметь дело депутатам Думы, хотя за спиной Горемыкина уже маячила фигура нового министра внутренних дел П.А. Столыпина.

Петр Аркадьевич Столыпин (1862–1911) на протяжении последних 5 лет своей жизни был самой мощной и влиятельной фигурой в правящих кругах России,

Преподавателю на заметку

возглавляя ее правительство и одновременно министерство внутренних дел. Он принадлежал к старинному, известному уже в XVI в. дворянскому роду, которому принадлежали земли в пяти губерниях России. Его отец был профессиональным военным и участвовал в Крымской и Русско-турецкой 1877–1878 гг. войнах. Сам же Петр Столыпин закончил виленскую гимназию и физико-математический факультет Петербургского университета, где изучал, помимо всего прочего, химию и агрономию, что особенно пригодилось ему в дальнейшем. Государственную службу молодой Столыпин начал в Министерстве государственных имуществ и продолжил ее в МВД. Он стал ковенским (Литва) уездным, а потом губернским предводителем дворянства, именно в то время познакомившись с системой хуторского крестьянского хозяйства в соседней Пруссии, что также очень пригодилось ему при проведении в России аграрной реформы, получившей его имя.

В 1902 г. Столыпин был назначен гродненским, а в 1903 г. – саратовским губернатором. На этом последнем посту он показал себя решительным, смелым, но достаточно гибким администратором, а личное мужество при усмирении бунтующих крестьян привлекло к нему внимание императора и его окружения. Тогда же у Столыпина окончательно сложился план перехода от общинно-уравнительной к состязательной хуторской системе крестьянского хозяйства, основанной на индивидуальной частной собственности на землю. В апреле 1906 г. Столыпин возглавил МВД, а уже 8 июля одновременно стал и премьером.

Уже в самом начале работы I Думы, пользуясь тем, что трудовики не сразу освоились с новой обстановкой, кадеты в своем письменном ответе на тронную речь (которая произносилась Николаем II в Зимнем дворце) первыми изложили весь набор своих главных требований к власти – отмена смертной казни, амнистия политзаключенным, упразднение Госсовета, установление ответственности министров перед Думой, ликвидация всех казенных, удельных и монастырских земель и принудительный выкуп государством земель частных, превышающих «трудовую норму», для раздачи их крестьянам. Левые кадеты очень гордились тем, что I Дума – это Дума «народного гнева», а их указанные выше требования – это фактически «штурм правительства». Поэтому их естественно никак не устроил, например, присланный правительством в Думу для утверждения ею законопроект об ассигновании 40 тыс. руб. на строительство оранжереи и сооружение прачечной для Дерптского университета (!).

Всего депутаты Думы сделали рекордное количество запросов министрам – 391, причем они немедленно становились известны печати и общественности. Но главной темой думских прений был все же аграрный вопрос. В мае 1906 г. началось его детальное обсуждение, причем первыми внесли свой проект кадеты, а вторыми – трудовики, которые предлагали оставить помещикам лишь столько земли, сколько

Преподавателю на заметку

им было положено по «трудовой норме», а все излишки отобрать у них в принудительном порядке либо совершенно бесплатно (трудовики), либо с компенсацией их стоимостью государством (кадеты), причем последние делали исключение для «образцовых» помещичьих имений, где урожайность была выше, чем у крестьян. Был внесен и проект эсеров, предусматривавший немедленное и полное уничтожение частной собственности на землю и ее социализацию, т. е. передачу обществу. В итоге «непробиваемость» для власти кадетов и трудовиков как сторонников принудительного отчуждения помещичьей земли и стала главной причиной роспуска Думы.

Когда утром 9 июля депутаты пришли к запертым входным дверям в Таврический дворец, то нашли на них лишь объявление о роспуске Думы за то, что она «разжигала» в стране смуту. В ответ трудовики немедленно призвали всех депутатов не уезжать из Петербурга, а кадеты – отправиться всем в соседний Выборг (он находился на территории Великого княжества Финляндского и не подчинялся российским законам) и оттуда обратиться ко всем россиянам с призывом не платить налоги и не подчиняться требованию власти исполнять воинскую повинность.

9–10 июля в выборгской гостинице «Бельведер» прошло совещание с участием 220–230 депутатов из всех фракций, причем основную роль на нем играли кадеты, трудовики и социал-демократы. Воззвание «Народу от народных представителей» готовили в основном кадеты П.Н. Милюков и М.М. Винавер, а подписали его 180 депутатов, к которым позже присоединилось еще несколько десятков бывших членов I Думы, точное число которых так и осталось неизвестным. 12 июля трудовики и социал-демократы, ЦК РСДРП и ЦК ПСР обратились к крестьянству и армии с призывом к свержению существующей власти и замене ее своими выборными, а крестьян – еще и к захвату помещичьих земель. Но ответа «снизу» на эти горячие призывы не последовало.

В декабре 1907 г. 165 подписантов возвания думцев после их тщательного «просеивания» через судебное сито были приговорены к 3 месяцам тюремного заключения и лишению избирательных прав (восстановлены в них они были после Февральской революции 1917 г.). Отбывали же перводумцы, в том числе и председатель I Думы Муромцев, это тюремное заключение уже в 1908 г.

Воздействие названного выше обращения депутатов I Думы к россиянам было, прямо скажем, незначительным, но лето 1906 г. ознаменовалось все же рядом восстаний в армии и на флоте, организованных большевиками и эсерами. 17–20 июля произошли солдатско-матросские выступления в двух крупнейших крепостях на Балтике – в финском Свеаборге и российском Кронштадте недалеко от Петербурга. Первое организовали большевики, второе – большевики и эсеры по

Преподавателю на заметку

соглашению на уровне их ЦК. Третьим выступлением на Балтике стал бунт матросов с учебного крейсера «Память Азова». Результатом быстрой расправы с восставшими стали около сотни повешенных или расстрелянных, а также многие сотни сосланных на каторгу и заключенных в тюрьмы.

Естественно вставал тогда вопрос и о протесте рабочего класса и крестьянства на такое событие общероссийского масштаба, как роспуск Думы. Поднять их на нечто подобное Всероссийской октябрьской политической стачке 1905 г. и тем более на масштабное вооруженное восстание было летом 1906 г. практически невозможно, тем более что I Дума была в основном кадетской, ее роспуск соответствовал букве конституции, а ЦК РСДРП, где после IV съезда партии преобладали меньшевики, относился к восстанию в основном по-плехановски. В итоге ЦК РСДРП ограничился лишь призывами рабочих к отдельным забастовкам протеста, успеха, однако, не имевшим. Что касается крестьян, то их сочувствие депутатам-трудовикам не подлежало ни малейшему сомнению, но 700 крестьянских волнений в июле 1906 г. изменить общую обстановку в России явно не могли.

Правда, Столыпину пришлось 12 августа расплатиться за свой успех с роспуском I Думы покушением на его жизнь эсеров и большевиков (последние изготовили для этого бомбу), взорвавших дачу премьера на столичном Аптекарском острове. Там погибли 24 ни в чем не повинных посетителя премьера, его дочь была ранена, но сам он не пострадал. В ответ на этот террористический акт правительство ввело в России «скорострельные», без излишних формальностей действующие военно-полевые суды, выносившие в ускоренном порядке смертные приговоры (не все они были приведены в исполнение, но тем не менее казнены были 683 человека).

Подтвердив свою репутацию верного и смелого слуги императора, Столыпин решил, что настало время обнародовать основной замысел своей предполагаемой аграрной реформы. Поскольку Дума после своего июльского роспуска еще не функционировала, на помощь премьеру пришел императорский указ от 9 ноября 1906 г. с туманным и никого не дразнящим названием «О дополнении некоторых постановлений действующего законодательства, касающегося крестьянского землевладения и землепользования», который был в дальнейшем дополнен законом 14 июня 1910 г. и проведен уже вполне законно через III Государственную думу, хотя его реализация фактически началась еще в 1907 г.

Столыпин решил ускорить давно уже начавшийся в России процесс распада крестьянской поземельной общины, предоставив крестьянам право по выбору закреплять свои земельные наделы в собственность, продавать их или вести на них самостоятельное частное хозяйство. Он показал себя достойным продолжателем планов Витте по созданию в России многочисленного слоя преданных властям

Преподавателю на заметку

мелких и средних крестьян-собственников, способных значительно увеличить производство в стране товарной сельхозпродукции. Составной частью программы Столыпина было также массовое переселение крестьян в малонаселенные восточные районы страны, развитие кустарных промыслов и т. д. Однако этот план был реализован лишь частично по целому ряду причин, в том числе из-за сопротивления и многих менее зажиточных крестьян, видевших в общине средство своей защиты перед лицом помещиков и государства.

Историки долго думали, как следует охарактеризовать реформы Столыпина, и наконец пришли к мнению, что это были реформы консервативно-либеральные – консервативные по своей основной цели (сохранение императорской власти) и либеральные по методам их проведения с учетом интересов крестьянства, напоминая в этом отношении лучшие реформы Александра II в XIX в. – судебную и военную, когда Россия частично приобретала характер правового государства.

Убийство Столыпина осенью 1911 г. в Киеве, конечно, затронуло и судьбу его реформы, тем более что от бывшего милостивого и сочувственного отношения Николая II к Столыпину к тому времени уже ничего не осталось. Реформа так и осталась неоконченной, а начало Первой мировой войны в июле 1914 г. предопределило перерыв (а фактически конец) в ее проведении. Формально он мотивировался в 1915 г. тем, что массовая мобилизация в армию солдат затрудняет ее дальнейшее проведение, так как они хотели бы быть дома и участвовать в ее проведении. После Февральской революции, а тем более после октября 1917 г. она была уже ни к чему, так как советская власть была настроена решительно против нее. Промежуточные итоги ее проведения (из общины вышла только примерно пятая часть крестьян-общинников, владевших 15 % общинных земель) означали, что до окончания ее проведения было при Николае II еще очень далеко.

Заканчивалась Первая российская революция уже во время работы II Государственной думы (20 февраля – 3 июня 1907 г.). В составе ее депутатского корпуса (517 человек) происходили довольно противоречивые процессы: значительно увеличилось количество неонародников – трудовиков, энесов и эсеров (157 мест вместо прежних 94) и социал-демократов (65 вместо 18); кадеты потеряли почти половину мест (124 вместо 178), в чем сказывалась и неудача упомянутого Выборгского воззвания. Зато выросло количество октябристов (35 мест) и черносотенцев (49 мест). Традиционно достаточно полно были представлены так называемое Польское коло и Мусульманская фракция. Подобная структура депутатского корпуса изначально уже предвещала недолговечность существования II Думы, что через три месяца вполне подтвердилось, хотя кадеты и стремились всячески «беречь» российский парламент.

Преподавателю на заметку

Представителем II Думы стал кадет Ф.А. Головин – фигура намного менее яркая, чем председатель предыдущей Думы Муромцев. Заместителями председателя стали Н.Н. Познанский (беспартийный, левее кадетов) и М.Е. Березин (трудовик).

Уже при открытии II Думы 20 февраля 1907 г. не обошлось без конфликта: половина депутатов не встала при оглашении приветствия императора. Не примирил левых и правых депутатов и инцидент, произошедший утром 2 марта, когда еще до начала заседания обрушилась штукатурка потолка в главном зале Думы. Причем если бы это произошло во время работы российского парламента, то пострадали бы и левые, и правые депутаты (причиной была вибрация установленного на чердаке дворца электрогенератора и ветхость самого потолка). Поэтому работу Думы пришлось даже временно перенести в здание столичного Дворянского собрания, где 6 марта и выступил премьер Столыпин, эффектно завершивший свою речь демагогической фразой о том, что правительство готово якобы предоставить в распоряжение Думы свой труд, добрую волю и опыт, сказанную лишь для красного словца.

Опять совершенно неизбежные во II Думе продолжительные дебаты по аграрному вопросу (март–май 1907 г.) как и год назад, завели российский парламент в тупик, тем более что появились еще и разные социалистические аграрные проекты «муниципализации», «национализации» и «социализации» земли, а кадеты «из принципа» (хотя уже и с рядом оговорок) по-прежнему держались за идею принудительного отчуждения всех, в том числе и помещичьих, земель, превышающих трудовую норму. В итоге аграрный вопрос к весне 1907 г. так и не получил во II Думе никакого практического решения.

О чем реально заботилось правительство, стало окончательно ясно 10 мая, когда премьер раскрыл наконец свои политические карты. Столыпин начал выступление с эффектной и вошедшей в историю фразы: «Им (революционерам, сидевшим на левых скамьях. – С.Т.) нужны великие потрясения, нам (правительству и всем благомыслящим депутатам) нужна Великая Россия». Подтекст ее Столыпин частично раскрыл чуть ниже, сказав от имени власти, что она не позволит «обездолить» 130 тыс. владельцев земли и оторвать их от привычного и «полезного для государства» труда. Это был прозрачный намек на то, что власть целиком и полностью остается на стороне помещиков, тогда как многочасовые аграрные прения в Думе для него – лишь некая «говорильня», создающая видимость широкого, «современного» подхода власти к «объективному» выяснению взглядов различных слоев российского общества и различных политических партий на ситуацию в стране. Из этого и будет исходить правительство, решая и вопрос о судьбе Думы и депутатов, считал Столыпин.

Преподавателю на заметку

Еще раньше скандалом закончилось апрельское обсуждение на закрытом заседании Думы вопроса об утверждении контингента новобранцев, подлежавших призыву в армию в 1907 г. Казалось бы, серьезных возражений с чьей-либо стороны ждать здесь правительству не приходилось, но меньшевик из Тифлиса А.Г. Зурабов вдруг заявил, что российская армия сильна только при подавлении революционных выступлений внутри России, но будет всегда терпеть поражения на Востоке (имелась в виду русско-японская война 1904–1905 гг.). Правые депутаты расценили речь Зурабова как оскорбление армии, возникла словесная перепалка, а оратор, получив замечание председателя, был лишен слова и осужден на 5 лет каторги, бежал с нее и эмигрировал за границу. Вернулся Зурабов в Грузию уже только в 1917 г.

После всего этого многим уже казалось, что досрочный роспуск II Думы, как было год назад и с ее предшественницей, вот-вот станет фактом, но правительство почему-то медлило. Уже после роспуска II Думы 3 июня 1907 г. стало ясно, что с помощью полиции шел поиск доказательств преступных связей думской фракции РСДРП с представителями вооруженных сил для организации в России военного заговора против существующей власти. Инициатором этой провокации был сам Столыпин, хотя агитационная работа социал-демократов в вооруженных силах (а она действительно велась) отнюдь не была тождественна организации подобного заговора, а более серьезных фактов в распоряжении полиции так и не оказалось.

Тем не менее, Столыпин 1 июня 1907 г. потребовал исключить из состава депутатов Думы 55 социал-демократов, а 16 из них во главе с меньшевиком И.Г. Церетели лишить депутатской неприкосновенности и дать санкцию на их арест по обвинению в подготовке военного переворота. В ночь на 3 июня эта первая группа социал-демократов была арестована, а днем того же дня II Дума была распущена и издано Положение о выборах в следующую III Думу, менявшее очень сильно весь ее состав.

С социал-демократической фракцией Столыпин расправился довольно сурово. Руководитель ее меньшевистской части 25-летний грузинский социал-демократ И.Г. Церетели происходил из древнего обедневшего грузинского дворянского рода, окончил гимназию в Тифлисе и поступил на юридический факультет Московского университета. Но уже на втором курсе он был арестован за активное участие в студенческом движении. С осени 1903 г. Церетели стал меньшевиком, а с февраля 1907 г. возглавил меньшевистскую часть фракции РСДРП II Государственной думы (большевиками там руководил Г.А. Алексинский). В Думе Церетели привлек всеобщее внимание своими резкими антистольпинскими выступлениями. Отчитавшись в мае 1907 г. на V съезде РСДРП в Лондоне о своей работе, Церетели, которого от нападок Ленина защищали Мартов, Дан и Троцкий, добился признания в съездовской резолюции, что его фракция «в общем и целом» стояла на страже

Преподавателю на заметку

интересов пролетариата и революции, что было большим успехом молодого меньшевика.

В июне 1907 г. Столыпин добился того, что Церетели почти на целых 10 лет был вычеркнут из списка думских политиков и провел их в Сибири, откуда его освободила только Февральская революция.

3 июня 1907 г. в России был произведен настоящий государственный переворот, так как новый избирательный закон был утвержден только императором без одобрения его Думой и Госсоветом. Теперь на думских выборах 1 голос помещика приравнивался к 4 голосам крупной буржуазии, 68 голосам буржуазии мелкой, 260 голосам крестьян и 543 голосам рабочих. Изменение указанных соотношений было настоящим ударом по принципам демократии, которая и прежде в России была крайне ограниченной и далекой от принципа гражданского равенства всех избирателей. Правительство же тем самым давало понять народу, что революция в России закончена и возврата к уступкам ему со стороны власти больше не будет.

В рамках настоящего очерка, посвященного проблеме преодоления Россией в XIX – начале XX в. своего цивилизационного отставания от более передовых западных стран, период 1905–1907 гг. занимает особое место. В XIX в., как мы помним, сложился определенный сценарий этого процесса: в центре его находился император, принимавший окончательное решение о реформах, рядом с ним могли быть министры-реформаторы типа Сперанского, Киселева, Лорис-Меликова, Витте, которым уделялось в очерке особое внимание, и небольшие группы интеллигенции, создававшие общественное мнение вокруг подобных преобразований, и целая команда революционеров 1860–1870-х гг.

В 1905–1907 гг. к ним присоединились новые действующие лица – миллионы российских рабочих и крестьян, широкие круги интеллигенции и многочисленные представители европейского и мирового общественного мнения, пристально следившие за развитием ситуации в России. При этом от всех новых акторов зависело теперь неизмеримо больше, чем прежде.

Все указы о новых общественно-политических реформах в России в XX в. по-прежнему подписывались императором, которым с 1894 г. стал Николай II, но этот последний российский монарх был значительно слабее своих предшественников из династии Романовых. Правда, рядом с ним были два выдающихся государственных деятеля – С.Ю. Витте и П.А. Столыпин, однако он их в полной мере не оценил и готов был легко с обоими расстаться. Общий же уровень руководства Россией в начале XX в. по сравнению с предыдущим периодом в целом явно понизился.

К сожалению, российская статистика в годы революции оказалась не на высоте, и имеющиеся в распоряжении современных историков данные далеко не в полной

Преподавателю на заметку

мере отражают реальную картину российской действительности, что регулярно отмечают в своих работах сегодняшние специалисты.

В начале XX в., и особенно в годы революции, рабочие перестали молчать о своих бедах и гораздо чаще, чем прежде, прибегали к стачкам протеста. За годы революции задокументированы 2,8 млн забастовщиков в 1905 г., 1,1 млн – в 1906 г. и 450 тыс. – за первые 5 месяцев 1907 г., т. е. всего 4,42 млн рабочих за весь период революции на предприятиях, подчиненных надзору фабричной инспекции. С учетом же всех категорий рабочих эта цифра возрастает до 8–10 млн рабочих за весь период революции, тогда как за то же время в США и Германии их было по 1,2 млн, в Италии – 1 млн, Франции – 0,8 млн человек и т. д.

За время революции сократилась продолжительность рабочего дня, и на большинство предприятий она составляла уже 9–10 часов в сутки. При этом на отдельных предприятиях в октябре–ноябре 1905 г. рабочие боролись уже за 8-часовой рабочий день. Сократилось количество и величина штрафов и т. д.

К концу революции в России было уже 1 350 профсоюзов, которыми были охвачены более 330 тыс. рабочих на территории до Сибири и Дальнего Востока включительно. Однако сейчас прекращена, к сожалению, всякая работа над составлением хроники стачечного рабочего движения в России в 1905–1907 гг., не изучаются узаконенные в 1906 г. отечественные профсоюзы, а также Советы рабочих депутатов 1905 г. Не говоря уже о продолжении работы над изучением 26 тыс. крестьянских выступлений в период революции, выявленных еще советскими историками, а также о революционных выступлениях в вооруженных силах (за участие в них были осуждены в годы революции до 60 тыс. российских военнослужащих).

Все же отметим повышенное внимание современных историков к изучению процесса политизации России в годы революции (история непролетарских политических партий и союзов России, ее первого отечественного парламента – Государственной думы, а также печати самых разных направлений, а не только большевиков, как в советский период). Стали изучаться и общественные организации, включая благотворительные.

Неизмеримо более сложную задачу представляет анализ крестьянского движения. Из выявленных советскими историками около 26 тыс. крестьянских выступлений за годы революции больше всего их приходилась на долю Украины (почти 7 тыс.), Среднего Поволжья – 5,6 тыс. и Черноземного Центра (3,4 тыс.).

Шел также процесс консолидации российской буржуазии, особенно «молодой» (П.П. Рябушинский, А.С. Вишняков, С.И. Четвериков и др.). За европеизацию отношений власти с представителями делового мира активно выступали С.Т. Морозов, Н.И. Гучков и др.

Преподавателю на заметку

Очень активно шел процесс политизации российского общества, создания политических партий, образования Государственной думы и активизации деятельности прессы. Этот процесс приобрел в 1905–1906 гг. характер настоящего взрыва. Начался он еще в XIX в., заметно оживился в начале 1900-х годов, но с конца 1904 г. и особенно после «Кровавого воскресенья» 1905 г. принял необратимый и перманентный характер, когда на российском политическом поле непрерывно появлялись все новые игроки. Если к 1905 г. в России уже было около 40 радикальных и либеральных партий и союзов, то в 1905–1907 гг. к ним прибавились не менее 90 новых, причем как всероссийского, так и регионального масштаба. Характерно, что вся эта многопартийная система была, если так можно выразиться, явно сдвинута в России влево, в сторону социалистического радикализма, либерализма и национального автономизма. Наиболее влиятельными и массовыми среди политических партий и союзов революционного периода, если идти справа налево, были: правоконсервативный монархический «Союз русского народа» (лидер – детский врач А.И. Дубровин), правоцентристский «Союз 17 октября» (лидер – крупный торгово-промышленный, финансовый и общественный деятель А.И. Гучков), левоцентристская партия конституционных демократов (кадетов) во главе с историком России, бывшим профессором Московского университета П.Н. Милюковым и две радикальные социалистические партии – социал-демократы (лидеры ее «большевиков» и «меньшевиков» марксистские публицисты и журналисты В.И. Ленин и Ю.О. Мартов) и социалисты-революционеры (лидер – публицист левонароднического направления В.М. Чернов). Совершенно очевидно, что количество заявивших о себе в 1905–1907 гг. в России партий и союзов превышало все разумные пределы, но гипермасштабность процесса партийного строительства была, видимо, неизбежна и являлась на первых порах спутником недостаточно высокой политической культуры масс, повышенной амбициозности их руководителей, среди которых преобладала более радикально настроенная интеллигенция.

Указанные партии проводили свои съезды, имели собственные печатные органы, программы, а также местные партийные организации. Они вели постоянную острую полемику между собой и имели свои фракции в Государственной думе, причем стенографические отчеты о выступлениях там их депутатов регулярно публиковались в открытой печати. Думские депутаты от национальных районов империи (Польша, Прибалтика, мусульмане Поволжья) образовывали свои объединения (Польское коло, мусульмане-автономисты), участвовавшие в думских прениях с изложением своих позиций по обсуждаемым вопросам.

Объектом деятельности российских политических партий были у каждой из них определенные социальные слои общества. Они занимались выпуском

Преподавателю на заметку

социально-политической литературы, проведением своих кандидатов в Государственную думу, участвовали в ее работе на пленарных заседаниях, в комиссиях, на встречах с избирателями, во время поездок по стране в период думских каникул и т. д. Первые два созыва Государственной думы в 1906 и 1907 гг. оказались очень кратковременными в силу возможности для власти пресекать их деятельность даже без достаточных объяснений и поиска убедительных предложений для этого. Но после 3-июньского государственного переворота правительство получило наконец Думу с приемлемым для него составом депутатов и Россия стала с рядом оговорок парламентской монархией, когда с ноября 1907 г. начала работать III Дума, избранная в соответствии с законом от 3 июня 1907 г., хотя она уже в гораздо меньшей степени отражала взгляды и желания своих избирателей. Впрочем, власть подобная ситуация в России вполне устраивала. Если не считать столыпинской аграрной реформы, то никаких крупных преобразований в России в 1907–1912 гг. больше практически уже не произошло.

По большому счету процесс модернизации России продолжается и поныне, но он имеет уже новое содержание и новые формы и выходит далеко за рамки настоящего очерка.

Библиография работ по теме

- Административные реформы в России: история и современность. М., 2006.
- Акопянец А.С. Программа РСДРП. История создания. Историография. СПб., 2014.
- Анфимов А.М. П.А. Столыпин и российское крестьянство. М., 2002.
- Бибиков Г.Н. А.Х. Бенкендорф и политика императора Николая I. М., 2009.
- Бокова В.М. Эпоха тайных обществ: русские общественные объединения первой трети XIX в. М., 2003.
- Боханов А.Н. Николай I. М., 2008.
- Боханов А.Н. Александр III. С Россией на плечах. М., 2013.
- Будницкий О.В. Российская социал-демократия: проблема терроризма в России. М., 2010.
- Воронкова С.В. Цимбаев Н.И. История России. 1801–1917. М., 2007.
- Государственная дума Российской империи. Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2008.
- Гросул В.Я. Общественное мнение в России XIX века. М., 2013.
- Гросул В.Я. Русское общество XVIII–XIX веков. Традиции и новации. М., 2003.
- Гросул В.Я., Итенберг Б.С., Твардовская В.А., Шаццлло К.Ф., Эймонтова Р.Г. Русский консерватизм XIX столетия. Идеология и практика. М., 2000.
- Захарова Л.Г. Александр II и отмена крепостного права. М., 2011.

Преподавателю на заметку

- Иванова Н.А., Желтова В.П.* Сословно-классовая структура России XIX – начала XX века. М., 2004.
- Измозик В., Старков Б., Павлов Б., Рудник С.* Подлинная история РСДРП–РКП(б)–ВКП(б) без умолчаний и фальсификаций. Краткий курс. СПб., 2010.
- Итенберг Б.С., Твардовская В.А. М.Т.* Лорис-Меликов и его современники. М., 2004.
- Исмаил-Заде Д.И.* Императрица Елисавета Алексеевна. Единственный роман Императрицы. М., 2001.
- Кирьянов Ю.И.* Правые партии в России. 1911–1917 гг. М., 2001.
- Ковальченко И.Д.* Аграрный строй России второй половины XIX – начала XX в. М., 2004.
- Корелин А.В.* Кооперация и кооперативное движение в России 1860–1917 гг. М., 2009.
- Корелин А.В.* Власть и общество в России. Век XIX-й: время ожиданий и перемен. М., 2013.
- Логонов В.Т.* Неизвестный Ленин. М., 2010.
- Милов Л.В.* Великорусский пахарь и особенности российского исторического процесса. 2-е изд., доп. М., 2006.
- Модели общественного переустройства России. XX век / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2004.
- Миронов Б.Н.* Благосостояние населения и революция в имперской России XVIII – начала XX века. М., 2010.
- Очерки русской культуры XIX века. Т. 1–6. М., 1998–2005.
- Первая революция в России: взгляд через столетие / А.П. Корелин, И.М. Пушкарева, Н.Г. Королева, С.В. Тютюкин, И.А. Христофоров. М., 2005.
- Петр Аркадьевич Столыпин. Энциклопедия. М., 2011.
- Петров Ф.А.* Формирование системы университетского образования в России. Т. 1–4. М., 2002–2003.
- Писарькова Л.Ф.* Городские реформы в России и Московская городская Дума. М., 2010.
- Писарькова Л.Ф.* Государственное управление России в первой четверти XIX в. Замыслы, проекты, воплощение. М., 2012.
- Рахматуллин М.А.* Екатерина II, Николай I, А.С. Пушкин в воспоминаниях современников. М., 2010.
- Революционная мысль в России XIX – начала XX века. Энциклопедия / отв. ред. В.В. Журавлев. М., 2013.
- Россия в начале XX в. Исследования. М., 2002.
- Репников А.В.* Консервативные концепции переустройства России. М., 2007.
- Рокитянский Я.Г.* Гуманист октябрьской эпохи академик Д.Б. Рязанов. М., 2009.
- Российский либерализм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010.
- Ружицкая И.В.* Законодательная деятельность в царствование императора Николая I. М., 2005.

Преподавателю на заметку

- Ружицкая И.В.* Просвещенная бюрократия (1800–1860-е гг.). М., 2009.
- Русский консерватизм середины XVIII – начала XX века. Энциклопедия / отв. ред. В.В. Шелохаев. М., 2010.
- Соловьев К.А.* Законодательная и исполнительная власть в России: механизмы взаимодействия (1906–1914). М., 2011.
- Туманова А.С.* Самодержавие и общественные организации в России. 1905–1917 года. Тамбов, 2002.
- Тюкавкин В.Г.* Великорусское крестьянство и столыпинская аграрная реформа. М., 2001.
- Тютюкин С.В.* Большевики: страницы истории. М., 2002.
- Тютюкин С.В.* 10 лет в журнале «Отечественная история». М., 2005.
- Тютюкин С.В.* Александр Керенский. Страницы политической биографии (1905–1917 гг.). М., 2012.
- Ульянова Г.Н.* Благотворительность в Российской империи. XIX – начала XX веков. М., 2005.
- Урилов И.Х.* История Российской социал-демократии (меньшевизма). Ч. 1–4. М., 2000–2008.
- Шевченко М.М.* Конец одного Величия: власть, образование и печатное слово в императорской России на пороге Освободительных реформ. М., 2003.
- Шелохаев В.В.* Конституционно-демократическая партия в России и эмиграции. М., 2015.
- Шерстянников Н.А.* История меньшевистской фракции РСДРП (1903 – февраль 1917 гг.). М.: Экон-информ, 2003.
- Христофоров И.А.* «Аристократическая» оппозиция Великим реформам (конец 1850 – середина 1870-х гг.). М., 2002.
- Христофоров И.А.* Судьба реформы. Русское крестьянство в правительственной политике до и после отмены крепостного права (1830–1890-е гг.). М., 2011.
- Христофоров И.А.* Александр Николаевич Романов. М., 2015.
- Чернов К.С.* Забытая конституция. Государственная Уставная грамота Российской империи. М., 2007.
- Ячменихин К.М.* Армия и реформы: военные поселения в политике российского самодержавия. Чернигов, 2006.

**ИЗ ПОСТУПЛЕНИЙ
В САМАРСКУЮ ОБЛАСТНУЮ УНИВЕРСАЛЬНУЮ НАУЧНУЮ БИБЛИОТЕКУ**

Бишоп К. Вторая мировая война. Судьбоносные военные операции. М.: АСТ, 2014. 383 с.

В хронологии событий в Европе, Северной Африке и на Тихом океане представлена самая достоверная информация и уникальные малоизвестные подробности ключевых операций, определивших ход Второй мировой войны. Яркие и наглядные карты и комментарии специалистов помогут заглянуть за кулисы крупнейших битв войны, определившей дальнейшее развитие всего мира в XX веке. Перевод с английского языка.

Большая война России: социальный порядок, публичная коммуникация и насилие на рубеже царской и советской эпох. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 206 с.

В сборнике статей затрагивается проблема, можно ли считать революцию 1917 года и Гражданскую войну вехами «особого пути» России или же они были следствием той кризисной ситуации, с которой столкнулись и другие воевавшие государства.

Верхотуров Д.Н. Крым. Военная история: от Ивана Грозного до Путина. М.: Эксмо; Яуза, 2014. 287 с.

В исследовании приведен сводный обзор военных и дипломатических действий вокруг Крыма, начиная с периода Крымского ханства. Особое внимание уделено судьбе Крыма в XX – начале XXI в.

Внешиполитические интересы России: история и современность: сборник материалов Всероссийской научной конференции, приуроченной к 100-летию начала Первой мировой войны, 30 марта 2014 г. Самара: Самарская гуманитарная академия, 2014. 222 с.

В сборнике рассматриваются внешнеполитические приоритеты России на различных исторических этапах в контексте международных отношений и в тесной связи с внешней политикой сопредельных государств.

Женщины Великой Отечественной войны / отв. сост. Н.К. Петрова. М.: Вече, 2014. 692 с.

СССР был единственной страной в годы Второй мировой войны, где женщины принимали непосредственное участие в боевых действиях. В сборник документов включены материалы о том, кто подлежал мобилизации в Красную армию, как мобилизация проходила, в какие рода войск направлялись женщины.

Кондрашов В.В. Военные разведки во Второй мировой войне. М.: Кучково поле, 2014. 400 с.

В книге рассказывается об операциях военных разведок стран, участвовавших во Второй мировой войне, раскрываются применявшиеся ими формы и методы работы.

Крюков В.М. Весна и осень революционной дипломатии: первое десятилетие советской политики в Китае: в 2-х т. Т. 1. 1917–1922 гг. М.: Памятники исторической мысли, 2015. 615 с.

В книге на основе документов, хранящихся в архивах России, Китая, США, Англии, Японии и Германии, освещаются дипломатические отношения России и Китая в 1917–1922 гг.

Макаров Н.В. Русский либерализм конца XIX – начала XX века в зеркале англо-американской историографии. М.: Памятники исторической мысли, 2015. 392 с.

В монографии анализируется англо-американская научная литература, посвященная узловым проблемам истории русского либерализма конца XIX – начала XX в.

Миронов В.Б. Первая мировая война. Борьба миров. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 303 с.

Книга академика В.Б. Миронова – глубокое, серьезное исследование о том, кто был заинтересован в развязывании этой бойни миллионов людей, какие страны и почему в ней участвовали, как развивались события и каковы итоги войны. В ее основу легли сотни документальных источников, аналитических материалов ученых, воспоминания политиков и военных деятелей. Особое внимание уделено событиям в России – от 1905 до октября 1917 года.

Наджафов В.Г. Пакт, изменивший ход истории. М.: Новый хронограф, 2015. 528 с.

В книге на материалах архивов России и США рассматриваются различные аспекты проблемы происхождения и природы Второй мировой войны. Основной акцент сделан автором на фактор «классово-имперской» политики сталинского Советского Союза.

Партия левых социалистов-революционеров: документы и материалы, 1917–1925 гг.: в 3 т. Т. 2, ч. 2. М.: Росспэн, 2015. 1183 с.

Настоящее издание представляет документы и материалы партии левых социалистов-революционеров с 1917 по 1925 г., когда произошел распад партийных структур. Многие документы публикуются впервые, что позволит более полно раскрыть весьма существенную роль партии в событиях первых лет революции.

Первая мировая: неизвестные страницы / сост. В.А. Золотарев. М.: АСТ, 2014. 507 с.

В предлагаемом читателям источниковедческом труде в современной русской орфографии публикуются редкие аналитические документы, представляющие собой отчеты о производстве расследований катастроф на русском фронте Первой мировой войны.

Полян П.М. Свитки из пепла. М.: АСТ, 2015. 605 с.

Книга посвящена концлагерю Аушвиц-Освенцим, членам «зондеркоммандо» из евреев-заключенных, использованы неизвестные документы Холокоста – дневники и воспоминания жертв лагеря.

Померанц Г.С. Следствие ведет каторжанка. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014. 253 с.

Книга раскрывает события, происходившие в годы Большого террора, правда о которых была

засекречена и фальсифицирована. Для осмысления описанных событий сегодня важен философский комментарий автора, пробуждающий самостоятельное историческое мышление человека.

Проблемы изучения военной истории: сборник статей Третьей Всероссийской научной конференции с международным участием. Самара, 24–25 марта 2015 г. Самара: Издательство «Научно-технический центр», 2015. 547 с.

В сборнике рассмотрены проблемы методологии, историографии и источниковедения истории Великой Отечественной войны, ее изучения и преподавания, а также различные социально-экономические, научно-технические, духовные и другие аспекты военной истории. Большое внимание уделено вопросам отражения военной истории в литературе, культуре и искусстве, собиранию, сохранению и использованию документального наследия из фондов архивов, музеев, библиотек. Рассмотрен вопрос о г. Куйбышеве как запасной столице СССР в 1941–1943 гг.

Российская империя: победы и поражения на фронтах Первой мировой войны. М.: ОЛМА Медиа Групп, 2014. 444 с.

В книге рассказывается о том, как складывался ход войны, какие основные сражения произошли на ее полях, какие последствия она имела для всего мира и прежде всего для самой России. В ней содержатся материалы, написанные русскими военными историками – А.А. Керсновским и А.М. Зайончковским с использованием дневников и мемуаров ряда известных современников описываемых событий.

Сенявский А.С. Освободительная миссия Красной Армии в 1944–1945 гг.: гуманитарные и социально-психологические аспекты. Исторические очерки и документы. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2015. 460 с.

В исследовании на основе впервые опубликованных архивных документов рассматриваются психология и поведение личного состава Красной армии за рубежом, политическая работа в войсках по разъяснению задач освободительной миссии, гуманитарная помощь жителям освобожденных стран, настроения и отношение к советским войскам гражданского населения.

Хейстингс М. Первая мировая война: катастрофа 1914 г. М.: Альпина нон-фикшн, 2014. 602 с.

В книге показаны причины катастрофы, картина военных действий на Западном и Восточном фронтах. Использовано большое количество документов, как официальных, так и свидетельств современников, в том числе рядовых участников событий. Перевод с английского языка.

Хроники победы Москва–Берлин. Полная хроника 1418 дней/1418 ночей / авт.-сост. А.В. Сульдин. М.: АСТ, 2015. 750 с.

На основе огромного числа архивных материалов, самых разных источников, воспоминаний очевидцев, газет того времени скрупулезно восстановлена картина каждого дня из 1418 дней Великой Отечественной войны.